РОДЖЕР

ЖЕЛЯЗНЫ

ДВЕРИ В ПЕСКЕ

Двери в песке
Роджер Желязны

Аннотация
Роджер Желязны. Двери в песке
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

Аннотация

Агентам ФБР, бандитам и даже инопланетянам – всем им позарез нужен Фред Кассиди, подозреваемый в похищении звездного камня, представляющего собой артефакт погибшей цивилизации. Его пропажа грозит Земле исключением из Галактического Содружества и прочими крупными неприятностями. На `помощь` Фреду приходит странный мысленный голос Спейкус, советующий ему воспользоваться другим инопланетным чудом – инвертором Ренниуса, но это означает превратиться в Зеркального человека.

Роджер Желязны
Двери в песке

1

Подложив под голову левую руку, я лежал на покатой черепичной крыше. И вдруг, случайно взглянув на рваные клочки облаков, разбросанные тут и там в голубой небесной луже, заметил в тени фронтона у себя над головой и над университетом буквы:

«ТЫ УЧУЯЛ МЕНЯ, ДЕД?»

Всего одна секунда, и надпись исчезла. А я пожал плечами. Затем, правда, решил принюхаться к легкому ветерку, который несколько секунд назад промчался мимо.

— Извини, приятель, — пробормотал я, обращаясь к таинственному любителю письменных сообщений, — что-то я ничего не чувствую, никаких особенных запахов.

Потом зевнул и потянулся. Наверное, задремав, я ухватил конец какого-то причудливого сна; пожалуй, мне повезло, что я не могу вспомнить, о чем он был. Бросил взгляд на часы и обнаружил, что опаздываю на назначенную мне встречу. Впрочем, часы вполне могли показывать и неправильное время. По правде говоря, это было их

обычное состояние.

Я сел на корточки, упираясь ногами в карниз, который удерживал лед на крыше, а правой рукой ухватился за фронтон. С крыши пятиэтажного дома площадь внизу казалась мне изысканным пейзажем — бетон и зелень деревьев, замысловатое переплетение теней и солнечного света, люди, чьи движения напоминают актеров во время замедленной съемки в кино, фонтан, похожий на фаллос, конец которого получил изрядную дозу картечи. За фонтаном стоял Джефферсон-холл, где на третьем этаже располагался кабинет моего нового куратора Дениса Векслера. Я похлопал себя по карману брюк — карточка с расписанием на месте. Отлично.

Спускаться вниз, идти через площадь, а потом снова подниматься на третий этаж — пустая трата времени, я ведь все равно уже наверху. И хотя путешествовать по крышам до захода солнца не принято и считается нарушением установленных давным-давно традиций, да и в мои привычки тоже, как правило, не входит, добраться до нужного здания — учитывая, что все они соединены друг с другом, — будет легко, да и вряд ли меня кто-нибудь заметит.

Я прошел по фронтону и оказался у его дальнего

края. Оттуда спрыгнул на плоскую крышу библиотеки. Никаких проблем — всего шесть футов. И отправился дальше по крышам жилых домов, до церкви, словно Квазимодо, осторожно ступая, прошел по карнизу, спустился по водосточной трубе; еще один карниз, потом большой дуб, и еще карниз — вот тут пришлось призвать на помощь ловкость и умение. Великолепно! Наверняка сэкономил шесть или даже семь минут.

Когда я заглянул в окно, часы на стене показывали, что у меня еще в запасе целых три минуты, и я остался очень доволен собой.

Голова Дениса Векслота, с выпученными глазами и широко открытым ртом, приподнялась от книги, медленно повернулась, на мгновение оказалась в тени, а потом, не совсем уверенно, потащила за собой все остальное тело. И вот уже мой куратор стоит на ногах возле стола и смотрит на меня.

Я бросил взгляд назад, через плечо, стараясь понять, что же его так ужасно разозлило, но в этот момент он поднял раму и сказал:

— Мистер Кассиди, что, черт подери, вы тут вытворяете?

Я снова повернулся к Денису Векслоту, который вцепился в раму так, словно я собирался ее у

него отнять, а она представляла для него самую главную ценность в жизни.

— Ждал, когда подойдет время, на которое мы договорились с вами встретиться, потому что немного не рассчитал и пришел на три минуты раньше, — ответил я.

— Знаете что, спуститесь-ка вниз и поднимитесь сюда по лестнице, как полагается нормальным… — начал он. А потом вдруг выкрикнул: — Нет! Подождите! Так я могу стать соучастником какой-нибудь гадости. Давайте заходите!

Векрот отступил в сторону, а я вошел в его контору. Он не захотел подать мне руку, несмотря на то что я тщательно вытер свою о собственные брюки. Мой куратор отвернулся от меня и медленно сел за свой стол.

— Существует правило, запрещающее лазать по крышам зданий, — сообщил он мне.

— Да, — согласился я, — но это правило всего лишь формальность. Администрации было просто необходимо придумать что-то в этом духе. Никто не обращает ни малей…

— Ведь именно вы, — сказал Векрот, качая головой, — именно из-за вас и было придумано это правило. Я здесь совсем недавно, и все же успел самым тщательным образом изучить все,

что вас касается.

— По правде говоря, — заявил я, — если я не очень лезу на рожон и веду себя скромно, никого особенно не беспокоит моя любовь к крышам…

— Акрофилия! — фыркнул Векрот и хлопнул рукой по папке, которая лежала перед ним на столе. — Вы сумели найти и купить парочку беспринципных кретинов-врачей, чьи заключения помогли вам избежать ареста, вам даже стали сочувствовать и вы превратились в своего рода местную знаменитость. Я только что прочитал эти бумаги. Куча навоза — и больше ничего. Лично меня они ни в чем не убедили. Я считаю, что это даже не смешно.

— Мне нравится лазать, — пожав плечами, сказал я. — Мне нравится забираться туда, где высоко. Я никогда не утверждал, что в этом есть что-то смешное, а доктор Марко вовсе не беспринципный кретин.

Векрот издал какой-то неопределенный звук и принялся листать бумаги в папке. Я же почувствовал, что он мне не нравится. Коротко подстриженные, песочного цвета волосы, аккуратная бородка и такие же усы, скрывающие тонкие злые губы. Похоже, ему лет двадцать пять или около того. Грубит, держится высокомерно

и важничает, даже сесть не предложил, хотя я, наверное, на парочку лет его старше, к тому же спешил, старался не опоздать на встречу.

Я уже видел его один раз — мельком, на какой-то вечеринке. Он тогда как следует надрался и вел себя куда дружелюбнее; вероятно, еще не видел папки с моими бумагами. Впрочем, это не должно было бы иметь принципиального значения. Он обязан вести себя со мной de novo[1], а вовсе не основываясь на всякого рода сплетнях.

Ладно, кураторы приходят и уходят — университетские, факультетские, специальные. Мне доводилось иметь дело с самыми лучшими и с самыми отвратительными. Сейчас я, пожалуй, и не смог бы сходу сказать, кто из них мне нравился больше всего. Может быть, Мерими. Или Крофорд. Мерими помог мне, когда меня хотели упрятать за решетку. Очень приличный человек. Благодаря Крофорду я чуть было не закончил университет. Если бы ему удалось этого добиться, он бы получил специальный приз, как Куратор Года. Хороший он был парень. Только вот слишком уж развита у него творческая жилка. Интересно, где они сейчас?

---

1 Примечания: 1
С самого начала (лат.)

Я пододвинул к столу Дениса Векрота стул и устроился на нем поудобнее, зажег сигарету и воспользовался корзиной для бумаг вместо пепельницы. Казалось, он ничего не замечает, только сидит и задумчиво просматривает бумаги в моей папке.

Так прошло несколько минут, а потом он сообщил:

— Что ж, теперь я готов к разговору с вами.

Посмотрев на меня снизу вверх, мой новый куратор победно улыбнулся:

— Мистер Кассиди, в этом семестре вы закончите обучение в нашем университете.

— В этот день, мистер Векрот, в аду сильно похолодает, — не удержавшись от улыбки, ответил я.

— Я думаю, что подготовился к встрече с вами более тщательно, чем это делали мои предшественники, — заявил он. — Насколько я понимаю, вам известны все университетские правила?

— Я регулярно их изучаю.

— Кроме того, уверен, вы знаете, какие курсы предлагает наш университет и этом семестре?

— Вы и тут не ошиблись.

Векрот достал из кармана пиджака кисет и трубку и стал медленно набивать ее табаком,

делая это с необычайной тщательностью и явно наслаждаясь процессом. Я уже давно понял, что он курит трубку. Векслот прикусил мундштук, поднес к табаку спичку, сделал несколько пробных затяжек, вынул трубку изо рта и посмотрел на меня сквозь дым.

— В таком случае, вы должны понимать, что получите диплом в принудительном порядке, в соответствии с одним из основных законов факультета.

— Вы же еще не видели карточку с моим предварительным выбором предметов.

— А она не имеет никакого значения. Я перебрал все варианты сочетания курсов, которые вы могли бы взять, чтобы сохранить свой нынешний статус, и обработал данные вместе с программистами. А потом сверил их с теми курсами, которые вы успели прослушать, и в каждом случае я придумал надежный способ от вас избавиться. Вне зависимости от того, что вы выберете, вам не избежать завершения какого-нибудь основного курса.

— Похоже, вы всерьез относитесь к своей работе.

— Вот именно.

— Может, скажете, почему вы так стремитесь

от меня избавиться?

— Конечно, скажу, — заверил Векслер. — Дело в том, что вы трутень.

— Трутень?

— Самый настоящий. Вы ничего не делаете, только зря здесь болтаетесь.

— А что же в этом плохого?

— Вы тяжким грузом давите на весь преподавательский состав университета, попусту тратите их эмоции и интеллект.

— Чепуха, — заметил я. — Я написал несколько отличных статей.

— Совершенно верно. Вы уже давно должны были бы преподавать или заниматься самостоятельными исследованиями — получив не одну научную степень, — а не занимать место, которое предназначается какому-нибудь бедняге.

Я усилием воли заставил себя не думать о бедном отвергнутом претенденте на мое место — худой, с ввалившимися глазами, нос и кончики пальцев прижаты к стеклу, запотевшему от его дыхания, мучительно страдающий от того, что из-за меня он лишился возможности получить хорошее образование — и сказал:

— Опять чепуха. Почему вам так хочется от меня избавиться?

Векрот некоторое время задумчиво смотрел на свою трубку, а потом ответил:

— Если коротко — вы мне не нравитесь.

— Почему? Вы ведь меня совсем не знаете.

— Я знаю о *вас* — этого более чем достаточно. — Он постучал пальцем по папке с моим досье. — Здесь все написано. К таким людям, как вы, я не испытываю ни малейшего уважения.

— Вы не могли бы немного конкретизировать?

— Хорошо, — согласился Векрот, раскрыв досье на одной из многочисленных закладок. — Судя по этим записям, вы провели в нашем университете — сейчас уточню — около тринадцати лет.

— Похоже на правду.

— Причем все это время вы продолжали учиться на дневном отделении, — добавил он.

— Да, я всегда посвящал свое время учебе.

— Вы поступили в университет в весьма юном возрасте. Способностей вам было не занимать. Ваши оценки постоянно оставались довольно высокими.

— Благодарю вас.

— В мои намерения не входит делать вам комплименты. Это всего лишь констатация факта. Однако для получения диплома вам каждый раз не хватало самой малости. На самом деле, у

вас накопилось столько самых разнообразных данных и материалов, что их хватило бы на несколько докторских диссертаций. Вам не раз предлагали объединить ваши работы…

— Объединенные работы не подпадают под действие правила о получении диплома.

— Да, мне это хорошо известно. Нам обоим это хорошо известно. За прошедшие годы стало очевидным, что вы намерены оставаться студентом дневного отделения как можно дольше и не собираетесь писать дипломную работу.

— Я этого никогда не утверждал.

— И не нужно, мистер Кассиди. Ваше личное дело говорит само за себя. Вы весьма хитроумно справлялись с главными требованиями, с легкостью избегали получения диплома, время от времени меняя один основной курс на другой и получая таким образом новый набор требований, выполнение которых необходимо для получения диплома. Впрочем, через некоторое время курсы начали перекрывать друг друга, и вам пришлось менять их каждый семестр. Закон о принудительной выдаче диплома после завершения одного из основных факультетских курсов, насколько я понимаю, был принят исключительно из-за вас. Вам очень ловко удавалось обходить все острые углы,

только на этот раз вряд ли что-нибудь получится, потому что острых углов больше не осталось. Ваше время истекает и часы обязательно пробьют. Для вас это последнее интервью подобного рода.

— Я очень на это рассчитываю. Я зашел к вам, чтобы подписать карточку.

— Вы же задали мне вопрос.

— Да, но теперь я вижу, что вы очень заняты, и решил отпустить вас на свободу.

— Все в порядке. Я здесь как раз для того и сижу, чтобы отвечать на ваши вопросы. Надо сказать, что, услышав о вас впервые, я, естественно, заинтересовался причинами вашего столь необычного поведения. А когда мне предложили стать вашим куратором, я постарался выяснить…

— Вам «предложили»? Вы хотите сказать, что делаете это добровольно?

— Совершенно. Я решил стать тем, кто поможет вам распрощаться с университетом и отправит вас в реальный мир.

— Не могли бы вы подписать мою карточку…

— Подождите еще чуть-чуть, мистер Кассиди. Вас интересовало, почему вы мне на нравитесь. Когда вы покинете этот кабинет — через дверь, а не через окно, — вы будете это знать. Во-первых,

мне удалось добиться успеха там, где потерпели поражение мои предшественники. Я знаком с условиями завещания вашего дядюшки.

Я кивнул, поскольку уже раньше понял, куда он клонит.

— Мне кажется, вы несколько вышли за рамки своих обязанностей, мистер Векрот. Это мое личное дело.

— Поскольку вопрос касается вашей деятельности здесь, он входит в круг моих профессиональных интересов — и заставляет меня пораскинуть мозгами. Насколько я понимаю, ваш дядя оставил вам значительную сумму, из которой вам выдается приличное содержание, пока вы остаетесь студентом дневного отделения и работаете над завершением диплома. Как только вы получите хоть какую-нибудь степень, деньги перестанут поступать вам, а то, что останется, будет распределено между представителями Ирландской Республиканской Армии. Я правильно описал ситуацию?

— Думаю, да, если вообще можно правильно описать несправедливую ситуацию. Бедный старый дядюшка Альберт, он, наверное, совсем спятил, когда писал свое завещание. На самом деле, это мне надо сочувствовать, а вовсе не ему.

— Складывается впечатление, что старик хотел обеспечить вас возможностью получить приличное образование — не более и не менее того — а затем предоставить вас самому себе, чтобы вы самостоятельно искали место в жизни. Мне представляется, что это вполне разумное намерение.

— Я уже понял, как вы относитесь к данному вопросу.

— А вы со мной не согласны.

— Точно. Речь идет о двух абсолютно разных философских взглядах на образование.

— Мистер Кассиди, я совершенно уверен, что в данном случае скорее экономика, а не философия определяет ситуацию. Вам удавалось в течение тринадцати лет оставаться студентом дневного отделения университета и при этом не получить никакой степени и диплома — вы это делали для того, чтобы продолжать получать стипендию, назначенную вашим дядей. Вы с наибольшей выгодой для себя воспользовались не совсем точной формулировкой завещания, потому что вы бездельник и дилетант и у вас нет ни малейшего желания работать и служить обществу, дабы возместить тот урон, который ему наносит сам факт вашего существования. Вы авантюрист. Безответственный тип. Вы трутень.

— Ну хорошо. — Я кивнул. — Вы удовлетворили мое любопытство на предмет вашего образа мыслей. Спасибо.

Векслрот нахмурился и внимательно посмотрел на меня.

— Поскольку вам придется быть моим куратором в течение довольно длительного времени, — сказал я ему, — мне хотелось знать, как вы относитесь к некоторым проблемам. У меня нет к вам больше никаких вопросов.

— Вы блефуете, — хихикнул Векслрот.

— Как только вы подпишете мою карточку, — пожав плечами, проговорил я, — меня здесь не будет.

— Мне даже не нужно заглядывать в вашу карточку, — медленно начал мой наставник, — чтобы убедиться в том, что мне не придется быть вашим куратором в течение длительного времени. Пришел конец вашему безделью, Кассиди.

Я достал из кармана карточку и протянул ее Денису Векслроту. Не обращая на нее никакого внимания, он продолжал:

— Вы оказываете деморализующее влияние на многих в нашем университете… Мне ужасно любопытно, что сказал бы ваш дядя, если бы узнал, каким образом вы исполняете его волю. Он…

— Я спрошу его, когда он тут появится, — успокоил я Векрота. — Впрочем, я навещал его в прошлом месяце, и у меня не сложилось впечатления, что он намерен сделать это в ближайшее время.

— Простите? Что-то я не…

— Дядя Альберт — один из тех счастливчиков, что оказались замешанными в скандале Поживем-Еще-Капельку. Около года тому назад. Помните?

Векрот задумчиво покачал головой:

— Боюсь, что нет. Я думал, ваш дядя умер. По правде говоря, он должен быть мертвым. Если завещание…

— Это деликатный философский вопрос, — начал я. — С точки зрения закона он, конечно же, умер. Только дядя Альберт велел заморозить себя и положить в Поживем-Еще-Капельку — один из центров криоконсервации. Однако владельцы центра оказались, мягко говоря, не совсем честными людьми, и дядю перевели в другое учреждение подобного рода вместе с еще несколькими счастливчиками.

— Счастливчиками?

— Мне кажется, это самое подходящее слово. В книгах Поживем-Еще-Капельку числилось более

пятисот клиентов, а на самом деле заморозили только около пятидесяти. Они получили огромные барыши таким способом.

— Послушайте, мне кажется, я чего-то не понимаю. А что стало с остальными?

— Самые лучшие части их тел и органы оказались на рынке. Еще одно поле деятельности, которое принесло центру Поживем-Еще-Капельку приличные деньги.

— Теперь, по-моему, я что-то припоминаю. А как же… останки?

— Один из партнеров владел еще и похоронным бюро. Он помогал избавляться от тел.

— О! Да… Подождите минутку. А что они делали, если приходили посетители с требованием показать им своего замороженного друга или родственника?

— Меняли таблички с именами. Одно замороженное тело очень похоже на другое, если смотреть на него через покрытое инеем стекло — что-то вроде леденца в целлофановой обертке. Короче говоря, дядя Альберт оказался одним из тех, кого они держали для демонстрации. Ему всегда везло.

— А каким образом удалось вывести их на чистую воду?

— Уклонение от налогов. Их погубила жадность.

— Понятно. Значит, ваш дядя может спросить у вас отчета — когда-нибудь?

— Такая возможность существует. Если честно, успешных возрождений было совсем немного.

— Ваш дядя объявится в один прекрасный день и попросит у вас отчета о вашей деятельности, а вас это совершенно не беспокоит?

— Я всегда решаю проблемы по мере их возникновения. Насколько мне известно, дядя Альберт пока еще не возник.

— Учитывая волю университета и вашего дяди, я считаю своим долгом указать вам, что вы наносите вред еще в одной области.

Я внимательно изучил кабинет. Даже под стул заглянул.

— Сдаюсь, — признал я свое поражение.

— Вы наносите вред себе.

— Себе?

— Вот именно, себе. Согласившись на легкую в экономическом смысле жизнь, вы поддаетесь инерции. Собственными руками лишаете себя возможности занять достойное положение в обществе. И замыкаетесь в своем безделье.

— Безделье?

— Безделье. Вы же болтаетесь здесь без дела целые годы.

— Получается, что вы действуете в моих интересах, стараясь выкинуть меня из Университета, так что ли?

— Точно.

— Мне очень неприятно вам это говорить, но история знает множество людей, подобных вам. Их принято судить достаточно строго.

— История?

— Не факультет истории. История как наука.

Векслрот вздохнул и покачал головой. Потом взял мою карточку, откинулся на спинку стула, подымил немного трубкой и начал внимательно изучать то, что я написал.

«Интересно, он действительно считает, что делает мне добро, стараясь разрушить мою жизнь? — подумал я. — Вполне возможно».

— Минутку, — проговорил вдруг Векслрот. — Здесь ошибка.

— Там нет ошибок.

— Количество часов проставлено неверно.

— Нет, верно. Мне нужно двенадцать. Там стоит двенадцать.

— Я ничего не имею против этого, но…

— Шесть часов на мой собственный проект,

соединяющий в себе несколько дисциплин, изучение предмета на месте, в моем случае речь идет об Австралии.

— Знаете что, на самом деле это должен быть курс антропологии. Один из основных курсов. Но я имел в виду не это…

— Далее, три часа сравнительной литературы, вместе с курсом, посвященным изучению творчества трубадуров. Тут для меня все совершенно безопасно, к тому же я смогу воспользоваться видео — и еще один час на общественные науки, так же по видео я буду следить за текущими событиями. Здесь тоже все в порядке. Получается уже десять часов. Еще два часа на продвинутый курс плетения корзин — итого, двенадцать. Я свободен?

— Нет, сэр! Ни в коем случае! Последний курс предполагает три часа занятий — и, следовательно, считается основным!

— Похоже, вы еще не видели циркуляр номер пятьдесят семь, не так ли?

— Что?

— В него были внесены изменения.

— Я вам не верю.

Я посмотрел на его корзинку с корреспонденцией.

— Почитайте свою почту.

Векслрот схватил корзинку, перебрал то, что там лежало. Где-то в самой середине стопки бумаг нашел листок. На лице у него сначала появилось недоверие, потом ярость и озадаченность — и все это в течение всего пяти секунд. Я очень рассчитывал на отчаяние, но полного счастья не бывает.

Когда мой куратор снова повернулся ко мне, у него был очень расстроенный и удивленный вид.

— Как вам это удалось? — спросил он.

— А почему вам в голову лезут самые отвратительные подозрения?

— Потому что я читал ваше личное дело. Вы каким-то образом добрались до преподавателя, не так ли?

— И не стыдно делать такие предположения? Кроме того, я был бы полнейшим кретином, если бы ответил на ваш вопрос, разве не так?

— Да, наверное. — Векслрот вздохнул.

Он достал ручку, с силой щелкнул кнопкой — непонятно зачем — и написал свое имя в самом низу карточки на строке «Утверждено».

Возвращая мне карточку, он заявил:

— Надеюсь, вы понимаете, что мне почти уда-

лось вас поймать. Однако вы опять ускользнули. Что же дальше?

— Насколько я понимаю, в будущем году планируется ввести два новых основных курса. Я думаю, мне следует поговорить с каким-нибудь другим факультетским куратором, если я собираюсь поменять поле деятельности.

— Вам придется иметь дело со мной, — сказал Векрот. — А уж я сам свяжусь с теми, кто будет отвечать за новые курсы.

— У каждого есть факультетский куратор.

— Вы являетесь особым случаем, требующим особого внимания. Вы должны сообщать мне о своих дальнейших намерениях.

— Хорошо, — согласился я, потом встал и положил карточку в карман брюк. — В таком случае до встречи.

Кода я шел к двери, Векрот бросил мне в спину:

— Я найду способ справиться с вами.

— Вы, — остановившись на пороге, нежным голосом заявил я, — вы и Летучий Голландец.

А потом я осторожно прикрыл за собой дверь.

2

Происшествия и фрагменты, время, разбитое на отдельные эпизоды.

Вот например…

— Ты не шутишь?

— Боюсь, что нет.

— Меня бы больше устроило, если бы этот беспорядок был естественного происхождения, — сказала она. Глаза у нее были широко раскрыты, и она упорно отступала к двери, через которую мы только что вошли.

— Ну, то, что здесь произошло, уже произошло. Мы уберем все и…

Она открыла дверь. Ее длинные, великолепные волосы взметнулись, когда она отчаянно покачала головой.

— Знаешь, я хочу обдумать все это еще разок, — сказала она мне и вышла в коридор.

— Да брось ты, заходи, Джинни. Ничего страшного не случилось.

— Я сказала, что хочу подумать.

Она начала закрывать за собой дверь.

— Позвоню тебе попозже?

— Не стоит.

— Завтра?

— Знаешь, я сама тебе позвоню.

Клик.

Проклятье. Она могла бы с таким же успехом и хлопнуть дверью.

Первая фаза моих поисков соседа по квартире закончилась. Хал Сидмор, который жил со мной вместе в течение некоторого времени, женился несколько месяцев назад. Я скучал по нему — с ним было легко, он хорошо играл в шахматы, был известным в городе буяном и прекрасно умел разъяснять массу самых разнообразных вопросов. Впрочем, занявшись поисками нового соседа, я решил, что было бы неплохо найти кого-нибудь, кто не был бы похож на Хала.

Мне казалось, что я обнаружил необходимые качества в Джинни, однажды ночью, когда взбирался по радиобашне, находившейся рядом с домом, на третьем этаже которого она жила. С этого момента события развивались стремительно. Я встретился с ней на первом этаже, и с тех пор мы много времени проводили вместе. Так прошло около месяца, мне как раз удалось убедить ее составить мне компанию на следующий семестр. И тут…

— Проклятье! — решил я, лягнув ящик письменного стола, который валялся на полу. Нет никакого смысла идти за ней прямо сейчас. Нужно сначала навести порядок. Дать Джинни возможность все обдумать. Повидать ее завтра.

Кто-то и в самом деле весьма старательно разворотил всю мою квартиру. Мебель была сдвинута со своих мест, покрывала сорваны с дивана и кресел. Я вздохнул, глядя на это разорение, — похлеще, чем после развеселой вечеринки. К тому же они выбрали самое неподходящее время. Конечно, это был не шибко респектабельный район, но, с другой стороны, и не худший. Ничего подобного со мной раньше не случалось. Теперь же я лишился замечательного, теплого и стройного компаньона. Можно было не сомневаться, что, ко всем прочим неприятностям, я чего-нибудь не досчитаюсь.

Я держал наличные деньги и кое-какие ценные вещи в верхнем ящике бюро, которое находилось в моей спальне. Еще несколько банкнотов я прятал в старом башмаке, небрежно брошенном в углу у входа. Хотелось думать, что вандал удовольствовался деньгами из бюро — я как раз на это и рассчитывал, пряча большую часть наличных денег в башмак.

Я пошел проверить.

В спальне тоже пронесся небольшой ураган, но его ярость уже явно пошла на убыль. Простыни были сорваны, а матрас перевернут. Два ящика бюро остались открытыми, но их содержимое не было выброшено на пол. Я пересек комнату, открыл верхний ящик и заглянул в него.

Все оказалось на месте, даже деньги. Я вернулся в прихожую, чтобы проверить башмак. Банкноты были там, где я их оставил.

— Вот и молодец, а теперь брось это сюда. — Голос показался мне знакомым, но я никак не мог сообразить, кому он может принадлежать.

Повернувшись, я увидел Пола Байлера, профессора геологии, который только что выбрался из чулана. В руках у него ничего не было, однако он не нуждался ни в каком оружии, чтобы его угрозы звучали вполне серьезно. Хотя Байлер и был невысокого роста, он отличался мощным телосложением, а шрамы на костяшках его пальцев всегда производили на меня сильное впечатление. Австралиец по происхождению, Байлер начинал свою карьеру инженером на рудниках в довольно глухих местах, лишь много позднее он занялся геологией и физикой, получил степень и начал преподавать.

Однако у меня всегда были с ним превосходные отношения, даже после того как я не стал заканчивать основного курса по геологии. Мы были знакомы с ним вот уже несколько лет. Правда, последние пару недель мы совсем не встречались, поскольку он куда-то уезжал. Я думал, что его нет в городе.

— Пол, что здесь происходит? — спросил я. — Только не говори мне, что это твоих рук дело.

— Башмак, Фред. Дай мне башмак.

— Если тебе нужны деньги, я с удовольствием одолжу…

— Башмак!

Я подошел к нему и протянул башмак. А дальше мне оставалось только стоять и смотреть, как он засовывает руку внутрь и вытаскивает свернутые банкноты. Сердито фыркнув, профессор резко сунул мне обратно башмак и деньги. От неожиданности я уронил и то, и другое.

Прежде чем я успел выругаться, Пол схватил меня за плечи, развернул и усадил в кресло, стоявшее возле открытого окна, где ветерок раздувал занавески.

— Мне не нужны твои деньги, Фред, — сказал он, свирепо глядя на меня сверху вниз. — Я хочу получить то, что мне принадлежит. Для тебя

же будет лучше, если ты дашь мне совершенно честный ответ на следующий вопрос: знаешь ли ты, о чем я сейчас говорю?

— Не имею ни малейшего представления. У меня нет ничего, что могло бы тебе принадлежать. Позвонил бы и спросил по телефону. Не было никакой необходимости вламываться сюда и…

Он отвесил мне оплеуху. Не слишком сильную. Но достаточно увесистую, чтобы заставить меня замолчать.

— Фред, — сказал он, — заткнись! Заткнись и слушай. И отвечай на вопрос, когда я тебе его задам. Больше ничего. Комментарии оставь для другого случая. Я тороплюсь. Мне совершенно точно известно, что ты лжешь, потому что я видел твоего бывшего соседа по квартире, Хала. Он сказал, что это у тебя, потому что он оставил модель у тебя, когда переезжал. Я имею в виду одну из копий звездного камня, которую он взял после партии в покер в моей лаборатории. Помнишь?

— Да, — ответил я. — Если бы ты просто позвонил мне и спросил…

Он отвесил мне новую оплеуху.

Я потряс головой, чтобы она побыстрее прояснилась, ну и конечно, чтобы выиграть время.

— Я… я не знаю.

Он снова занес руку.

— Подожди! Я все объясню! Он держал ту штуку, которую ты ему дал, на письменном столе, в качестве пресс-папье. Я уверен, что он взял ее с собой — вместе с остальными своими вещами, — когда выезжал отсюда.

— Что ж, значит, один из вас *лжет*, — заявил Пол. — В данный момент под рукой у меня ты.

Он замахнулся в третий раз, но на этот раз я его ждал. Уклонившись от удара, я лягнул своего незваного гостя в пах.

Зрелище получилось впечатляющим. Даже захотелось остаться и посмотреть — ведь до сих пор мне еще не приходилось никого бить ногой в пах. Самым разумным было сейчас врезать ему по шее, пока он стоял согнувшись, или дать от души локтем по его мясистому носу. Однако в тот момент мое состояние не слишком располагало к разумным, осмысленным поступкам. Если уж быть честным до конца, я боялся этого человека и мне совсем не хотелось подходить к нему близко. К тому же недостаточный опыт по нанесению ударов в пах не позволял мне даже предположить, через сколько времени он оклемается и снова на меня набросится.

Поэтому вместо того чтобы стоять и смотреть

на него, я решил заняться тем, что получалось у меня гораздо лучше.

В следующее мгновение, встав на ручку кресла, я выскользнул в открытое окно. Там был узкий карниз, пройдя по которому восемь футов направо, я ухватился за водосточную трубу.

Я мог бы продолжить движение и дальше, а потом без особых проблем спуститься вниз, но решил этого не делать. Здесь я чувствовал себя в полной безопасности.

Прошло совсем немного времени, и голова Пола показалась в окне. Посмотрев на меня и на узкий карниз, он выругался. Я закурил и улыбнулся.

— Ну, чего ты ждешь? — спросил я, пока он переводил дух. — Залезай ко мне. Может быть, ты гораздо крепче, чем я, Пол, но если окажешься здесь, рядом со мной, только один из нас вернется обратно. Внизу асфальт. Давай. Болтать каждый может. Покажи мне.

Он глубоко вздохнул, и его пальцы вцепились в подоконник. На миг мне даже показалось, что он сделает попытку. Однако Пол посмотрел вниз, а потом перевел взгляд на меня.

— Ладно, Фред, — сказал он голосом, которым обычно читал лекции. — Я не дурак. Ты победил. Теперь послушай меня, пожалуйста. То, что я

сказал, — правда. Мне необходимо получить эту штуку обратно. Я не стал бы так вести себя, если бы это не было для меня жизненно важно. Прошу тебя, пожалуйста, скажи, ты говорил правду!

В голове у меня еще звенело от его оплеух. И мне совсем не хотелось быть симпатичным парнем. С другой стороны, должно быть, эта модель и в самом деле очень много для него значила, если он так себя повел. К тому же я ничего не выигрывал, скрывая от него то, что знал. Поэтому:

— Это была правда, — сказал я.

— И ты не имеешь понятия, где может быть камень?

— Ни малейшего.

— А мог кто-нибудь взять его?

— Запросто.

— Кто?

— Да кто угодно. Ты же знаешь, какие вечеринки у нас бывали. По тридцать, сорок человек.

Пол кивнул и оскалил зубы.

— Ладно, — сказал он со вздохом, — я тебе верю. Попытайся все-таки вспомнить. Хоть что-нибудь, чтобы дать мне ниточку.

Я покачал головой:

— Мне очень жаль.

Пол вздохнул. Плечи его опустились. Он отвел

глаза.

— Теперь я уйду. Полагаю, ты собираешься обратиться в полицию?

— Да.

— Ну, я не в том положении, чтобы просить одолжений или угрожать тебе — во всяком случае, сейчас. Однако расценивай мои слова как просьбу и предупреждение одновременно. Не звони им. У меня достаточно неприятностей и без полиции.

Он отвернулся.

— Подожди, — окликнул я.

— Что?

— Может быть, если ты скажешь, в чем заключается твоя проблема…

— Нет, ты не сумеешь мне помочь.

— Хорошо, а если эта штука подвернется мне под руку? Что с ней делать?

— Если это произойдет, спрячь ее в надежное место и ничего никому не говори. Я буду периодически тебе звонить.

— Почему она так важна для тебя?

Он что-то пробурчал и ушел.

У меня за спиной кто-то прошептал:

— ТЫ МЕНЯ ВИДИШЬ, РЕД?

Я быстро повернулся, но там никого не было,

а в ушах все еще звенело от ласковых приветствий Пола. Я пришел к выводу, что день выдался неудачный и что мне просто необходимо залезть на крышу, чтобы немного подумать.

Позже мимо пролетал полицейский вертолет — их интересовало, нет ли у меня суицидных намерений. Я сказал им, что починяю черепицу, и это их удовлетворило.

Происшествия и фрагменты воспоминаний продолжались…

— Я *действительно* пытался до тебя дозвониться. Три раза, — сказал он. — Никто не брал трубку.

— А тебе не приходило в голову, что можно просто зайти?

— Я как раз собирался. Прямо сейчас. Но тут ты и пришел.

— Ты звонил в полицию?

— Нет. Ведь я должен беспокоиться не только о себе: у меня теперь есть жена.

— Понимаю.

— А ты звонил им?

— Нет.

— Почему?

— Сам не знаю. Ну, наверное, хотел выяснить, что происходит, прежде чем сдавать его.

Хал кивнул, багровый этюд в синяках и пластыре.

— Думаешь, мне известно нечто такое, чего не знаешь ты?

— Совершенно верно.

— Ты ошибаешься, — заявил Хал, сделал глоток и, поморщившись, добавил сахару в свой чай со льдом. — Когда я открыл дверь в прошлый раз, на пороге стоял Пол. Я впустил его, и он начал расспрашивать меня об этом проклятом камне. Я рассказал ему все, что смог вспомнить, но его это не удовлетворило. Тогда-то он и начал давить на меня.

— А что потом?

— Я вспомнил еще кое-что.

— У-гу. Вроде того, что камень у меня — а это ложь, — с тем чтобы он оставил тебя в покое.

— Все было совсем не так! — возразил Хал. — Я сказал ему правду. Ведь камень действительно оставался у тебя, когда я уезжал. Я понятия не имею, что произошло с ним потом.

— Где ты его оставил?

— Последний раз я его видел на письменном столе.

— Почему ты не взял его с собой?

— Не знаю. Наверное, устал на него смотреть.

Хал встал и начал расхаживать по комнате, потом остановился у окна и выглянул на улицу, Мэри ушла в университет, она находилась на занятиях и когда приходил Пол, а потом мяч покатился по дорожке, которая привела ко мне.

— Хал, — сказал я, — ты говоришь мне всю правду, ничего не утаивая?

— Все, что существенно.

— Слушай, кончай темнить.

Он повернулся спиной к окну, посмотрел на меня, затем отвел глаза в сторону.

— Ну, — промолвил он, — Пол утверждал, что вещь, которая была у нас, принадлежит ему.

Я не стал обращать внимания на «мы».

— Так оно и было, — отозвался я, — раньше. Но я сам видел, как он отдавал тебе камень. Из рук в руки.

Однако Хал покачал головой:

— Все не так просто.

— Да?

Он сел и снова взял стакан с чаем. Постучал костяшками пальцев по столу, сделал быстрый глоток и снова посмотрел на меня.

— Да. Видишь ли, камень, который был у нас, действительно принадлежит ему. Помнишь тот вечер? Тогда мы допоздна играли в карты в его

лаборатории. Шесть камней лежало на полке, над рабочим столом Пола. Мы сразу обратили на них внимание и спрашивали у него про них несколько раз. А Пол только улыбался и отвечал как-то таинственно или переводил разговор на другое. Позднее, прилично выпив, он сам начал рассказывать про камни.

— Вспомнил, — проговорил я. — Пол рассказал нам, что как раз на этой неделе его пригласили посмотреть на только что полученный от инопланетян звездный камень, который демонстрировался в Нью-Йорке. Он сделал сотни фотографий, используя всевозможные фильтры, исписал полную записную книжку заметками, собрал всевозможные сведения об этом камне, а потом занялся созданием дубликатов. Пол говорил, что хочет найти дешевой способ их производства, чтобы наладить выпуск сувениров. Полдюжины экземпляров на полке представляли его самые удачные достижения. Он гордился ими.

— Верно. Я заметил, что в мусорной корзине валяется несколько менее удачных образцов. Я поднял один из наиболее симпатичных и поднес его к свету. Камень мне понравился — на первый взгляд он ничем не отличался от тех, что стояли на полке. Пол обратил внимание, что я держу в

руках этот камень, улыбнулся и спросил. «Тебе он нравится?» Я сказал, что да. «Тогда можешь взять его», — разрешил он.

— И ты его взял. Именно так все и было.

— Да, но на этом дело не кончилось, — продолжал Хал. — Я взял камень с собой к столу и положил рядом с деньгами — так что всякий раз, когда делал новую ставку, смотрел на него. Через некоторое время я заметил в нем крошечный изъян у самого основания. Изъян был совсем незначительным, но чем больше я смотрел на него, тем сильнее он меня раздражал. Поэтому, когда вы оба вышли из комнаты за новой порцией холодного пива и лимонада, я подменил его на один из тех, что стояли на полке.

— Теперь я начинаю понимать.

— Ладно, ладно! Наверное, мне не следовало этого делать. В тот момент мне казалось, что ничего страшного не произойдет. Всего лишь пробные сувениры — отличие можно было заметить только если смотреть очень внимательно.

— Однако он заметил, когда выбрасывал неудачные экземпляры.

— Из чего следовало, что Пол считает оставшиеся превосходными и не станет их больше разглядывать. Да и какая тут вообще может быть

разница? Даже если бы пропали все шесть, ответ представляется мне очевидным.

— Да, выглядит все именно так, как ты говоришь, надо отдать тебе должное. Но Пол все-таки проверил — а теперь получается, что камни имели куда более важное значение, чем он говорил в ту ночь. Почему?

— Я много думал об этом, — произнес Хал. — Первое, что приходит в голову — Пол придумал историю с сувенирами для того, чтобы просто похвастаться перед нами камнями. Предположим, что кто-то, представляющий ООН, обратился к нему с предложением сделать дубликат — или несколько дубликатов — для них? Оригинал бесценен, заменить его невозможно и он выставлен перед публикой. Чтобы не допустить кражи или избежать неприятностей с каким-нибудь маньяком, вооружившимся молотком, они вполне могли принять решение выставить на всеобщее обозрение дубликат. Пол — самый подходящий кандидат на выполнение этой работы. Стоит завести разговор о кристаллографии, как сразу всплывет его имя.

— Кое с чем я могу согласиться, — кивнул я, — но в целом твоя версия не выдерживает серьезной критики. Зачем беспокоиться о потерянном

дубликате, если можно создать новый? Почему просто не забыть о потерявшемся камне?

— Нарушение режима секретности?

— Если дело в секретности, мы ее не нарушали. Это сделал он. Зачем было так нажимать на нас, когда мы уже практически забыли об этой истории? Нет, в твоей версии концы с концами не сходятся.

— Хорошо, что же тогда происходит?

Я пожал плечами.

— У нас недостаточно информации, — ответил я, вставая. — Если ты все же решишь обратиться в полицию, не забудь сказать им, что ты и в самом деле украл у него ту вещь, которую он так хочет вернуть.

— Ну знаешь, Фред, это удар ниже пояса.

— Зато правда. Интересно, какова подлинная цена камня? Я забыл, где проходит граница между мелкой кражей и серьезным ограблением.

— Ладно, твой намек принят. А что собираешься делать ты?

Я пожал плечами.

— Ничего, наверное. Буду просто ожидать дальнейшего развития событий. Дай мне знать, если тебе придет в голову что-нибудь новенькое.

— Хорошо. Ты сделаешь то же самое?

— Да.

Я направился к дверям.

— Ты уверен, что не хочешь остаться на обед? — спросил Хал.

— Нет, спасибо. Мне надо бежать.

— Тогда до встречи.

— До встречи. Не принимай эту историю близко к сердцу.

Я иду мимо темной пекарни. На стеклах блики света и тени.

«ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ МОЙ ВКУС, БРЕД?» — прочитал я.

Поколебавшись, я остановился, оглянулся и увидел, что тени создали анаграмму из рекламной вывески. Фыркнув, я поспешил дальше.

Куски и обрывки…

Ближе к полночи, когда я испытывал новый маршрут, поднимаясь на собор, мне показалось, что я насчитал лишнюю горгулью[2].

Однако, подобравшись поближе, я увидел, что это профессор Добсон, который устроился на контрфорсе — опять выпил и считает звезды.

Добравшись до ближайшего карниза, я присел

---

2 Примечания: 2

Рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры — в готической архитектуре

рядом отдохнуть.

— Добрый вечер, профессор.

— Привет, Фред. Да, ты совершенно прав. Прекрасная ночь. Я надеялся, что ты присоединишься ко мне. Выпей со мной.

— У меня низкая сопротивляемость, — ответил я. — Я редко пью.

— Сегодня особый случай.

— Ну, тогда совсем немного.

Я взял бутылку, которую он протягивал мне, и сделал глоток.

— Хорошая штука. Очень хорошая, — похвалил я, возвращая бутылку. — Что это такое? И какой сегодня случай?

— Старый замечательный коньяк, который я берег двадцать лет ради сегодняшнего вечера. Звезды наконец свершили свой огненный путь и встали на нужные места — посылая мне доброе предзнаменование.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я выхожу на покой, мне больше не придется участвовать в этих отвратительных крысиных бегах.

— О, примите мои поздравления. Я ничего не слышал.

— Так и было задумано. Мной. Терпеть не могу

прощальных речей. Осталось завершить разные мелкие дела, и я смогу уехать. Наверное, на следующей неделе.

— Ну, надеюсь, вы получите удовольствие от своей отставки. Мне не так часто удается встретить людей, которые разделяют мои интересы. Мне будет вас недоставать.

Он сделал глоток из бутылки, кивнул, но ничего не сказал. Я закурил, посмотрел вниз на спящий город, а потом поднял взгляд на звезды. Ночь выдалась прохладной, ветер был влажным и освежающим. Снизу доносился негромкий шум моторов проезжающих мимо машин — казалось, стрекочут насекомые. Лишь изредка мелькали летучие мыши, на миг закрывая своими крыльями созвездия.

— Алькаид, Мицар, Алиот, — пробормотал я, — Мегрец, Фекда…

— Мерак и Дубхе, — добавил он, закончив перечисление звезд Большой Медведицы, чем изрядно удивил меня: и тем, что расслышал мои слова и тем, что знал названия остальных звезд.

— Они по-прежнему сияют там, где я оставил их много лет тому назад, — продолжал профессор. — Сейчас у меня возникло очень странное чувство — его я и пытаюсь проанализировать

сегодня ночью. Доводилось ли тебе вспоминать о каком-нибудь событии из прошлого, которое вдруг становилось таким ярким, что все случившееся с тех пор начинало походить на короткий сон, будто все это произошло с кем-то другим — один майский день и не более того?

— Нет, — ответил я.

— Однажды, когда это с тобой произойдет, вспомни этот коньяк, — сказал он, сделал еще одни глоток и передал мне бутылку.

Я последовал его примеру и вернул коньяк обратно.

— Однако в действительности многие тысячи дней едва ползут. Мелкие шажки, не более того, — продолжал профессор. — Умом я все понимаю, но что-то иное отрицает мое знание. Я отчетливо ощущаю разницу, потому что для меня столь велико отличие прошлого от настоящего. Изменения накапливались. Космические путешествия, подводные города, успехи медицины — даже наш первый контакт с инопланетянами — эти события произошли в разное время, но ведь все остальное при этом не менялось. Мелкие шажки. Одинокие новшества. А потом, в другой раз, случается что-то еще. И еще. Не происходит множественных революционных изменений.

Однако процесс постоянно нарастает. И приходит время отправляться на покой. Именно тогда у человека появляется время для размышлений. Он вспоминает свою юность в Кембридже и видит юношу, сидящего на крыше здания. Он смотрит на звезды. Он чувствует под руками черепицу крыши. Все, что произошло вслед за этим, — сплошное калейдоскопическое мелькание в монохроме. Только что он находился здесь, а теперь он уже там. Все остальное мираж. Два различных мира, Фред, два совершенно различных мира — и тот юноша в самом деле не видит, как все произошло, он не заметил момента, когда один мир превратился в другой… Всю сегодняшнюю ночь меня преследует эта мысль.

— А это приятная мысль или нет, — спросил я.

— Сам не знаю. Я еще не успел обдумать эмоциональную сторону вопроса.

— Когда вы придете к какому-нибудь выводу, сообщите о нем мне, ладно? Вы меня заинтриговали.

Профессор рассмеялся. Я тоже.

— Забавно, что вы так и не бросили лазать на крыши, — сказал я.

Он немного помолчал, а потом ответил:

— Насчет крыш, тут все странно получилось…

Конечно, когда я был студентом, была такая традиция, хотя мне это нравилось больше, чем другим. Я продолжал заниматься этим еще несколько лет после окончания университета, а потом стал подниматься на крыши зданий все реже и реже, по мере того как переезжал с одного места на другое. И все же порой меня вдруг охватывало сильное желание куда-нибудь забраться. Тогда я брал отпуск и отправлялся туда, где была подходящая архитектура. Ночь за ночью я лазал по крышам зданий и забирался на высокие шпили.

— Акрофилия, — заметил я.

— Верно. Однако окрестить явление еще не значит понять его. Я никогда не мог объяснить, почему я это делал. По правде говоря, и сейчас не могу. Довольно долго я этим не занимался. Возможно, тут все дело в гормональных переменах — средний возраст и все такое. Кто знает? Потом я приехал преподавать сюда. Здесь я вскоре услышал о твоих развлечениях, и ко мне вернулось прежнее влечение, я вновь начал путешествовать по крышам зданий. С тех пор занимаюсь этим постоянно. Теперь я гораздо чаще размышляю о том, почему люди перестают лазать, чем о том, почему начинают.

— Это кажется таким естественным.

— Именно.

Профессор глотнул немного коньяка и предложил мне. Я бы с удовольствием выпил еще, но свою норму я хорошо знал, а сидя здесь на карнизе, я не мог себе позволить перебрать спиртного. Тогда он отсалютовал бутылкой небу.

— Да здравствует дама, которая всегда улыбается! — воскликнул он и выпил двойную порцию — за себя и меня.

— За скалы империи, — добавил он в следующий момент, указав на другой сектор звездного неба, после чего сделал новый глоток.

Сектором он, правда, ошибся, но это не имело значения. Профессор не хуже меня знал, что нужный участок еще находится за горизонтом.

Он откинулся назад, нашел сигару, зажег ее и задумчиво произнес:

— Интересно, сколько глаз у тех голов, что сейчас разглядывают «Мону Лизу»? Может быть, они фасетчатые? Неподвижные? Какого они цвета?

— Только два. Вы же знаете. Вроде как карие — такие они, во всяком случае, на фотографиях.

— Неужели тебе так хочется положить конец моей романтической риторике? Кроме того, Астабиган посещает множество представителей

других рас, которые тоже будут рассматривать картину.

— Верно. Могу только добавить, что драгоценности, принадлежащие британским монархам, сейчас находятся у народа с серповидными зрачками. А глаза у них цвета лаванды, если не ошибаюсь.

— Достаточно. Благодарю тебя.

Падающая звезда прочертила небосвод, а вслед за ней полетел окурок моей сигареты.

— Я иногда думаю, было ли это честным обменом? — проговорил профессор. — Мы не понимаем принципов работы машины Ренниуса, и даже инопланетяне не вполне уверены в том, что именно представляет из себя звездный камень.

— Ну, это ведь не обмен в чистом виде.

— Два сокровища Земли были отданы им, а мы получили два сокровища инопланетян. Как же еще можно это назвать?

— Звено в цепи кула, — сказал я.

— Я не знаком с этим термином. Расскажи мне о нем.

— Когда я читал о деталях сделки, мне пришла в голову одна параллель. Кула — церемониальное путешествие, которое предпринималось в разные времена жителями Тробриандских

островов и папуасами Меланезии к востоку от Новой Гвинеи. Нечто вроде двойной цепочки — движение в противоположных направлениях между островами. Цель церемонии состояла во взаимном обмене предметами, не обладающими очевидной функциональной ценностью, но представляющими культурное достояние каждого племени. Обычно это были украшения — ожерелья, браслеты, наделенные именами и красочными историями. Они медленно перемещались вдоль цепи островов, сопровождаемые рассказами, которые множились и расцвечивались разнообразными подробностями, а потом ими обменивались. Сам обмен представлял из себя чрезвычайно торжественную церемонию, цель которой состояла в том, чтобы создать некое единение, наложить на племена взаимные обязательства и сказать о доверии. Теперь, полагаю, вам очевидно сходство этого обычая и нашего обмена с инопланетянами. Культурные реликвии являют собой символ взаимного доверия. В процессе движения от одного народа к другому они неизбежно вызывают некие общие чувства. Именно в этом и заключается истинная цель цепочки кула, как я ее понимаю. Поэтому мне не нравится слово «обмен».

— Очень интересно. В тех отчетах, которые попадались мне на глаза, я ни разу не видел подобных рассуждений — кроме того, я нигде раньше не встречал упоминаний о феномене кула. Скорее принято описывать этот процесс, как плату за вступление в галактический клуб, цену, которая назначена за выгоды торговли и обмен новыми идеями. Нечто в этом роде.

— Подобные заявления были сделаны скорее с пропагандистскими целями, чтобы ослабить протесты общественности, возмущенной утратой земных сокровищ. Нам было обещано, что мы получим свои сокровища обратно. Я уверен: со временем мы приобретем и кое-что еще, но это не будет прямым следствием обмена. Нет. Наши правительства решили воспользоваться старым, проверенным временем принципом: народу дается простое, понятное объяснение сложного процесса.

— Да, теперь мне многое стало ясно, — сказал профессор, потягиваясь и зевая. — По правде говоря, твое объяснение мне нравится куда больше официального.

Я зажег другую сигарету.

— Благодарю. Однако я просто обязан отметить, что меня всегда ужасно привлекали идеи, кото-

рые нравились мне с эстетической точки зрения. Космический взгляд на проблему — межзвездная цепочка кула — подтверждающий различия и в то же самое время подчеркивающий сходство всех разумных рас Галактики, связывающий их вместе, создающий общие традиции… Эта мысль мне очень нравится.

— Естественно, — согласился он, а потом показал на верхнюю часть собора. — Послушай, ты собираешься сегодня забраться на самый верх?

— Наверное, немного погодя. А вы хотите сделать это прямо сейчас?

— Нет, нет. Мне просто любопытно. Ведь обычно ты поднимаешься на самый верх, не так ли?

— Да. А вы?

— Не всегда. На самом деле последнее время я больше держался средних высот. А спросил потому, что у тебя сегодня, похоже, настроение пофилософствовать.

— Это заразно.

— Ладно. Тогда скажи мне, что ты чувствуешь, когда оказываешься на самом верху?

— Эмоциональный подъем. Ощущение, что я добился чего-то.

— Перед тобой открывается лучший вид. Ты можешь видеть дальше и больше деталей пейзажа.

Значит, дело в этом? Лучшая перспектива?

— Может быть, частично дело в этом. Но когда я оказываюсь на самом верху, меня всегда преследует желание забраться еще выше, и я всегда чувствую, что могу это сделать, что вот сейчас у меня все получится.

— Да, правда, — согласился он.

— А почему вы спросили?

— Даже не знаю. Наверное, мне хотелось, чтобы ты мне напомнил. Юноша из Кембриджа сказал бы то же самое, но я почти забыл об этом. Изменился не только мир.

Он отпил еще коньяка.

— Интересно, на что это было похоже? Первая встреча с инопланетянами… Трудно поверить, что с тех пор прошло уже несколько лет. Правительства, конечно, дают нам конфетную версию того, что произошло; вряд ли нам когда-нибудь суждено узнать, что было сделано и сказано на самом деле. Случайная встреча: ни мы, ни они не были знакомы со звездной системой, где два корабля оказались одновременно. Проводили исследования. Для них это, конечно, было куда меньшим потрясением — ведь они знакомы с множеством других рас нашей Галактики. И все же… Я помню неожиданное возвращение наших

космонавтов. Миссия исполнена — на полвека раньше, чем предполагалось. Вместе с ними прилетело разведывательное судно с Астабигана.

Если объект достигает скорости света, он превращается в тыкву. Это известно каждому. Но инопланетяне нашли возможность обманывать пространство и лишать его урожая тыкв — они провели наш корабль через туннель, созданный *под* пространством. А может быть, они построили мост *через* пространство? Или что-то в этом роде. Математикам будет где разгуляться. Странное чувство… Все произошло совсем не так, как я ожидал.

Знаешь, так бывает, когда взбираешься на шпиль или купол — дело действительно трудное, — и вот ты уже наверху и теперь уже совсем просто добраться до самого верха. Ты поднимаешь голову — и видишь, что кто-то там уже сидит.

Вот мы и вступили в галактическую цивилизацию — свободную конфедерацию народов, которая существует многие тысячелетия. Нам повезло — это вполне могло бы занять пару столетий. Или нет. Мои чувства были и остаются неоднозначными. Разве можно забраться еще выше после таких событий? Они научили нас

строить корабли, которые защищены от эффекта тыквы. И еще нас предупредили о правах на небесную собственность. Они предоставили нам место в своей программе обмена, вряд ли нам удастся проявить в ней себя с самой лучшей стороны. В последующие годы изменения будут происходить все быстрее и быстрее. Мир может даже начать меняться так стремительно, что это станет заметно. Что тогда? Когда закончится продвижение вперед мелкими шажками, все могут оказаться в таком же недоумении, как старый, пьяный лазатель по соборам, который был удостоен возможности узреть миг, превративший юношу из Кембриджа в нынешнего профессора. Что тогда? Узреть пружину часового механизма и превратиться в тыкву? Уйти на покой?

Алькаид, Мицар, Алиот, Мегрец, Фекда, Мерак и Дубхе… Они были там. Они знают их. Возможно, в глубине души я хотел, чтобы мы были в космосе одни — чтобы могли заявить, что все принадлежит нам. Или чтобы инопланетяне, с которыми мы встретимся, были во всем, хоть немного, но позади нас. Завистливый, гордый, самовлюбленный… Верно. Оказывается, мы всего-навсего провинциалы, да поможет нам Бог!..

Осталось еще достаточно, чтобы выпить за

наше здоровье. Отлично! Давай выпьем! Я плюю в лицо Времени, которое преобразило меня!

С ходу на это я ничего не смог сказать, поэтому просто промолчал. Я готов был согласиться с профессором кое в чем, но не более того. Тут я пожалел, что он допил весь свой коньяк.

Некоторое время спустя профессор сказал:

— Не думаю, что сегодняшней ночью я полезу дальше.

Я вынужден был признать, что это очень разумная мысль, поскольку и сам решил отказаться от дальнейших приключений, и мы стали спускаться вниз по спирали, пока не оказались внизу, а потом я проводил доброго профессора до дому.

Обрывки и кусочки. Кусочки…

Прежде чем улечься спать, я успел прослушать конец сводки новостей.

Удалось пролить свет на историю с Полом Байлером, профессором геологии, который ранее подвергся нападению вандалов в Центральном Парке, лишивших его не только денег, но и сердца, легких, печени и почек.

Глубокой ночью мой мозг выплеснул из темного аквариума образов переплетение ускользающих снов, балансирующих на блистающих в ночи прозрачных гранях сознания, мелькающих

словно ослепительные лики, не говоря уже о кинестетических/синестетических «ТЫ МЕНЯ ЧУВСТВУЕШЬ, ЛЕД?», которые длились много дольше, чем все остальное, потому что позднее, много позднее, третья чашка утреннего кофе превратила их в грошовые извивы цвета.

3

Вспышка, всплеск. Мрак. Танец звезд.

Массивный золотой кадиллак Фаэтона разбился, но никто этого не услышал. Загорелся, вспыхнул в последний раз и погас. Совсем как я.

По крайней мере, когда я снова проснулся, была ночь, а я чувствовал себя премерзко.

Руки и ноги у меня были связаны прочными кожаными ремнями, песок и мелкие камешки служили подушкой, а заодно и матрасом, рот, нос, глаза и уши забиты пылью — отличная добыча для всяческих микробов. Я хотел пить, был голоден, весь в синяках и меня отчаянно трясло. Вспомнились слова одного из моих бывших кураторов, доктора Мерими: «Вы являетесь живым примером абсурдности всего сущего».

Из этих слов ясно, что Мерими специализировался на французской литературе середины двадцатого века. И все же, все же, может быть, его искаженные толстыми стеклами очков глаза как раз и заглянули в самую суть моего нынешнего положения. Несмотря на то что он покинул университет уже довольно-таки давно, окутан-

ный дымкой какой-то скандальной истории, в которой были замешаны девушка, карлик и осел — или как раз благодаря этому, — Мериме в последние годы стал чем-то вроде оракула в моем личном космосе, и его слова теперь часто возвращаются ко мне в обстоятельствах, не имеющих ничего общего с предварительной беседой, которую проводит куратор со студентом в начале семестра.

Обжигающий песок окатывал меня этими словами целый день, а потом холодный ночной ветер шептал их, словно надоевший припев песенки, мне в ухо, которое превратилось в подгоревшую телячью отбивную: «Вы являетесь живым примером абсурдности всего сущего».

Если задуматься над этими словами, их можно интерпретировать множеством самых разнообразных способов, а у меня была масса свободного времени — в данный момент. С одной стороны, можно подумать о сущем. С другой, о живом. Или, например, об абсурдности.

Ах да. Руки...

Я попытался пошевелить пальцами и не понял, слушаются они меня или нет. Вполне может быть, что их там и вовсе нет, а я стал жертвой фантомных болей. На случай, если пальцы все-таки на

месте, я некоторое время размышлял о гангрене.

Проклятье. И еще раз — проклятье. Очень огорчительно все это.

Семестр начался, и я уехал. Договорившись о пересылке всей моей корреспонденции Ральфу, с которым мы вместе владели антикварной лавкой, я направился на запад, задержался по дороге ненадолго в Сан-Франциско, Гонолулу и Токио. Прошло несколько недель. Тихо и спокойно. Потом я провел пару дней в Сиднее — ровно столько, сколько мне было нужно, чтобы получить причитающуюся мне дозу неприятностей. Они возникли в тот момент, когда я решил взобраться на напоминающий громадную рыбину оперный театр, выстроенный на мысе Бенелонг, совсем недалеко от гавани.

Я покинул город хромая и с дисциплинарным взысканием в кармане. Полетел в Алис-Спрингс. Забрал там воздушный скутер, который заказал заранее. Отправился в путь ранним утром, до того как невыносимая дневная жара и свет разума вступили в свои законные права. Местность показалась мне подходящей для тренировочных занятий будущих святых, чтобы они заранее могли подготовиться к тому, что их ждет. Несколько часов ушло на поиски подходящего места и на

устройство лагеря. Я не предполагал, что пробуду здесь долго.

В том районе найдены наскальные рисунки, довольно старые, занимающие площадь, равняющуюся примерно двум тысячам квадратных футов. Местные аборигены утверждают, что не имеют ни малейшего представления о том, откуда взялись эти рисунки и с какой целью были сделаны. Я видел фотографии, но мне хотелось взглянуть на них собственными глазами, сделать несколько своих снимков, скопировать парочку рисунков и потратить немного времени на раскопки.

Я вернулся в тень своего убежища, выпил лимонада и, попытавшись успокоиться, начал рассматривать высеченные на камне рисунки. Хотя сам я очень редко занимаюсь рисованием на стенах, я всегда сопереживал тем, кто считал необходимым именно таким способом осчастливить своих потомков.

Чем глубже ты погружаешься в прошлое, тем интереснее тебе становится. Возможно, правы те, кто утверждает, что наскальная живопись родилась во времена троглодитов, когда какой-нибудь новоиспеченный художник находился в месте, служившем сортиром, — что-то вроде

изобразительной сублимации самого примитивного, с точки зрения эволюционного процесса, способа разметки территории. Однако, любому должно быть очевидно, что, когда люди начали штурмовать горы и карабкаться на стены для того, чтобы оставить там примеры своего искусства, из обычного времяпрепровождения этот вид деятельности превратился в одну из форм живописи.

Я не раз размышлял о том парне из времен мастодонтов, который первым остановился возле скалы или стены пещеры и начал с интересом ее разглядывать. «Интересно, — задавал я сам себе вопрос, — что заставило его вдруг полезть наверх, чтобы нацарапать на камне свои каракули?» Меня страшно занимало, что он чувствовал в тот момент. И как отнеслось к этому общественное мнение. Собратья вполне могли проделать в художнике достаточное количество дырок, чтобы вселившийся в него подозрительный дух мог спокойно покинуть бренное тело. А может, смелая инициатива была охотно подхвачена многими, потому что творческие способности наших далеких предков только и ждали подходящей возможности вырваться наружу, и их необычное проявление считалось таким же естественным,

как откручивание ушей. Невозможно ответить на все эти вопросы наверняка. И очень трудно оставаться равнодушным.

Как бы там ни было, днем я сделал собственные фотографии рисунков, а вечером и на следующее утро выкопал несколько ямок. Большую часть второго дня я посвятил копированию рисунков и фотографиям. Продолжал раскопки и нашел предмет, похожий на тупую каменную стамеску. На следующее утро мне не повезло: я не раскопал ничего интересного, хотя работал гораздо дольше, чем собирался.

Потом я вернулся в тень своей палатки, чтобы обработать ссадины и царапины и восстановить баланс жидкости в организме. Сделал заметки о том, чем занимался все утро, и записал несколько собственных, достаточно свежих мыслей на предмет всего этого предприятия. Около часа дня я перекусил, а потом снова вернулся к своим записям.

Почти сразу после трех над палаткой пронесся аэробиль, повернул и начал снижаться. У меня его поведение вызвало легкое беспокойство, поскольку я не имел никакого официального разрешения заниматься тем, чем занимался. Где-то на листке бумаги или на карточке, а может быть,

на пленке — впрочем, возможно, на том, другом и третьем — я числился туристом. Мне не было известно, нужно ли иметь разрешение на то, что я тут делал, но я всерьез подозревал, что получение такого разрешения — процедура обязательная. Время значит для меня очень много, бумажная волокита отнимает его, а я всегда был уверен, что имею полное право делать то, что мне никто не может помешать делать. Иногда, правда, приходится прикладывать достаточные усилия для того, чтобы моя деятельность оставалась скрытой от посторонних глаз. Все это совсем не так плохо, как звучит, поскольку я приличный, цивилизованный и приятный во всех отношениях парень.

Итак, прикрыв глаза рукой от ослепительно ярко-синего сияния, я пытался придумать способ убедить в этом представителей власти. Пожалуй, лучше всего будет что-нибудь наврать.

Аэробиль приземлился, и из него вышли двое. На вид они совсем не были похожи на официальных лиц, но я всегда делал скидку на обстоятельства и местные обычаи, поэтому встал, чтобы поприветствовать их. Один из мужчин был примерно одного со мной роста — то есть немного меньше шести футов, довольно плотного телосложения, с небольшим животиком. Светлые

волосы и глаза, легкий загар. И пот — ручьями. Его приятель, который был на несколько дюймов выше и на несколько тонов темнее, сердито откинул прядь непослушных черных волос со лба, когда пошел в мою сторону. Худой, в прекрасной спортивной форме. На ногах у обоих были городские башмаки, а не подходящие к данному случаю сапоги. Отсутствие головных уборов в такую жару показалось мне несколько странным.

— Фред Кассиди? — спросил первый мужчина, остановившись в нескольких шагах от меня и повернувшись, чтобы рассмотреть стену с рисунками и траншею, которую я выкопал.

— Да, — ответил я. — Собственной персоной.

Он достал удививший меня своей изящностью тонкий носовой платок и вытер им лицо.

— Нашел то, что искал?

— А я ничего особенного не искал, — сообщил я ему.

— Такое впечатление, что ты тут неплохо потрудился, — хихикнув, заявил мне толстяк, — чтобы найти это «ничего».

— Это исследовательская траншея, — объяснил я.

— А что ты тут исследуешь?

— Может, скажете мне, кто вы такие и почему

задаете вопросы? — поинтересовался я.

Ноль внимания.

Толстяк направился к моей траншее, прошел вдоль нее, несколько раз остановился, чтобы заглянуть внутрь. Пока он этим занимался, его приятель подошел к моей палатке, потянулся к рюкзаку, и я что-то крикнул ему, но он все равно открыл рюкзак и высыпал содержимое на землю.

Я добрался до него как раз в тот момент, когда он разглядывал мои бритвенные принадлежности. Он скинул мою руку, а когда я снова попытался схватить его, сильно толкнул меня. Я споткнулся. И, еще не успев упасть, сообразил, что они не полицейские.

Не поднимаясь на ноги, я сильно врезал ему по голени каблуком сапога. Результат получился не таким впечатляющим, как в тот раз, когда я ударил Пола Байлера в пах, но для моих целей этого было вполне достаточно.

Вскочив на ноги, я нанес парню прицельный удар в челюсть. Он упал и остался неподвижно лежать. Совсем неплохо для одного удара. Если бы я смог это сделать, не держа в руке камень, то представлял бы опасность для окружающих.

Мой триумф длился всего несколько секунд.

А потом мне на спину обрушился целый мешок пушечных ядер — такое, во всяком случае, у меня возникло ощущение.

На меня напали сзади и швырнули на землю, что было совсем неспортивно. Толстяк оказался гораздо подвижнее, чем можно было судить по его внешности, и когда он ловко заломил мне руку за спину и схватил за волосы, я начал понимать, что большая часть его массы приходилась на тренированные мышцы. А то, что я принял за животик, было железобетонным брюшным прессом атлета.

— Ну ладно, Фред. Кажется, пришло время поговорить, — сказал он.

Звездный танец…

Я лежал на земле и ничего не понимал: я был избит, оглушен, наполнен болью и думал о том, что профессор Мерими оказался очень близок к неподвижному, холодному центру всего сущего, где обитают определения. Абсурд — мертвец протягивает мне руку помощи.

Я лежал и беззвучно ругал себя, вспоминая свои действия, пока краем глаза не заметил, как по южной границе моего тела двигается маленькое темное пушистое существо. Оно остановилось, посмотрело на меня и снова устремилось вперед.

Я ни секунды не сомневался, что это какой-то хищник. После отчаянных попыток унять дрожь мне удалось сделать вид, что я пожимаю плечами. Звать на помощь не было никакого смысла. Абсолютно никакого. Покинув этот мир таким способом, я смогу одержать верх над своими врагами. Некоторое утешение.

Так что я попытался развить в себе стоицизм, одновременно стараясь получше рассмотреть зверя. Он дотронулся до моей правой ноги, и я конвульсивно дернулся, хотя и не почувствовал никакой боли. Прошло некоторое время, и зверь перебрался к левому боку. Может, он съел мою онемевшую ногу? Интересно, понравилась она ему?

Спустя еще несколько секунд существо вновь повернулось и двинулось наверх, вдоль моего левого бока, а я, наконец, сумел его рассмотреть — это был маленький сумчатый зверек, довольно глупый на вид, в котором я узнал вомбата[3] — безобидного, любопытного и совершенно не собирающегося употреблять в пищу мои конечности.

Я вздохнул и немного расслабился. Он мог

---

3 Примечания: 3
Сумчатое травоядное животное, обитает в Австралии

нюхать меня, сколько ему заблагорассудится. Когда вы собираетесь умирать, даже вомбат покажется вам приятной компанией. Я вспомнил о повисшей у меня на спине тяжести и о том, как здоровенный подонок, не обращая внимания на своего лежащего на земле приятеля, заломил мне руку и, усевшись на меня верхом, сказал:

— Единственное, что мне от тебя нужно, это камень. Где он?

— Камень? — произнес я с вопросительной интонацией.

Давление на мою руку усилилось.

— Камень Байлера. Ты знаешь, о чем я говорю.

— Да, знаю! — согласился я. — Только не надо так сильно давить на мою руку, ладно? Тут нет никакого секрета. Я все расскажу.

— Давай, — лениво отозвался здоровяк, чуть-чуть ослабив хватку.

Тогда я рассказал ему все, что мне было известно о нашем пресс-папье и о том, как оно к нам попало. Я выложил ему все, что знал об этой проклятой штуке.

Как я и опасался, он не поверил ни единому моему слову. Более того, его партнер оклемался, пока я говорил, тоже пришел к выводу, что я лгу, и с видимым удовольствием проголосовал за

продолжение допроса.

Чем они и занялись незамедлительно и с большим энтузиазмом, а когда прошло несколько весьма запоминающихся красных, электрических минут и они остановились перевести дух и помассировать костяшки пальцев, высокий сказал тяжелому:

— Очень похоже на то, что нам рассказывал Байлер.

— Похоже на то, что Байлер говорил, что этот тип рассказывал ему, — поправил его другой.

— Если вы уже встречались с Полом, — вмешался я, — то вряд ли я смогу сообщить вам что-нибудь новое. Как мне показалось, Пол Байлер имел некоторое представление о том, что происходит, — чего не могу сказать о себе, — а я доложил ему все, что мне было известно о камне: то же самое я только что рассказал вам.

— О да, мы поговорили с Полом Байлером, — доверительно сообщил высокий, — а он с нами. Можно даже сказать, что он открылся нам… в буквальном смысле слова.

— Однако тогда мы не были уверены, являются ли его слова правдой, — со вздохом проворчал толстяк. — Теперь же я и вовсе сомневаюсь в том, что нам наплел твой дружок. Что ты сделал, как

только Байлер отбросил копыта? Направился туда, где он провел не один год и начал копаться в земле. Вот как я все это понимаю: вы были с самого начала заодно и заранее договорились, что рассказывать. Я думаю, камень спрятан где-нибудь поблизости. У меня нет ни малейшего сомнения, что ты только и ждешь подходящего случая наложить на него руки. Так что ты нам все выложишь, приятель. Можешь сделать это сразу или после некоторых мучений. Выбирай.

— Я уже говорил вам…

— Как угодно, — заявил он.

Последовавший за этими словами промежуток времени не принес удовлетворения ни одной из заинтересованных сторон. Мои мучители не получили ничего из того, на что рассчитывали, — впрочем, я тоже. В тот момент я больше всего боялся какого-нибудь увечья. От любых побоев я со временем оправлюсь. А вот если кто-нибудь захочет отрезать мне пальцы или выколоть глаз, вопрос о жизни и смерти встанет куда более остро.

Но когда подобное дело начато, остановиться уже невозможно. До тех пор, пока жертва продолжает сопротивляться, допрашивающий должен придумывать что-нибудь новенькое; и тогда,

рано или поздно, наступает момент, когда смерть становится более привлекательной, чем жизнь. Когда допрос подходит к этой грани, между сторонами начинается соревнование; одна стремится к смерти, а другая пытается получить необходимую информацию.

Конечно, очень важным фактором здесь является уверенность в том, что допрашивающая сторона готова идти до конца. В данном случае я не сомневался, что они на это способны — ведь мне было известно о судьбе Байлера. Толстяка, совершенно очевидно, не устраивала история, рассказанная Байлером. Если я достигну той самой поворотной точки, а потом выиграю соревнование, он опять останется ни с чем. Так же толстяк не желал поверить в то, что я и в самом деле ничего не знаю, он, должно быть, пришел к выводу, что у меня есть некий запас стойкости. Именно поэтому он и решил действовать осторожно, что, впрочем, никак не могло изменить окончательного результата.

Все это я сообщил ему в качестве преамбулы к его заявлению: «Давай-ка положим этого типа на солнце и понаблюдаем, как он превратится в большую сладкую изюмину». В предвкушении моей реакции он принялся тщательно выти-

рать лоб своим шелковым платочком. Однако их ждало очередное разочарование. Тогда они оставили меня на солнышке подсыхать, видимо, дожидаясь, пока я нальюсь сахаром и потемнею, а сами решили наведаться в холодильник своего аэробиля. Потом они удобно устроились в тени моей палатки, время от времени проводя для меня персональную рекламу холодного пива.

Так прошел день. Позднее они решили, что ночь на ветру под звездами среди песка просто необходима для моего быстрейшего обращения в изюм. Достав из аэробиля спальные мешки, мои гости плотно поужинали и стали устраиваться на ночь. Если они думали, что от запаха пищи мне захочется есть, они ошибались. Меня от всего этого просто тошнило.

Я внимательно наблюдал за тем, как день перемещался на запад.

Не знаю, как долго я был без сознания. Со стороны лагеря не доносилось никаких звуков, там было совсем темно. Вомбат отполз вправо и издавал оттуда негромкие ритмичные звуки. Он слегка касался моей руки, и я чувствовал, как он двигается и дышит.

Мне до сих пор не были известны имена моих обидчиков, к тому же мне не удалось узнать

ни одного нового факта, касающегося предмета их расследования — звездного камня. Правда, особого значения это не имело, разве что в академическом смысле. Во всяком случае, на данном этапе звездный камень меня не очень занимал. Я не сомневался, что жить мне осталось совсем не долго. Ночь оказалась холодной, зубы у меня стучали не переставая, а если со мной не покончит холод, это сделают мои мучители.

Из курса физиологической психологии я помнил, что восприятие зависит прежде всего не от того, в каком состоянии находятся органы чувств, а от скорости происходящих с ними изменений. Таким образом, если я смогу лежать совершенно неподвижно, то сумею соперничать с японцем, забравшимся в горячую ванну, тогда ощущение холода пройдет. Впрочем, в данном случае речь скорее шла о вопросах удобства, а не выживания. И хотя в данный момент я думал только об облегчении своих страданий, неожиданно я почувствовал в сознании какое-то постороннее присутствие. Однако я не очень расстроился по этому поводу, потому что методы, которыми действовал чужак, вроде бы приносили мне пользу — это, естественно, был еще один способ показать мне, насколько я слаб и нерешителен. А я и не

собирался ни с кем спорить по этому поводу.

Занимаясь в классе йоги, я часто прибегал к дыхательным упражнениям, которые помогали согреваться. Я начал упражнение, но дыхание с хрипом вырвалось из моей груди, и я закашлялся.

Вомбат повернулся и прыгнул мне на грудь. Я открыл рот, чтобы завопить, но зверек засунул мне лапу прямо в глотку. Левой рукой я схватил его за шею и изо всех сил сжал — только тут я сообразил, что моя левая рука свободна.

Зверек начал отбиваться от меня всеми четырьмя конечностями, потом приблизил мордочку прямо к моему лицу и хрипло прошептал:

— Вы опасно усложняете мою задачу, мистер Кассиди. Немедленно отпустите мою шею и не шевелитесь после этого.

Так, значит, у меня уже начался бред.

Впрочем, даже в бреду я, казалось, стремился к достижению определенных удобств, поэтому я отпустил вомбата и попытался кивнуть. Он тут же убрал лапу из моего рта.

— Отлично. Ваши ноги уже свободны. Мне нужно только развязать правую руку, и мы будем готовы уйти.

— Уйти? — спросил я.

— Ш-ш-ш! — прошептал вомбат и занялся ремнем. Самая потрясающая галлюцинация за довольно длинный промежуток времени. Интересно, какой из моих неврозов вылился в такую странную форму.

Ничего определенного в голову мне не приходило. Впрочем, доктор Марко утверждает, что неврозы это такая хитрая, заковыристая штука, что нужно относиться к ним с уважением, особенно когда речь идет об их стремлении оставаться в тени или об их способности завладевать вами самыми необычными способами.

— Ну вот! — прошептал вомбат через несколько минут. — Ты свободен. Следуй за мной!

И начал отходить от меня.

— Подожди!

Он остановился, повернулся ко мне и спросил:

— В чем дело?

— Я не могу сдвинуться с места. Послушай, нужно, чтобы восстановилось кровообращение. У меня онемели руки и ноги.

Зверек фыркнул и подошел к тому месту, где я лежал.

— Самое лучшее лекарство — это движение, — сообщил он и, схватив меня за руку, заставил сесть. Для галлюцинации он был на удивление

силен.

Вомбат безостановочно тянул меня за руку, пока я не свалился вперед и не оказался на четвереньках. Я чувствовал слабость, но держался.

— Прекрасно, — похлопав по плечу, похвалил меня вомбат. — Пошли.

— Подожди! Я умираю от жажды.

— Прости. Я путешествую налегке. Впрочем, если ты последуешь за мной, могу обещать, что со временем дам тебе напиться.

— Когда?

— Никогда, — взорвался он, — если будешь продолжать сидеть здесь! Мне кажется, из лагеря доносятся какие-то звуки. Пошли!

Я пополз к нему. А зверек сказал:

— Пригнись.

Совершенно ненужный совет, поскольку я все равно не мог подняться на ноги.

Он начал двигаться в противоположную от лагеря сторону, направляясь на восток, параллельно горному хребту, возле которого я работал. Я следовал за ним очень медленно, так что он время от времени останавливался, чтобы я мог его догнать.

Прошло несколько минут, и я почувствовал пульсирующую боль в конечностях. Падая, я

произнес что-то очень непристойное. Вомбат бросился ко мне, но я успел прикусить язык до того, как он повторил свой фокус с засовыванием лапы мне в рот.

— Тебя очень трудно спасать, — укоризненно заявил вомбат. — Система кровообращения, манера поведения и самоконтроль находятся у тебя на самом примитивном уровне.

Мне в голову пришло еще одно непристойное ругательство, однако его я выговорил шепотом.

— Что ты и продолжаешь демонстрировать, — добавил зверек. — Ты должен делать только две вещи: идти за мной и молчать. У тебя плохо получается и то, и другое. Так что можно подумать…

— Давай двигай! — сказал я. — А я пойду за тобой! Что же касается твоих эмоций…

Я бросился к нему, но он ловко отскочил и направился дальше.

Не обращая ни на что внимания, кроме невыносимого желания придушить этого маленького нахала, я двинулся вслед за ним. Меня совершенно не беспокоило то, что вся ситуация была абсолютно абсурдной. Для подведения теоретической базы были Мерими и доктор Марко, которые составляли отличную пару кривых зеркал, между которыми я и находился. При этом я изо всех сил

старался не отставать от вомбата, преследовал его, что-то бормотал, сжигал адреналин и плевал в пыль, которую поднимали его маленькие проворные лапки.

Горный хребет стал ниже, и я увидел проходы между скалами. Мы заходили в них, поднимались наверх, затем спускались вниз по скалистым коридорам в абсолютную тьму… Теперь у нас под ногами был только камень. Один раз я поскользнулся, и вомбат мгновенно оказался рядом.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я начал было смеяться, потом подавил смех.

— Ясное дело, я просто прекрасно себя чувствую.

Зверек постарался держаться вне пределов моей досягаемости.

— Нам осталось совсем немного, — попытался утешить меня он. — Потом ты сможешь отдохнуть. Я дам тебе возможность подкрепиться.

— Мне очень жаль, — сказал я, безуспешно пытаясь подняться, — но это все. Если я могу отдохнуть там, то с тем же успехом лучше подожду здесь. У меня кончился бензин.

— Дорога, по которой мы шли, каменистая, — проговорил вомбат, — твои враги вряд ли сумеют тебя выследить. Однако я бы чувствовал себя

гораздо лучше, если бы ты смог пройти еще немного. Видишь, вон там, немного подальше, есть углубление. Если ты дойдешь туда, они, скорее всего, пройдут мимо, даже если им удастся напасть на наш след. Ну, что скажешь?

— Я скажу, что это звучит весьма привлекательно, хотя вряд ли я сумею добраться до твоего углубления.

— Попытайся. Еще чуть-чуть.

— Ладно.

Я с трудом поднялся на ноги, покачнулся и сделал несколько неверных шагов вперед. «Если упаду, — решил я, — то больше вставать не буду. Будь что будет».

В голове у меня было пусто и легко, а тело вдруг налилось свинцовой тяжестью. Однако я продолжал идти. Еще сотня футов…

Вомбат завел меня в скрытый тупичок, находящийся в стороне от прохода, по которому мы продвигались. Я повалился на землю, и окружающий мир завертелся в бешеной пляске.

Мой спаситель вроде бы сказал:

— Я ухожу. Жди здесь.

— Ясное дело, — кажется, ответил я.

Меня снова охватил абсолютный мрак. Опаленная, хрупкая вещь (место) неопределенного

размера (продолжительности). Я был в ней и, наоборот — равномерно распределен, одновременно полностью содержался внутри и снаружи системы кошмаров, мое сознание находилось в С в степени (-n), а еще — холоджаждажархолоджаждажар, словно период бесконечной десятичной дроби, повсюду (где угодно) на воображаемом уровне, который окружал…

Вспышки и образы…

— Ты меня слышишь, Фред? Ты меня слышишь, Фред?

Вода по капле стекает мне в рот. И снова мрак. Вспышка. Вода на лице, во рту. Тени. Стон…

Стон. Тени. Мрак — уже не такой чернильно-черный. Вспышка. Много вспышек. Свет, проникающий сквозь ресницы, тускло. Перемещающаяся подо мной земля. Стон — мой.

— Ты меня слышишь, Фред?

— Да, — сказал я, — да…

Движение прекратилось. Я услышал разговор на языке, который мне не удалось узнать. Потом земля поднялась мне навстречу.

— Ты в сознании? Ты меня слышишь?

— Да, да. Я уже сказал «да». Сколько раз…

— Похоже, он действительно пришел в себя. — Это поверхностное замечание было сделано

голосом моего нового друга вомбата.

Однако я слышал еще один голос, хотя из того положения, в котором лежал, не мог рассмотреть говорившего. А повернуть голову было так трудно…

Я пошире открыл глаза и увидел, что лежу на плоской, порозовевшей от лучей восходящего солнца земле.

Все события предыдущего дня медленно предстали перед моим мысленным взором, выбравшись из того места, где живут воспоминания, когда мы ими не пользуемся. Мои воспоминания вместе с выводами, которые я сделал из них, в той же мере, как и состояние моих мышц, были причиной того, что мне так не хотелось поворачивать голову, с тем чтобы посмотреть на моих спутников. К тому же просто лежать было совсем не плохо. Если я подожду достаточно долго, может быть, в следующий раз я приду в себя в каком-нибудь другом месте.

— Послушайте, — проговорил незнакомый голос, — не желаете ли откушать бутерброд с ореховым маслом?

Осколки разбитых грез осыпали меня с ног до головы. Задыхаясь, я немного переместился и увидел длинные тени, упавшие на землю. Очер-

тания были такими странными, что, когда мне наконец удалось поднять голову и рассмотреть кенгуру ростом более шести футов, стоящего рядом с вомбатом, я не слишком удивился.

Кенгуру наблюдал за мной сквозь темные очки, одновременно доставая коробку с бутербродами из своей сумки.

— Ореховое масло богато протеином, — наставительно сообщил он.

4

Находясь на высоте двадцати или тридцати тысяч миль, я вполне мог бы насладиться замечательным зрелищем: Калифорния отрывается от континента и исчезает под водами Тихого океана.

К сожалению, этого не произошло. Весь мир оторвался и куда-то исчез, в то время как корабль продолжал свой полет, а у меня за спиной шел спор. Тем не менее события развивались с такой скоростью, что мне казалось возможным: промашка Сан-Андреаса еще даст мне несколько возможностей стать свидетелем столь желанного зрелища, обеспечив какого-нибудь писателя из далекого будущего материалом для книги, посвященной особенностям этого древнего мира и тому, с каким удивительным мастерством была предсказана его гибель. Когда тебе нечего делать, всегда можно предаться надеждам.

Поскольку сквозь иллюминатор, возле которого я сидел, отдыхая и вполуха прислушиваясь к горячему спору между Чарвом и Рагмой, я видел Землю и усыпанное звездами пространство

вокруг нее — расстояние из расстояний, — меня охватило изумительное ощущение, рожденное, вне всякого сомнения, тем, что я пришел в себя после недавних страданий. Почти метафизическое удовлетворение акрофилических стремлений в сочетании с усталостью, которая медленно и легко охватывала все мое существо, словно изумительный снегопад из крупных снежинок.

Я еще никогда не был на такой высоте, не видел подобных гигантских пространств и был не в силах охватить их взглядом, меня переполняли мысли о космосе, космосе и снова космосе. Красота основ, как она есть и могла бы быть, протянула ко мне руки, и я вспомнил строчки, которые набросал давным-давно, сожалея, что мне приходится оставить занятия математикой, чтобы не получить диплома по этому предмету.

Лишь Лобачевский узрел наготу Красоты

Она изгибается здесь, и вон там она изгибается

Ее ягодицы мудры,

А ее параллельные прямые

Соблазнительно переплетаются,

Ее треугольник – средоточие радости,

Ведь он меньше ста восьмидесяти градусов

Двойная симметрия ее песнопений

Не повергла великого Римана в волнение.

Он любуется незатейливыми простушками,

Смазливыми тевтонскими толстушками!

Но эллипс хорош далеко не всегда,

Скинь, скромность, покровы свои

И да предстанет пред нами во всей наготе Красота!

О гипербола, о тебе я мечтаю в ночи.

Весь мир – извивы, мне говорят,

А на прямой не ищи ничего

Перед смертью я Бога молю об одном

Видеть мир глазами Его

Меня клонило в сон. Я периодически терял сознание, потом приходил в себя, не имея ни малейшего представления о течении времени. От часов, естественно, не было никакого проку. Я изо всех сил старался не впасть в забытье снова; во-

первых, потому что хотел продлить эстетическое удовольствие, которое испытывал, а во-вторых, я считал, что неплохо было бы понять, что происходит вокруг.

У меня не было уверенности в том, понимают ли мои спасители, что я нахожусь в сознании, поскольку я лежал лицом к иллюминатору в гамаке, сплетенном из мягких паутинок. Впрочем, даже если они и догадывались об этом, тот факт, что они разговаривали на каком-то неземном языке, наверняка давал им ощущение изолированности.

Немного раньше я сделал открытие, которое сильно бы их удивило; во всяком случае, на меня самого оно произвело невероятное впечатление. Я вдруг осознал, когда немного сосредоточился, что понимаю, о чем они говорят.

Попытаюсь объяснить это сложное явление: стоило мне начать напряженно вслушиваться в их слова, как они ускользали от меня, словно отдельные рыбки из многотысячной стаи. Если же я принимался просто смотреть на воду, то начинал различать направление ее движения, плеск волн, разноцветные вспышки. В целом я был в состоянии понять, о чем говорили Рагма и Чарв, и не имел ни малейшего представления,

как у меня это получалось.

Так что я перестал следить за течением времени, поскольку диалог постоянно повторялся. Куда приятнее было наблюдать за укороченной циклоидой, очерченной вокруг вулкана Чимборазо[4], в тот момент, когда находишься над Южным полюсом и видишь эту часть поверхности Земли, вращающейся в противоположном направлении по отношению к телу, расположенному на орбите.

Мои мысли вдруг начали меня беспокоить. Откуда, например, могла взяться последняя? Мысль была красивой, но принадлежала ли она мне? Может, в подсознании открылась потайная дверь, выпустив на свободу поток моего либидо, который потащил за собой груды литературных отходов, накопившихся на его берегах, дабы доставить этот мусор на блистающие отложения ила, среди которого я привык проводить свой досуг? Или, может, все объяснялось телепатическим воздействием — я лежал здесь совершенно беспомощный, а вокруг на тысячи и тысячи миль не было никого, кроме чуждых разумов двух инопланетян? Вполне возможно, что один из них

---

4 Примечания: 4
Вулкан в центральном Эквадоре

умеет передавать мысли на расстоянии.

Нет, не похоже. Мое восприятие чужого языка наверняка не было телепатическим. Их речь становилась все более и более понятной — теперь я уже различал отдельные фразы и даже слова, а не только общий смысл. Нет, это не было чтением мыслей.

Что же тогда?

Чувствуя, что совершаю святотатство, я заставил ощущение мира и покоя немного подвинуться в сторону, а потом изо всех сил оттолкнул их от себя. «Думай, черт возьми, — приказал я мозгу. — Ты слишком долго отдыхал, кончай эти праздники духа! Думай!»

И тогда я снова испытал жажду, боль и утренний холод… Да, Австралия. Я находился там…

Вомбат сумел убедить кенгуру, по имени, как я выяснил позднее, Чарв, что вода в тот момент была мне куда нужнее, чем бутерброд с ореховым маслом. Чарву пришлось признать, что вомбат лучше разбирается в вопросах человеческой физиологии, и он разыскал фляжку с водой в своей сумке. Вомбат, которого звали Рагма, скинул свои лапы — или, скорее, рукавицы, напоминающие лапы, — обнажив крошечные шестипалые ручки с оттопыренным большим пальцем, и принялся

потихоньку поить меня. Пока продолжалась эта приятная процедура, я сообразил, что они полицейские инопланетяне, переодетые в гражданское и выдающие себя за представителей местной фауны. Правда, причины подобного поведения были мне не совсем понятны.

— Тебе очень повезло… — сказал Рагма.

Немного отдышавшись, я заявил:

— Теперь я, кажется, понимаю смысл выражения «чуждая точка зрения». Похоже, вы представители расы мазохистов.

— Некоторые существа склонны благодарить тех, кто спас им жизнь, — отозвался Рагма. — К тому же ты не дал мне закончить мысль. Тебе очень повезло, что мы оказались рядом.

— Пожалуй, верно, — согласился я. — Спасибо. Однако совпадения очень похожи на резину — если их слишком натягивать, они лопаются. Извините, но мне кажется, что наша встреча не была такой уж случайной.

— Мне очень жаль, если ты нас в чем-то подозреваешь, — ответил он, — ведь мы просто помогли тебе. Я начинаю думать, что степень присущего тебе цинизма даже больше, чем предполагалось.

— Кем предполагалось?

— Я не имею права об этом говорить, — сообщил вомбат.

Он не дал мне возможности ответить ему подобающим образом, залив мне в глотку новую порцию воды. Поперхнувшись, я успел немного подумать и решил смягчить очередную реплику.

— Это просто смешно!

— Согласен, — не стал спорить он, — но теперь, когда мы здесь, все скоро будет в порядке.

Я поднялся на ноги и потянулся, стараясь размять затекшие мышцы, а потом был вынужден присесть на ближайший камень, потому что у меня слегка закружилась голова.

— Ладно, — сказал я и потянулся за сигаретами. Оказалось, что все они сломаны. — Тогда сообщите мне то, о чем вы имеете право говорить.

Чарв достал пачку сигарет — те, что я обычно курил, — из своей сумки и протянул ее мне.

— Если ты не можешь без них обходиться, пожалуйста.

Я кивнул, достал сигарету и закурил.

— Благодарю, — сказал я, возвращая пачку.

— Оставь сигареты себе, — предложил он. — Я сам курю нечто вроде трубки. Должен тебя предупредить, что в данный момент ты гораздо больше нуждаешься в отдыхе и пище, чем в никотине.

Я снимаю показания твоего пульса, кровяного давления и скорости базового метаболизма при помощи маленького устройства, которое…

— Не обращай внимания, — перебил его Рагма, который достал из пачки сигарету и каким-то непостижимым образом прикурил ее. — Чарв ипохондрик. Однако, я думаю, нам следует вернуться на наш корабль, там мы сможем спокойно поговорить. Тебе все еще грозит опасность.

— Корабль? Что он из себя представляет? И где находится?

— В четверти мили отсюда, — ответил Чарв. — Рагма совершенно прав. Будет лучше, если мы покинем эти места незамедлительно.

— Мне только остается поверить вам на слово, — пробормотал я. — Но ведь вы искали меня — именно меня — не так ли? Вы знаете мое имя. И обладаете информацией обо мне…

— Ты сам ответил на свой вопрос, — заявил Рагма. — У нас были основания предполагать, что тебе грозит опасность, и мы оказались правы.

— Как? Откуда вы это могли знать?

Они переглянулись.

— Извини, — ответил Рагма. — Это еще одна.

— Еще одна — что?

— Вещь, которую нам не разрешено говорить.

— А кто решает, что запрещено, а что нет?

— Это еще одна.

— Ладно, — вздохнул я. — Надеюсь, что смогу пройти это расстояние. Если нет, вы об этом очень скоро узнаете.

— Вот и хорошо, — сказал Чарв, когда я поднялся на ноги.

На сей раз я почувствовал себя несколько увереннее — наверное, это было заметно. Он кивнул, повернулся и направился вперед скачками, совсем не похожими на походку кенгуру. Я последовал за ним, а Рагма оставался рядом со мной. Теперь он передвигался на задних ногах.

Местность была довольно ровной, поэтому идти было нетрудно. Через несколько минут у меня даже появились радужные мысли о бутерброде с ореховым маслом.

Прежде чем я успел прокомментировать улучшение своего состояния, Рагма что-то закричал на инопланетном языке. Чарв ответил ему и резко ускорил шаг, едва не запутавшись в своих маскировочных одеяниях.

А Рагма повернулся ко мне:

— Он побежал вперед, подготовить все заранее, чтобы мы могли сразу взлететь. Если ты можешь двигаться быстрее, то, пожалуйста, постарайся.

Я сделал все, что было в моих силах, и осведомился:

— А куда мы так торопимся?

— Я обладаю очень острым слухом, — ответил Рагма. — Мне удалось установить, что Зимейстер и Баклер поднялись в воздух. Это может означать две вещи: они либо решили улететь, либо принялись разыскивать тебя. Всегда следует рассчитывать на худшее.

— Насколько я понимаю, ты говоришь о моих непрошеных гостях, и тебе разрешено назвать их имена. Кого они представляют?

— Они динбаты.

— Динбаты?

— Антисоциальные элементы, сознательно нарушающие законы.

— А, бандиты. Ну, это я и сам сообразил. Что ты можешь рассказать мне о них?

— Мортон Зимейстер, — ответил Рагма, — давно занимается подобными делами. Это тот, что потяжелее, со светлым мехом. Обычно он старается держаться подальше от места действия, нанимая агентов для исполнения своих черных замыслов. Джеми Баклер — один из таких агентов. Он уже давно работает на Зимейстера и недавно получил повышение — теперь он стере-

жет его тело.

Мое собственное тело начало отчаянно протестовать — мы шли слишком быстро, поэтому я не сразу сообразил, что это гудит у меня в ушах: шум пульсирующей крови или шелест крыльев какой-то странной птицы. Рагма избавил меня от сомнений.

— Они летят в нашу сторону, — пояснил он. — Довольно быстро. Ты в состоянии бежать?

— Могу попытаться, — ответил я, ускоряясь.

Земля провалилась вниз, потом метнулась вверх. В этот момент я разглядел то, что, вероятно, было их кораблем: сплющенный колокол из тусклого металла, по бокам которого были разбросаны квадратные отверстия, открытый люк… Мои легкие работали, как гармошка на польской свадьбе, и я почувствовал, как первая волна черноты взметнулась со дна моего сознания. Я знал, что очень скоро эта или следующая волна накроет меня.

Затем возникло знакомое мерцание — реальность стала отступать. Я знал, что кровь отливает от головы вниз, и меня возмутило поведение гидравлики, которая вытворяла с моим телом все, что хотела. Сквозь усиливающийся рев я услышал выстрелы, словно донеслись звуки да-

лекого шоу, но даже они не смогли вернуть меня в этот мир.

Когда вас предает собственный адреналин, кому остается верить?

Мне очень хотелось добежать до люка и забраться в него. Он был совсем уже близко. Однако я знал, что этого не будет.

Какая абсурдная смерть. Я почти сумел все понять, не успел совсем чуть-чуть…

— Я иду! — закричал я прыгающему рядом со мной силуэту, не зная, слетают ли слова с моих губ.

Шум стрельбы не стихал, но он был далеким и слабым, словно лопалась воздушная кукуруза. Оставалось менее сорока футов, если судить по расстояниям, которыми измеряются круги на ипподромах. Подняв руки, чтобы защитить лицо, я упал, не зная даже, попала ли в меня пуля — потому что уже почти не был способен беспокоиться об этом, — в гладкую пустоту, которая разом отменила землю, шум, опасность и сам факт моего побега.

Так, так и так: пробуждение — это структуры и тени: приближение и удаление по шкале мягкого/темного, гладкого/сумеречного, скользкого/яркого — все остальное переходит в цвета и зву-

ки, балансирующие на невидимой грани.

Переход к твердому и очень яркому. Потом обратно в мягкое и темное…

— Ты слышишь меня, Фред? — бархатный сумрак.

— Да… — мои мерцающие шкалы.

— Лучше, лучше, лучше…

— Что/кто?

Ближе, ближе, ни одним звуком не выдать…

— Там?

— Так лучше, беззвучно…

— Я не понимаю.

— Позже. Ты должен сказать только одно, скажи: «Статья 7224, Раздел С». Скажи эти слова.

— Статья 7224, Раздел С. Зачем?

— Если они захотят забрать тебя с собой — а они обязательно захотят, — произнеси это. «Зачем» говорить не надо. Запомни.

— Да, но…

— Позже…

Что-то из теней и тканей: яркое, еще ярче, гладкое, мягкое. Жесткое. Ясное.

Я лежу в гамаке.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Рагма.

— Усталость, слабость, все еще хочу пить.

— Понятно. Вот, выпей это.

— Спасибо. Расскажите мне, что случилось. Меня ранили?

— Да, в тебя попали два раза. Поверхностные ранения. Мы все починили. Через несколько часов выздоровление будет завершено.

— Часов? А сколько их уже прошло с тех пор, как мы стартовали?

— Примерно три. После того как ты упал, я затащил тебя на борт. Мы взлетели, оставив позади тех, кто нас атаковал, континент Австралия и вашу планету. Сейчас мы находимся на орбите недалеко от вашего мира, но мы скоро ее покинем.

— Оказывается, ты гораздо сильнее, чем можно подумать на первый взгляд, раз ты смог меня нести.

— Оказывается.

— А куда вы собираетесь увезти меня?

— На другую планету — очень дружелюбную. Ее название ничего тебе не скажет.

— Зачем?

— Так нужно. Кроме того, речь идет о твоей безопасности. Ты оказался в положении человека, располагающего информацией, необходимой нам в расследовании, которое мы проводим. Мы хотим получить эту информацию, но есть и

другие желающие. Из-за них твоя жизнь может подвергнуться опасности, если ты вернешься на свою планету. Поэтому, чтобы обеспечить твою безопасность и продвинуться вперед в расследовании, мы извлечем тебя отсюда. Это самое простое решение возникшей проблемы.

— Может быть, сначала меня спросите? Я не хочу сказать, что не испытываю благодарности за свое спасение, однако что вас интересует? Если вы охотитесь за тем же, чего добивались от меня Зимейстер и Баклер, боюсь, я вряд ли смогу вам чем-нибудь помочь.

— Мы действуем, учитывая это обстоятельство. По нашему мнению, нужная нам информация находится у тебя где-то на подсознательном уровне. Самым лучшим способом добыть ее является помощь хорошего телепата-аналитика. В том месте, куда мы направляемся, их много.

— И сколько мы там пробудем?

— Ты останешься на той планете до тех пор, пока мы не завершим наше расследование.

— И сколько на это понадобится времени?

Он вздохнул и покачал головой:

— В данный момент это неизвестно.

Я почувствовал, как меня снова окутал мрак, который почему-то походил на прикосновение

кошачьего хвоста. Нет! Я не могу позволить им оторвать меня на неопределенный срок от всего, что я знаю.

Именно в этот момент я понял, что чувствует человек на смертном одре — недоделанные дела, мелочи, которые обязательно нужно завершить до окончательного ухода: написать письмо, оплатить счета, дочитать книгу, лежащую на тумбочке у кровати… Если я исчезну сейчас, в начале семестра, моя академическая карьера и финансовое положение отправятся псу под хвост — потому что никто не поверит моим объяснениям. Нет. Я должен помешать им забрать меня отсюда. Но мягкие тени снова принялись за свое. Надо спешить.

— Прошу прощения, — удалось кое-как выговорить мне, — только это невозможно. Я не могу отправиться с…

— Боюсь, тебе придется. Это абсолютно необходимо, — сказал Рагма.

— Нет, — возразил я, чувствуя, как меня охватывает паника, сражаясь с забытьем и понимая, что я должен обязательно сейчас решить эту проблему. — Нет, вы не имеете права.

— Насколько я понимаю, похожее понятие существует и в вашей юриспруденции. Вы назы-

ваете это «помещение под защиту закона».

— А как насчет Статьи 7224, раздел С? — пролепетал я, еле ворочая языком. Глаза у меня уже закрылись сами собой.

— Что ты сказал?

— Не притворяйся, слышал. — Я отлично помнил свои слова. — Семь… два… два… четыре. Раз… дел… С… Вот почему…

А потом опять пустота.

И снова повторяющиеся циклы вернули меня назад — в сознание или на расстояние плевка от него. Так происходило несколько раз, прежде чем я полностью пришел в себя и занялся созерцанием Калифорнии. Постепенно стали доноситься обрывки спора, которые я воспринимал равнодушно и отстраненно. Сейчас это представляло для меня чисто академический интерес. Рагма и Чарв были расстроены из-за каких-то сказанных мной ранее слов.

Ах да… Статья 7224, Раздел С.

Как я понял из их разговора, речь в этой статье шла об изъятии мыслящих существ с материнской планеты без их согласия. Галактический договор, под которым подписались представители миров моих спасителей, был для них чем-то вроде межзвездной конституции. Од-

нако в ситуации со мной фигурировало много неопределенных моментов, которые можно было трактовать по-разному, кроме того, в ряде случаев моего согласия не требовалось — например, при карантине, военных действиях и тому подобных вещах. Вроде универсального понятия «межзвездная безопасность» — вокруг всех этих проблем и шла бесконечная дискуссия.

Судя по всему, я коснулся довольно деликатных вопросов, особенно в свете их последних контактов на Земле. Рагма продолжал настаивать, что, если они воспользуются одним из возможных исключений и заберут меня с Земли на этом основании, департамент поддержит принятое ими решение. Ну а если дело дойдет до суда и им будет предъявлено обвинение, Рагма не сомневался, что ему и Чарву не станут грозить судебным преследованием, поскольку они все ж таки оперативники, а не обученные юристы. Чарв, со своей стороны, стоял на том, что ни одно из указанных исключений в данном случае невозможно применить, а посему им не избежать неприятностей. Будет лучше, решил он, если телепат-аналитик сумеет внушить мне желание сотрудничать с ними. Он был уверен, что им удастся найти такого телепата, который

помог бы им решить возникшую проблему.

Однако предложение Чарва разозлило Рагму. В этом случае мои права будут нарушены в другом аспекте, а кроме того, как насчет сокрытия улик, поинтересовался он. Он никогда не согласится участвовать в подобном предприятии. Если уж они заберут меня отсюда, Рагма хочет иметь надежную защиту, по закону и не собирается ничего скрывать.

Тогда они снова стали перебирать всевозможные исключения, осмысливая каждое слово, уточняя и перебивая друг друга, вспоминая прошлые случаи — они напомнили мне иезуитов, талмудистов, редакторов словарей, а еще апостолов Нового Критицизма. И все это время их корабль оставался на земной орбите.

Только значительно позднее Чарв вдруг задал вопрос, который уже давно меня беспокоил: «А откуда он вообще узнал о Статье 7224?»

Они подошли к гамаку, заслонив мне вид на мыс Гаттерас, где начала формироваться буря. Увидев, что глаза у меня открыты, они закивали и, как я понял, всем своим видом постарались продемонстрировать мне добрую волю и беспокойство о моем здоровье.

— Ты хорошо отдохнул? — поинтересовался

Чарв.

— Вполне.

— Воды?

— Пожалуйста.

Я немного попил водички, а потом он спросил:

— Бутерброд?

— Да. Благодарю.

Он достал бутерброд, и я начал есть.

— Мы весьма обеспокоены твоим состоянием — и тем, что нам следует с тобой сделать.

— Это очень благородно с вашей стороны.

— Нас озадачили слова, которые ты произнес некоторое время назад — это было связано с нашим предложением предоставить тебе убежище на период обычного расследования, которое мы должны провести на твоей планете. Нам показалось, что как раз перед тем, как заснуть, ты процитировал один из разделов галактического кодекса. Впрочем, ты бормотал что-то малоразборчивое, и мы не совсем уверены, что правильно тебя поняли. Ну так что ты там говорил?

— То, что вы услышали.

— Понятно, — сказал он, поправляя солнечные очки. — Не мог бы ты рассказать нам, откуда тебе стало об этом известно?

— Подобные вещи очень быстро распространя-

ются в академических кругах, — заявил я. Мне показалось, что ничего лучшего я не смогу предложить им в качестве ответа.

— Вполне возможно, — заметил Рагма, снова переходя на свой инопланетный язык. — Их ученые сейчас занимаются переводом. Они могли закончить эту работу и начать распространять ее среди университетов. Это не по моей части, так что наверняка я ничего сказать не могу.

— Если кто-нибудь успел создать курс Галактического Кодекса, то этот тип определенно его уже прослушал, — пробурчал Чарв. — К сожалению.

— Тогда ты должен знать, — продолжал Чарв, опять переходя на английский и обращаясь непосредственно ко мне, — что ваша планета еще не успела подписать соглашение.

— Конечно, — ответил я. — Но меня, как вы понимаете, беспокоят только ваши действия и их соответствие кодексу.

— Да, разумеется, — сказал он, со значением посмотрев на Рагму.

Рагма подошел поближе, и в его немигающих глазах вомбата промелькнуло нечто, похожее на ярость.

— Мистер Кассиди, разрешите мне сформулировать свою мысль как можно проще. Мы

представители закона — полицейские, если такой термин вам больше по душе, — и нам нужно довести дело до конца. Мне очень жаль, что мы не можем сообщить вам всех подробностей, тогда нам было бы гораздо легче убедить вас. Так или иначе, ваше присутствие на Земле создаст немалые затруднения, а ваше отсутствие, наоборот, все сильно упростит. Как мы уже говорили ранее, если вы останетесь на своей родной планете, вам будет грозить некоторая опасность. Учитывая вышесказанное, мне кажется очевидным, что все стороны только выиграют, если вы согласитесь на небольшие каникулы.

— Мне очень жаль, — сказал я.

— Тогда, может быть, — продолжал он, — я могу апеллировать к вашему тщеславию, а также к вашей знаменитой любви к приключениям, столь характерной для приматов. Такого рода путешествие, если вы захотите совершить его по собственной инициативе, будет стоить целое состояние. Не говоря уже о том, что еще ни один представитель вашей планеты никогда не видел ничего подобного.

Надо признать, на этот раз он задел меня за живое. В любое другое время я бы ни секунды не колебался. Но на этот раз я успел как следует разо-

браться в своих чувствах. Вне всякого сомнения, в этой цепочке странных случайностей чего-то не хватало — а я был весьма существенной частью этих событий.

Впрочем, что-то случилось не только со всем миром. Нечто, чего я не понимал, произошло (или происходило) со мной. Постепенно я убедил себя: разобраться в событиях последнего времени и внести в них свои коррективы я смогу только в том случае, если останусь дома и проведу свое собственное расследование, поскольку сильно сомневался, что кто-нибудь сможет решить мои проблемы лучше, чем я сам.

— Мне очень жаль, — повторил я.

Рагма вздохнул, отвернулся, выглянул в иллюминатор и внимательно посмотрел на Землю. А потом заявил:

— Вы очень упрямая раса.

Когда я ничего не ответил, он добавил:

— Мы тоже. Нам придется вернуть тебя на Землю, если ты на этом настаиваешь. Однако я найду способ добиться необходимых результатов без твоей помощи.

— А это еще что значится — поинтересовался я.

— Если тебе повезет, — ответил он, — ты оста-

нешься жив и пожалеешь о своем решении.

5

Продолжая висеть, напрягая и расслабляя мышцы, чтобы компенсировать движение длинной веревки, на которой через равные промежутки были завязаны узлы, я разглядывал монетку с повернутым влево профилем Линкольна. Он выглядел точно так, как если бы я смотрел на него в зеркало, все буквы оказались перевернутыми… Только вот монетка лежала у меня на ладони.

Рядом/подо мной, там, где я висел всего в нескольких футах над полом, урчала машина Ренниуса: три черные, как непроглядная ночь, секции, установленные в линию на круглой платформе, которая медленно вращалась против часовой стрелки. На тех секциях, что стояли по краям, было что-то вроде ручек — одна вертикальная, а другая горизонтальная, — по которым двигалась, похоже, лента Мебиуса, примерно в метр шириной, одна ее часть проходила через отверстие в закругленном, бороздчатом центральном приборе, который чем-то напоминал широкую ладонь великана, собравшегося хорошенько почесаться.

Согнув колени и упираясь ступнями ног в один из узлов, я начал медленно раскачиваться и через несколько мгновений оказался над уходящим внутрь отверстием в центральной секции машины Ренниуса. Опустившись пониже, я протянул руку и бросил пенни на ленту, покачнулся и вернулся в первоначальное положение. Быстро вытянув руку, схватил пенни, как только монетка появилась на ленте с другой стороны прибора.

Совсем не этого я ожидал. Совсем не этого.

После того как монетка прошла через машину в первый раз, она подверглась зеркальному отображению. Так что я решил, что, если пропустить ее снова, она вернется в свое нормальное состояние. Вместо этого я держал в руке металлический диск, рисунок на котором был расположен правильно, зато не был рельефным, а был выгравирован словно внутри монетки. Это относилось к обеим сторонам диска, по ребру которого шли специальные углубления, как на ободе колеса поезда.

Страньше и страньше[5]. Мне просто необходимо проделать это еще раз, чтобы посмотреть, что произойдет. Я выпрямился, посильнее сжал веревку коленями и начал корректировать свой

---

5 Примечания: 5
Цитата из сказки Л.Кэррола «Алиса в Стране Чудес»

качающийся маятник. На мгновение я посмотрел вверх, туда, где в сумраке пряталась потолочная балка с перекинутой через нее нитью, на которой я болтался, точно марионетка. Основную балку, расположенную слишком близко к потолку, чтобы на нее можно было сесть, я пересек в стиле африканского муравьеда — колени сомкнул наверху, предоставив пальцам делать основную работу. На мне был темный свитер и брюки, а на ногах замшевые башмаки на тонкой подошве. Через левое плечо я перекинул моток веревки и полз до тех пор, пока не оказался в точке, находящейся максимально близко к центру машины.

Я забрался внутрь здания через слуховое окно, которое мне пришлось выдавить, после того как я срезал решетку и обезвредил сразу три провода сигнализации таким виртуозным образом, что меня вдруг охватила ностальгия по заброшенному диплому инженера-электрика. В зале подо мной царил полумрак, единственным источником света был ряд небольших прожекторов, находящихся на уровне пола и установленных вокруг площадки, на которую и были направлены их лучи. Саму машину огораживал невысокий барьерчик, а невидимые электрические глаза оберегали ее покой. Специальные сенсоры,

вмонтированные в пол и на платформе, моментально поднимут тревогу, стоит только на них наступить.

К балке, на которой я висел, была прикреплена телевизионная камера. Поскольку я планировал подобраться к дисплею с северной стороны, там, где лента была совсем плоской и входила в центральную секцию, я очень медленно, совсем чуть-чуть, повернул камеру, чтобы она, оставаясь сфокусированной на дисплее, чуть отклонилась к югу — я сообразил, что так можно сделать благодаря просмотру множества телевизионных фильмов. В здании находились охранники, но они только что закончили свой обход, а я не планировал особенно здесь задерживаться. Впрочем, мне было хорошо известно, что случайности частенько вносят свои собственные коррективы даже в самые хитроумные планы, именно поэтому и богатеют компании по страхованию имущества.

Ночь была облачной, а ветер очень холодным. Мое дыхание взмахивало призрачными крыльями и улетало прочь. Единственным свидетелем моих упражнений на крыше, от которых немели пальцы, был усталый кот, сидевший на пожарной лестнице. Когда я прибыл в город вчера ночью,

здесь уже сильно похолодало, а решение о моем нынешнем путешествии было принято на диване у Хала за день до этого.

После того как Чарв и Рагма высадили меня по моей просьбе примерно в пятидесяти милях от города поздно ночью, когда светила луна, я проголосовал несколько раз и благополучно добрался до своего района. Было далеко за полночь. Прекрасно.

Одна из боковых улочек упирается в ту, на которой живу я, а мой дом находится как раз на противоположной стороне. Если идти по этой боковой улочке, видны окна моей квартиры. Совершенно естественно, что сейчас, во мраке ночи мои глаза сами обратились на эти окна. Темные, как и следовало ожидать. Пусто. Никого.

Неожиданно, примерно через полминуты, в тот момент, когда я как раз подходил к углу, появилась крошечная вспышка, которая длилась всего одно мгновение, а потом снова стало темно.

В любой другой момент я даже не обратил бы на нее внимания, а если бы и заметил, то не посчитал бы чем-то особенно интересным. Это вполне могло быть отражением или игрой моего воображения. И все же…

Да. Я только что выздоровел, в ушах у меня все

еще звучали предостерегающие слова инопланетных полицейских — я был бы полнейшим кретином, если бы забыл сейчас об осторожности. Но поскольку я не был кретином, и, как известно, изюмина из меня тоже получилась никакая, я включил внутреннюю систему, отвечающую за мою безопасность, на полную катушку, повернул направо и пошел в противоположную от своего дома сторону.

Пройдя пару кварталов, я подобрался к дому сзади. Там был черный ход, однако туда я не пошел, а направился к тому месту, где смог забраться на водосточную трубу, с нее на подоконник, потом на карниз, а дальше на пожарную лестницу.

Уже через несколько минут я оказался на противоположной стороне крыши. После этого спустился по водосточной трубе туда, где стоял, когда разговаривал с Полом Байлером. Сделал несколько шагов вперед и заглянул в окно спальни. Слишком темно для абсолютной уверенности. Впрочем, огонек сигареты появился в другом окне.

Я положил руки на раму, нажал, а затем потянул наверх. Окно беззвучно открылось — награда за заботу о ближнем. Из-за того, что я никогда слишком серьезно не относился к своему сну и

любил погулять по крышам, я обильно смазывал петли, чтобы не беспокоить своего соседа.

Оставив ботинки на подоконнике, я вошел и застыл на месте — готовясь броситься наутек в любой момент.

Подождал минуту, едва дыша широко открытым ртом. Так получается тише. Еще одна минута…

Заскрипело мое жесткое мягкое кресло, оно всегда так делает, когда тот, кто в нем сидит, меняет позу. Значит, в передней комнате, справа от стола и рядом с окном, кто-то сидит.

— В этой штуке еще остался кофе? — негромко прозвучал грубый голос.

— Думаю, да, — послышался ответ.

— Ну так налей мне.

Открыли термос. Стали что-то наливать. Скрип и легкий стук. Кто-то шепотом сказал «спасибо». Еще один тип сидел возле самого стола.

Глоток. Вздох. Чиркнули спичкой. Снова тишина. А потом:

— Вот было бы смешно, если бы его убили.

Кто-то фыркнул.

— Угу. Только это не для него.

— А ты-то откуда знаешь?

— Да от него просто несет трухой или чем-то в

этом роде. И вообще он какой-то странный.

— Вот с этим я согласен. Хорошо бы он поскорее вернулся домой.

— Знаешь, наши желания совпадают.

Тот, что сидел в кресле, поднялся на ноги и подошел к окну. Вскоре он тяжело вздохнул.

— О Господи! Сколько еще ждать?

— Если мы его дождемся, игра будет стоить свеч.

— Не спорю. Но чем быстрее он попадет в наши руки, тем лучше.

— Конечно. Пью за это.

— Эй, послушай! Что это ты там нашел?

— Немного бренди.

— Сам пьет бренди, а я должен пить эту коричневого бурду?

— Ты же просил кофе. Кроме того, я нашел бренди совсем недавно.

— Передай-ка мне.

— Вот еще один стакан. Давай будем пить, как полагается. Это хорошая штука.

— Наливай!

Я услышал, как из бутылки, которую я берег на Рождество, вынули пробку. Послышался легкий звон и звук шагов.

— Держи.

— Пахнет хорошо.

— Кто бы мог подумать!

— За королеву!

Звук шагов. Звон.

— Храни ее Господь!

Мои гости снова уселись на свои места и затихли. Я простоял, не шевелясь, примерно четверть часа, но они по-прежнему молчали.

Так что я тихонько подобрался к своему тайнику, нашел там деньги, которые все так же лежали в башмаке, достал их, положил в карман и вернулся на подоконник. Потом осторожно закрыл раму, перебрался на крышу, прошел под самым носом черного кота, который выгнул спину и плюнул мне вслед — похоже, он оказался суеверным, хотя, разумеется, каждый имеет право на заблуждения, — и поспешил прочь.

Внимательно оглядев дом, в котором жил Хал, и предполагая увидеть возле него парочку подозрительных личностей, я не заметил никого, кроме собственной персоны, поэтому решил позвонить своему бывшему соседу из телефона-автомата, стоявшего на углу.

— Да?

— Хал?

— Угу. Это кто?

— Твой старый дружок, тот, что любит повсюду лазать.

— Эй, приятель! Куда это ты вляпался?

— Если бы я сам знал, мне было бы несколько легче. А тебе что-нибудь известно?

— Может быть, ничего существенного. Но есть кое-какие детали, которые…

— Послушай, я могу к тебе зайти?

— Конечно, почему бы нет.

— Я имею в виду, сейчас. Мне не хотелось бы навязываться…

— Да никаких проблем. Давай поднимайся.

— А ты в порядке?

— По правде говоря, нет. Мы с Мэри малость разошлись во мнениях, и она решила провести конец недели у матери. Я наполовину набрался — из чего следует, что я наполовину трезв. Впрочем, этого достаточно. Ты расскажешь мне о своих проблемах, а я тебе — о своих.

— Договорились. Буду у тебя через полминуты.

— Отлично. До встречи.

Я обошел угол, позвонил, и дверь в парадную открылась. Через несколько мгновений я уже стучал в дверь Хала.

— Вот это точность, — заявил он, слегка раскачиваясь и отступая в сторону. — Входи, молись.

— В каком порядке?

— Ну, благословение этому дому — прежде всего. Ему оно не помешает.

— Благословляю, — провозгласил я, входя. — Мне очень жаль, что у тебя неприятности.

— Ничего, наладится. Все началось с подгоревшего обеда и опоздания в театр. Глупости, не более того. Когда зазвонил телефон, я подумал, что это она. Наверное, завтра мне придется принести свои извинения. Похмелье сделает мой голос особенно смиренным. Что ты будешь пить?

— Вообще-то я не собирался… А впрочем, какого черта! Что тут у тебя есть?

— Капля соды в море виски.

— Мне лучше сделай наоборот, — попросил я, садясь в большое, мягкое кресло-качалку.

Очень скоро вернулся Хал и протянул мне высокий бокал, из которого я как следует отхлебнул. После этого мой приятель попробовал, что налил себе, и только потом спросил:

— Послушай, может быть, на днях ты совершил некий особенно чудовищный поступок?

Я покачал головой.

— Всегда жертва, победитель — никогда. До тебя дошли какие-то слухи?

— Ничего конкретного. Лишь намеки и пред-

положения. В последнее время тобой многие интересуются, но никто толком ничего не говорит и не объясняет.

— Интересуются? Кто именно?

— Ну, например, твой куратор, Денис Векслер…

— Чего он хотел?

— Получить информацию о твоем проекте в Австралии.

— А что конкретно он спрашивал?

— Где ты находишься. Он хотел знать, в каком месте ты собираешься производить раскопки.

— Что ты ему сказал?

— Что мне ничего не известно — это было почти правдой. С ним мы разговаривали по телефону. А потом он зашел проведать меня вместе с каким-то типом — мистером Надлером, который сунул мне под нос документ, где говорилось, что он работает на правительство. Мистер Надлер ужасно беспокоился по поводу того, что ты будто бы можешь забрать там какие-то культурные ценности, и тогда возникнет международный скандал.

Я сказал нечто вульгарное.

— М-да, мне это тоже пришло в голову, — согласился Хал. — Он стал приставать ко мне с расспросами о твоем местонахождении, и мне

страшно захотелось «вспомнить», что ты в Тасмании. Однако я малость испугался. Не знал, чего от них ожидать. Поэтому продолжал утверждать, что ты ничего не сообщил мне о своих планах.

— Отлично. Когда они приходили?

— Ну, тебя ведь не было всю неделю. Потом я получил твою открытку из Токио.

— Понятно. Значит, на этом дело и кончилось.

— Нет, черт возьми. Только началось.

Я сделал еще один большой глоток.

— Надлер вернулся на следующий день и поинтересовался, не вспомнил ли я еще чего-нибудь. До того он дал мне номер телефона, по которому просил меня позвонить в случае, если ты со мной свяжешься. Я разозлился, сказал «нет» и выпроводил его. На следующее утро Надлер пришел снова и стал уговаривать меня, утверждая, что для твоей же пользы я должен сказать ему все, что мне известно. К тому моменту, как они пронюхали о твоем посещении здания оперного театра в Сиднее, ты уже скрылся в пустыне. Кстати, что там у тебя произошло?

— Потом, потом. Продолжай. Или это конец твоей истории?

— Нет, нет. Я опять рассердился и сказал, что мне нечего больше сообщить ему. Потом о тебе

пытались узнать и другие. Какие-то люди звонили и утверждали, что им совершенно необходимо связаться с тобой, что это очень срочно. Однако никто из них не объяснил мне, почему возникла такая срочность. И не сказал ничего определенного о себе, так что я не мог выяснить, кто они такие.

— То есть? Ты пытался их выследить?

— Нет, этим занялся детектив.

— Детектив?

— Сейчас дойду. За последние три недели в мое отсутствие сюда трижды кто-то вламывался. Естественно, я обратился в полицию. Сам я никак не связал это с телефонными звонками, но после третьего раза детектив попросил меня рассказать обо всех необычных случаях, которые произошли со мной за последнее время. Поэтому я упомянул о странных людях, которые все время звонят мне и спрашивают о приятеле, который уехал из города. Несколько человек оставили мне номера своих телефонов, и детектив решил, что их стоит проверить. Однако когда я вчера говорил с ним об этом, он сказал, что ему ничего не удалось узнать. Оказалось, что они оставляли мне телефоны кафе или ресторанов.

— Что-нибудь украли?

— Нет. Полиции это тоже не понравилось.

— Понятно, — молвил я, продолжая потихоньку потягивать виски. — А непосредственно к тебе кто-нибудь обращался с какими-нибудь необычными вопросами, не касающимися меня? В особенности насчет камня Байлера?

— Нет. Но тебя может заинтересовать тот факт, что, пока тебя не было, к нему в лабораторию кто-то влез. Никто с определенностью не может сказать, пропало ли что-нибудь. Что касается другого твоего вопроса: я не могу утверждать, что ко мне обращались с вопросами о камне, но какие-то люди все время крутились возле меня. Возможно, они хотели спокойно обыскать мою квартиру. Не знаю. Но мне показалось, что за мной следили в течение нескольких дней. Сначала я не слишком обращал на это внимание. По правде говоря, я даже и не думал об этом, пока не начали происходить разные странные события. Один и тот же человек, с не слишком приметной внешностью, постоянно находился неподалеку от меня. Однако он ни разу не подошел настолько близко, чтобы я смог его как следует рассмотреть. В первый момент я подумал, что у меня шалят нервы. Ну а потом, естественно, я про него вспомнил. К сожалению, слишком поздно. После того

как полиция стала мною заниматься и следить за этим домом, он исчез.

Хал допил виски, я тоже покончил со своей выпивкой.

— Ну вот, пожалуй, и все, — сказал Хал. — Давай-ка я налью нам еще, а ты расскажешь о том, что известно тебе.

— Валяй.

Я зажег сигарету и задумался. Во всем этом была какая-то логика, и я не сомневался, что ключом к этой загадке является звездный камень. Мне нужно было рассмотреть множество отдельных событий, проанализировать их и внимательно изучить каждое. Впрочем, я чувствовал, что, если бы мне было известно про камень больше, события последних дней обязательно сложились бы в единую понятную картину. Так родился список приоритетных действий.

Хал вернулся с выпивкой, отдал мне мой стакан и снова уселся.

— Ну ладно, — сказал он, — последнее время здесь творятся такие странные вещи, что я готов поверить в любые небылицы.

И я поведал ему обо всем, что произошло со мной с тех пор, как я отбыл в Австралию.

— Не верю, — заявил Хал, когда я закончил.

— Я не могу поделиться с тобой своими воспоминаниями в каком-нибудь другом виде.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал он. — Все это звучит очень странно. Но ведь и ты совсем не прост. Не обижайся. Нужно еще немножко затуманить себе мозги, и тогда, возможно, мне будет легче поверить в то, что ты рассказал. Подожди.

Он ушел и вернулся с полным стаканом. Мне было уже все равно, я давно потерял счет выпитому.

— Ты что, все это говорил всерьез? — наконец поинтересовался Хал.

— Да.

— Значит, те парни, по всей вероятности, еще сидят в твоей квартире?

— Вполне возможно.

— А почему бы не вызвать полицию?

— Проклятье, они ведь сами могут оказаться полицейскими.

— И пить за королеву?

— Может быть, речь шла о какой-нибудь университетской королеве… Понимаешь, пока я как следует не обдумал все эти странные события, мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь знал о моем возвращении.

— Ладно. Я буду молчать. Тебе понадобится моя

помощь?

— Думай. Всем известно, что тебе в голову время от времени приходят оригинальные мысли. Ну, самая пора выдать какую-нибудь стоящую мыслишку.

— Что ж, — сказал Хал. — Такое впечатление, что наши проблемы связаны с копией звездного камня. Что в нем такого особенного?

— Сдаюсь. Давай, говори.

— А я не знаю. Попробуем суммировать, что нам про него известно?

— Оригинал прибыл к нам, включенный в список предметов, предназначенных для культурного обмена. Про него писали, что это реликвия, объект неизвестного назначения — скорее всего, его использовали для декоративных целей, — обнаруженный среди руин погибшей цивилизации. Ученые предполагают, что он искусственного происхождения. Если это так, звездный камень может оказаться самым древним в Галактике предметом, созданным разумными существами.

— Значит, он бесценен.

— Естественно.

— Если он пропадет здесь или будет уничтожен, нас вышвырнут из программы обмена.

— Я полагаю, что это возможно…

— Он предполагает! Это совершенно точно. Я проверял. В нашей библиотеке есть полный текст перевода соглашения, а меня вся эта история так заинтересовала, что я его прочитал. Будет собран совет, и все его члены проголосуют по вопросу об исключении.

— Хорошо, что он не потерялся и не уничтожен.

— Ага. Просто прекрасно.

— А как Байлер добрался до него?

— Мне кажется, представитель ООН связался с ним и поручил изготовить дубликат, чтобы звездный камень можно было демонстрировать публике. Байлер выполнил заказ, а потом они все перепутали.

— Трудно поверить, что в таком серьезном деле могла возникнуть путаница.

— Предположим, путаница была намеренной.

— Это как?

— Ну, например, Байлеру дали камень, но вместо того чтобы вернуть оригинал и копию, он вернул две копии. Меня бы нисколько не удивило, если бы он захотел подольше подержать камень у себя, чтобы как следует его изучить. Байлер же мог вернуть его после окончания своих экспериментов, или, если бы его поймали

— в данном случае не важно, что произошло бы раньше, — он бы просто заявил, что ошибся. Никто не стал бы поднимать шума, поскольку задание наверняка было секретным. Впрочем, не исключено, что у меня просто разыгралось воображение. Наш друг мог получить камень на совершенно законных основаниях и изучать его по просьбе правительства. Как бы там ни было, давай предположим, что до недавнего времени оригинал находился в распоряжении Байлера.

— Ну хорошо, предположим.

— А потом исчез. Либо его перепутали и выбросили вместе с неудачными копиями, либо отдали нам — по ошибке…

— Тебе, тебе, — повторил я, — и совсем не по ошибке.

— Пол пришел к таким же выводам, — продолжал Хал, не обращая внимания на мои намеки. — Он запаниковал, стал искать камень и в процессе поисков немного нас потрепал.

— Почему он вообще забеспокоился?

— Кто-нибудь заметил подмену и потребовал вернуть настоящий оригинал. И тогда Пол обнаружил, что камень пропал.

— А Пола убили.

— Ты сказал, что двое мужчин, которые до-

прашивали тебя в Австралии, практически признались, что прикончили его в процессе допроса.

— Да. Зимейстер и Баклер.

— Твой подпольный агент — вомбат сказал, что они бандиты.

— Динбаты. Давай, рассуждай дальше.

— ООН поставила в известность все входящие в нее нации — именно с этого момента государственный департамент и стал проявлять к нам интерес. Однако где-то произошла утечка, и Зимейстер решил сам найти камень, чтобы заломить большой выкуп. Ах, простите, награду.

— В этом есть некий сюрреалистический смысл. Продолжай.

— Камень мог остаться в нашем распоряжении, и все об этом знали. Нам не известно, где камень находится, но никто нам не верит.

— Кто «все»?

— Функционеры ООН, ребята из Фогги Боттом, динбаты и инопланетяне.

— Ну, если считать, что инопланетяне поставлены в известность и сами участвуют в расследовании, появление Чарва и Рагмы становится более понятным — со всеми разговорами о секретности и безопасности. Однако меня беспо-

коит кое-что еще. Они абсолютно уверены, что, сам того не подозревая, я знаю гораздо больше о местонахождении камня. И считают, что телепат-аналитик сможет найти в моем подсознании необходимые сведения. Интересно, откуда у них взялась такая идея?

— Тут я ничего не могу тебе сказать. Возможно, они проверили и отбросили все остальные варианты. И, между прочим, вдруг они правы? Камень действительно исчез совершенно необъяснимым образом. Интересно…

— Да?

— А что, если тебе известно что-нибудь и у твоего подсознания есть причины скрывать это? В таком случае хороший психоаналитик, даже не будучи телепатом, сумеет помочь нам. Гипноз, наркотики… Кто знает? Как насчет доктора Марко, к которому ты ходил?

— Неплохая мысль, вот только убедить доктора Марко в реальности всего происходящего будет достаточно трудно. Он даже может посчитать, что я малость сошел с катушек и начнет меня лечить. Нет. От этого я, пожалуй, пока воздержусь,.

— Что же остается?

— Напиться, — сказал я. — Чтобы мои церебральные центры совсем перестали следить за

координацией движений.

— Хочешь кофе?

— Нет. Мое сознание проигрывает со счетом ноль — шесть, и я хочу достойно удалиться на покой. Ты не возражаешь, если я посплю у тебя на диване?

— Валяй. Сейчас принесу тебе одеяло и подушку.

— Спасибо.

— Может быть, утром у нас возникнут свежие мысли, — сказал Хал, вставая.

— Какими бы умными они ни были, думать их будет весьма непросто, — заявил я, подходя к дивану и скидывая туфли. — Пусть мыслям придет конец. Таким образом я отметаю Декарта.

Я повалился на диван, без единой cogito и перестав sum[6].

Забве…

В одной из дальних комнат моего сознания стоял телетайп. Им никто никогда не пользовался. Внутри не-созидания, где не-я мирно не-существовал в интервале не-времени, он застучал, извергая что-то, и начал синтезироваться некий получатель, который походил на меня для того,

---

6 Примечания: 6

Cogito ergo sum (лат.) — «Пока мыслю, существую» — афоризм Декарта

чтобы докучать ему...

::::::

МЕРНЫЙ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ?:::::
::
:::::::::: ВРЕМЯ НАЗЫВАЕТ СООТВЕТСТВИЕ ::::::::::::::::::
:::: XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX XXXXX ::::::::::::::::::
::::::::: ЭТОГО МЕХАНИЗМА С МАШИНОЙ РЕННИУСА ::::::::::::::
::
::::::::: Я ЗНАЮ, ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ. ДА ::::::::::::::::::
::
:::::::::::: ОТПРАВЛЯЙСЯ К МАШИНЕ РЕННИУСА ::::::::::::::
::
ПРОВЕРЬ
ЕЕ ПРОГРАММУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ::::::::::::::::::
:::::::::::::::::::::::: КАК? ::::::::::::::::::::::
:::
НАБЛЮДАЙ ЗА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ ОБЪЕКТА,
ПРОХОДЯЩЕГО ЧЕРЕЗ МОБИЛЯТОР ::::::::::::::::::::::::::::
::
:::::::::::::::::::: ЧТО ТАКОЕ МОБИЛЯТОР?

::::::::::::::::

:::: ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ МАШИНЫ, ЧЕРЕЗ КОТОРУЮ ПРОХОДИТ ЛЕНТА ::

::

::: К НЕЙ НЕВОЗМОЖНО ПОДОЙТИ ТАК БЛИЗКО ::::::::::::::::::

::::::::::

ОНА ОХРАНЯЕТСЯ ::::::::::::::::::::::::::::::::::

::::::::::::::::

ЖИЗНЕННО ВАЖНО ::::::::::::::::::::::::::

:::::::::::::::::::::::::::::::: ПОЧЕМУ? ::::::::::::::

::

::::::::::::

ЧТОБЫ ПЕРЕДЕЛАТЬ ::::::::::::::::::::::::::::

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX РЕФОРМИРОВАТЬ XXXXXXX

::

:::::::::::::::: ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ФРЕД? ::::::::::::::::::

::

::::::::::::::::::: ДА ::::::::::::::::::::::::::::::::::

:::::: ОТПРАВЛЯЙСЯ К МАШИНЕ РЕННИУСА И ПРОВЕРЬ ::::::::::::

:::::::::::: ПРОГРАММУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ::::::::::::::::::::::

:::: ПРЕДПОЛОЖИМ, Я СМОГУ ЭТО

СДЕЛАТЬ. ЧТО ПОТОМ? :::::::::

:::::::::::::: ПОТОМ ТЫ ПОЙДЕШЬ И НАПЬЕШЬСЯ ::::::::::::::::

::

:::::::::::: ПОЖАЛУЙСТА, ПОВТОРИ ::::::::::::::::::::::::::

::

ПРОВЕРЬ ПРОГРАММУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПОЙДИ ::::: ВЫПЕЙ :::

::

::

:::::::::::::::::

ЧТО-НИБУДЬ ЕЩЕ? ::::::::::::::::::::::

:: ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАВИСЯТ ОТ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ СОБЫТИЙ :

::

::

:::::::::::::::::::::::::::::: ТЫ ЭТО СДЕЛАЕШЬ? ::::::::::

:::::::::::::::::::::::::::: КТО ТЫ? ::::::::::::::::::::

::

:: Я :::::::

ХХХХХХХХХХХХХСПЕЙКУСХХХХХХХХХХ ХХХХСПЕЙКУСХХХХХХХХХХХХХХХХХХ

ХХХХСПЕЙКУССПЕЙКУССПЕЙКУССПЕЙ КУССПЕЙКУССПЕЙКУССПЕЙКУСХХХХХХ

ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ХХХХХХЗАПИСЬХХХСПЕЙКУСХХХХХХХХ
ХХХХХХХХХХЯЗАПИСЬХХХХХХХХХХХХ
ХХХХСПЕЙКУСХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ХЯЗАПИСЬХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ
:::
:::::::::::::::
ТОГДА ПОНЯТНО :::::::::::::::::::::::::::
:::::::::::::::::: ТЫ СДЕЛАЕШЬ ТО, ЧТО Я ПРОСИЛ? :::::::::
:::
:::::::::::::::::::: ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ? ::::::::::::::::::::
::::::::::::::::::::: ЗНАЧИТ, ТЫ СОГЛАСЕН? ::::::::::::::
::::: ЛАДНО, ЗАПИСЬ. ХОРОШО. ПОДТВЕРЖДАЮ СОГЛАСИЕ :::::::::
:::::::::: МЕНЯ ЗАПРОГРАММИРОВАЛИ ЛЮБОПЫТНЫМ ::::::::::::

:::::::

встал, направился в кухню и поставил кофейник на огонь, а затем сходил в ванну, чтобы побриться и помыться.

Потом выпил немного сока, съел тост и пару яиц и с чашкой кофе вернулся обратно в гостиную. Хал продолжал отсыпаться. Я забрался на диван. Закурил сигарету. Выпил кофе.

Кофеин, никотин — игры сахара в крови — не знаю, что пронзило темный пузырь, пока я сидел, собирая по кусочкам утро и себя. Мне было неизвестно, что приходило ко мне этой ночью вместо обычных немудрящих снов и почему, но оно вернулось между очередным глотком кофе и затяжкой, причем гораздо четче и яснее, чем все созданные моим подсознанием шоу с монстрами.

Еще накануне решив принимать необычное в надлежащем состоянии духа, я ограничил свои размышления позитивными реакциями. Все это имело ничуть не меньше смысла, чем то, что происходило со мной в последнее время, а я уже давно стремился сам начать действовать — мне изрядно надоело ждать, пока со мной еще что-нибудь случится без всякой на то инициативы с моей стороны.

Поэтому я аккуратно сложил одеяло, а сверху

водрузил подушку. Покончив с первой чашкой кофе, налил себе вторую и поставил кофейник на медленный огонь. Среди ящиков письменного стола я нашел писчую бумагу и написал короткую записку:

> Хал!
>
> Спасибо. У меня появились кое-какие дела. Ночью меня посетило озарение. Довольно-таки странное. Позвоню тебе в ближайший день-два и расскажу о том, что из всего этого вышло. Надеюсь, что к тому времени все благополучно закончится.
>
> Фред
>
> P.S. Кофе стоит на огне.

Как мне показалось, я написал все, что требовалось. Записку я оставил на другом конце дивана.

Выйдя из дома, я направился к автобусной остановке. Впереди у меня была длинная поездка. Я приеду на место слишком поздно и смогу осмотреть машину Ренниуса лишь на следующий день во время обычных часов для посетителей. Обязательно нужно будет найти возможность нанести туда частный визит позднее.

Что я и сделал.

Voila! Линкольн снова смотрел вправо, да и все остальное, как мне показалось, было на месте. Я сунул монетку в карман, постарался остановить раскачивание и начал подниматься вверх.

Неожиданно раздалось густое бронзовое гудение, нервы у меня напряглись, а руки перестали слушаться. Свободный конец веревки отчаянно раскачивался. Возможно, он за что-нибудь зацепился или попал в поле зрения камеры. Теперь это уже не имело значения.

Несколько мгновений спустя я услышал крик:

— Руки вверх!

Видимо, подобные слова приходят на ум куда более естественно, чем, скажем: «Ну-ка перестань карабкаться вверх по этой дурацкой веревке и спускайся вниз, не дотрагиваясь до машины!»

Ну, я и стал поднимать руки, быстро и часто. К тому времени, когда голос объявил, что будет стрелять, я уже находился на потолочной балке и выглядывал в окно. Если подпрыгнуть, ухватиться за что-нибудь, подтянуться, перевернуться, пролезть через горизонтальное отверстие в восемнадцать дюймов, которое я предусмотрительно оставил для отступления, упасть на крышу и перекатиться — тогда у меня будет на выбор несколько вариантов бегства с места пре-

ступления. Может быть, удастся благополучно покинуть окрестности. Я напряг мышцы.

— Стой, буду стрелять! — повторил охранник, который находился почти непосредственно подо мной.

Я услышал выстрел, и под аккомпанемент бьющегося стекла подпрыгнул вверх.

6

Звук вырывающегося из древних труб пара протащил меня через границу в то место, где личность поражается сама себе. Я хотел затормозить и вернуться назад, но система отопления не пускала. Мое подсознание бездействовало, и я наслаждался отсутствием памяти. Однако вскоре понял, что хочу пить. А потом — что нечто жесткое упирается мне в бок.

Круг ощущений расширился, части головоломки встали на свои места. И я открыл глаза.

Да…

Я лежал на матрасе в углу комнаты, где совсем недавно явно была какая-то вечеринка. На полу валялись журналы, бутылки, окурки и отдельные предметы одежды; стены украшали яркие картины и афиши, которые были наляпаны словно марки на заграничной посылке, криво и без всякого смысла. В дверном проеме справа от меня висели нанизанные на нитку бусины, отражавшие, по всей вероятности, утренний свет, который падал из огромного окна, расположенного на противоположной от меня стене. В его

лучах плясали золотые пылинки, возникшие, как мне показалось, из-за того, что возле окна стоял осел и объедал какое-то растение в горшке. А на подоконнике сидел рыжий кот и подмигивал мне своими желтыми глазами; впрочем, ему это скоро надоело, и он решил поспать.

Откуда-то из-за окна доносился слабый шум уличного движения. Глядя на отражения в бусинах, я различал верхнюю часть кирпичного здания, которое, похоже, находилось на достаточно приличном расстоянии от нас. Впервые за это утро я попытался сглотнуть и понял, как сильно хочу пить. Воздух в комнате был сухим, его наполняли застоявшиеся запахи, в том числе и весьма экзотические.

Я слегка пошевелился, чтобы определить, не болит ли у меня что-нибудь. Совсем неплохо. Небольшая пульсация в лобной части головного мозга, ее вряд ли можно назвать головной болью. Я потянулся и почувствовал себя немного лучше.

Острый предмет, который упирался мне в бок, оказался пустой бутылкой. Вспомнив, как он попал на свое место, я поморщился. Вечеринка, да… Тут была вечеринка…

Я сел. Увидел свои ботинки. Надел их. Встал. Вода… Если пройти через бусины и зайти за угол,

окажешься в ванной комнате. Да.

Прежде чем я успел двинуться в ту сторону, осел повернулся, посмотрел на меня и стал приближаться.

Надо сказать, что в единую долю секунды, еще до того как все произошло, я понял, что меня ждет.

— Твое сознание все еще затуманено, — сказал осел, или мне показалось, что сказал, слова как-то странно прозвучали у меня в голове, — так что пойди, утоли жажду и вымой лицо. Но не вздумай воспользоваться окном, чтобы сбежать. Потому что это может привести к осложнениям. Когда покончишь со всеми делами, возвращайся в комнату, мне надо тебе кое-что сказать.

— Ладно, — нисколько не удивившись, согласился я, отправился в ванну и включил воду.

За окном не было ничего подозрительного: никаких странных личностей, да и вообще никого, кто мог бы мне помешать перебраться на соседнее здание, а потом вверх, на крышу, и прочь отсюда. В данный момент я не собирался этого делать, только подумал, что, вероятно, осел слишком сгущает краски.

Окно… Я снова вспомнил о вчерашней ночи, выстрелах, бьющемся стекле. Вылезая через слу-

ховое окно, я порвал куртку, а падая, поцарапал плечо. Я покатился, вскочил на ноги и, пригнувшись, бросился бежать…

Через час я уже сидел в баре в Виллидж, выполняя вторую часть инструкций. Впрочем, я приступил к этому не сразу, потому что меня преследовало ощущение, что за мной кто-то гонится, и мне хотелось некоторое время побыть в одиночестве — чтобы прийти в себя. Поэтому я заказал пиво и пил его маленькими глотками.

Легкие порывы ветра несли по улице обрывки бумаги. Время от времени падали одинокие снежинки, которые, оказавшись на земле, превращались в мокрые кляксы. Потом средняя часть этой процедуры проскочила как-то незаметно, и холодный дождь сначала припустил изо всей силы, затем с неба посыпались крупные капли, а вскоре дождь прекратился — на землю пал туман.

Ветер свистел и стучал в дверь, и даже в теплой куртке мне было холодно. Так что минут через десять или пятнадцать, когда я допил свое пиво, мне пришло в голову, что неплохо было бы поискать местечко потеплее. Так я объяснил себе свое поведение, хотя на самом деле мною двигало примитивное стремление бежать.

В течение следующего часа я зашел в три бара, выпивал в каждом по кружке пива и шел дальше. По дороге в каком-то магазине купил бутылку, поскольку было уже поздно, а мне не хотелось оказаться на людях вдребезги пьяным. Я стал подумывать о ночлеге. Ладно, решил я, надо взять такси, и попросить шофера отвезти меня в какой-нибудь отель, где я смогу завершить процесс интоксикации. Размышлять о том, чем все это закончится, бессмысленно, впрочем, и спешить мне особенно некуда. В данный момент хотелось, чтобы рядом со мной были люди, мне нужны были их голоса и звуки музыки, которые отражаются от стен. Воспоминания об Австралии были весьма путаными и неясными, страх, испытанный во время бегства из выставочного зала с машиной Ренниуса, все еще меня не покинул: в ушах звучал выстрел и звенело стекло.

Пятый бар, в который я зашел, оказался настоящей находкой. Он располагался на три или четыре ступеньки ниже уровня улицы, там было тепло, царил приятный полумрак, в нем было достаточно народу, чтобы создать необходимый мне шумовой фон, однако, не настолько много, чтобы я не смог занять удобный столик у стены. Сняв куртку, я закурил. Пожалуй, здесь можно

немного посидеть.

Он нашел меня через полчаса или немного больше. Мне удалось немного расслабиться, кое-что забыть, почувствовать себя тепло и уютно, я перестал обращать внимание на вой ветра — именно в этот момент проходящий мимо меня человек остановился, повернулся и сел на стул напротив.

Я даже не поднял головы. Боковым зрением я видел, что это не полицейский, но у меня не было ни малейшего желания вступать в какие-либо контакты, особенно со странными типами, вроде этого.

Так мы и сидели, не шевелясь, почти целую напряженную минуту. А потом что-то мелькнуло на столе, и я инстинктивно посмотрел в ту сторону.

Передо мной лежали три очень четкие фотографии: две брюнетки и блондинка.

— Как насчет того, чтобы погреться с девочками в такой холодный вечер? — услышал я голос, который вернул меня на несколько лет назад и заставил поднять глаза.

— Доктор Мерими! — воскликнул я.

— Ш-ш-ш! — прошипел он. — Сделай вид, что ты рассматриваешь фотографии!

Та же старая шинель, шелковый шарф и берет…

Тот же длинный мундштук… Удивительные глаза за толстыми стеклами, благодаря которым у меня складывалось впечатление, что я смотрю в аквариум. Сколько лет прошло?

— Какого черта вы тут делаетесь — спросил я.

— Естественно, собираю материал для книги. Проклятье! Смотри на фотографии, Фред! Сделай вид, что ты их разглядываешь. На самом деле. Возникли проблемы. Думаю, что у тебя.

Я принялся изучать глянцевитых дамочек.

— Какие проблемы?

— Мне кажется, за тобой следит какой-то тип.

— А где он сейчас?

— На противоположной стороне улицы. Последний раз я видел его в парадной.

— Как он выглядит?

— Ну, не знаю. Одет, как полагается в такую погоду. Тяжелое пальто. На глаза натянута шляпа. Голова опущена. Среднего роста или немного ниже. Может оказаться сильным.

Я захихикал:

— Может оказаться кем угодно. А откуда вы знаете, что он следит за мной?

— Я заметил тебя около часа тому назад, несколько баров тому назад. В том баре было довольно много народу. Как раз в тот момент,

когда я поднялся и направился в твою сторону, ты встал, чтобы уйти. Я позвал тебя, однако было шумно и ты меня не услышал. К тому времени как я заплатил и стал тебя догонять, ты был уже довольно далеко, и я поспешил за тобой. Тут-то я и увидел, как из двери вышел этот парень и последовал моему примеру. Сначала я не обратил на него никакого внимания, но ты довольно долго бродил по улицам, а этот тип все время поворачивал вслед за тобой. Потом ты нашел очередной бар; тогда он остановился и принялся пялиться на дверь. Затем забрался в подъезд, зажег сигарету, немного покашлял и стал ждать, не спуская глаз с входной двери. Поэтому я дошел до угла, где была телефонная будка, и начал следить за подозрительным типом, одновременно делая вид, что звоню. Ты пробыл в том баре не очень долго и когда отправился дальше, он пошел за тобой. Еще в двух барах я к тебе не подходил, чтобы убедиться в том, что не ошибся. Теперь я в этом уверен. За тобой следят.

— Ладно. Я вам верю.

— То, что ты так спокойно отнесся к этому известию, заставляет меня думать, что оно не явилось для тебя полной неожиданностью.

— Точно.

— Может быть, я смогу тебе чем-нибудь помочь?

— Ну, что касается причин моей головной боли — вряд ли. А вот относительно непосредственных симптомов…

— Например, вывести тебя отсюда так, чтобы он этого не заметил?

— Именно это я и имел в виду.

Мерими взмахнул забинтованной рукой.

— Проще простого. Расслабься и пей спокойно. Не беспокойся. Считай, дело сделано. Притворись, что изучаешь фотографии.

— Зачем?

— А почему бы и нет?

— Что у вас с рукой?

— Что-то вроде несчастного случая с мясницким ножом. Тебе уже выдали диплом?

— Нет. Но они стараются изо всех сил.

Подошел официант, постелил перед Мерими салфетку, поставил на нее выпивку, взял деньги, бросил взгляд на фотографии, подмигнул мне и вернулся к стойке бара.

— Мне казалось, что я сумел загнать тебя в угол, когда ты изучал историю. Как раз тогда я и покинул университет, — сказал Мерими, поднял стакан, сделал глоток, поджал губы, выпил еще

немного. — Что произошло?

— Я сбежал в археологию.

— Не надежно. У тебя было слишком много работ по антропологии и древней истории, чтобы ты сумел продержаться долго.

— Конечно. Но таким образом я получил передышку на второй семестр, что мне и требовалось. А осенью ввели новый курс геологии. Я занимался им полтора года. Потом появились другие возможности.

Мерими покачал головой.

— Исключительно абсурдно, — сказал он.

— Благодарю вас.

Я сделал большой глоток холодного пива.

Мерими кашлянул.

— Насколько серьезна ситуация, в которой ты оказался?

— Достаточно серьезна — хотя, мне кажется, мои неприятности явились следствием большой ошибки.

— Я имел в виду вот что: в твоей проблеме замешаны власти или частные лица?

— Похоже, как те, так и другие. А что? Вы передумали мне помогать?

— Конечно же, нет! Просто я хотел оценить, насколько серьезна ситуация.

— Извините, — проговорил я, — наверное, нужно поблагодарить вас за риск…

Мерими поднял руку, словно хотел остановить меня, но я продолжал:

— Я не имею ни малейшего представления о том, кто там караулит меня на улице. Хотя у меня сложилось впечатление, что в этом деле замешано несколько человек, которые могут оказаться по-настоящему опасными.

— Ладно, этого вполне достаточно, — буркнул Мерими. — Я всегда полностью отвечаю за свои поступки и сейчас собираюсь тебе помочь. Хватит разговоров!

Мы выпили еще понемногу. Мерими, улыбаясь, переложил фотографии.

— Я ведь и вправду смог бы обеспечить тебя на ночь одной из этих красоток, — сообщил он мне, — если бы ты захотел.

— Спасибо. Сегодняшний вечер я отвел на то, чтобы как следует надраться.

— Ну, эти занятия не являются взаимоисключающими.

— Сегодня являются.

— Ладно, — сказал он, пожав плечами, — я не собираюсь ничего тебе навязывать. Просто хотел быть с тобой гостеприимным. Успех способствует

этому.

— Успех?

— Ты один из немногих знакомых мне людей, которым сопутствует удача.

— Мне? С чего вы взяли?

— Ты всегда знаешь, что делаешь, и делаешь это очень хорошо.

— Да я же ничего особенного не делаю.

— И конечно же, ни твоя собственная деятельность, ни отношение к ней других людей не имеют для тебя никакого значения. С моей точки зрения, именно это и делает тебя удачником.

— То, что мне на все наплевать? Но ведь это совсем не так.

— Нет, конечно, тебе не наплевать! Просто у тебя такая манера поведения, стиль, что ли. Ты понимаешь, как надо делать выбор…

— Ну хорошо, — прервал я его, — мне понятно, что вы имеете в виду, и я готов с вами согласиться. А теперь…

— …и это делает нас с тобой родственными душами, — продолжал Мерими. — Потому что я и сам точно такой же.

— Естественно, мне это было известно с самого начала. А теперь вернемся к тому, как вы собираетесь вытащить меня отсюда…

— Здесь есть кухня, из которой во двор ведет дверь, — сообщил мне Мерими. — Днем они готовят тут еду. Мы выйдем через эту дверь. Бармен — мой приятель, у нас не возникнет никаких проблем. А потом я отведу тебя к себе — кружным путем. Там сейчас вечеринка в самом разгаре. Можешь развлекаться сколько твоей душе будет угодно, а после ложись спать в каком-нибудь подходящем теплом уголке.

— Звучит соблазнительно, особенно в той части, где упоминается уголок. Спасибо.

Мы осушили свои стаканы, и Мерими спрятал дамочек в карман. Потом подошел к бармену, они о чем-то поговорили, бармен кивнул. А затем Мерими повернулся ко мне и глазами велел подойти к бару. Я встретил его у двери на кухню.

Он провел меня через кухню, и мы вышли через заднюю дверь в темную аллею.

Моросил мелкий дождь, и я поднял воротник куртки. Мерими повернул направо, я последовал за ним. На перекрестке нескольких аллей мы повернули налево, прошли между темными силуэтами мусорных баков, прошлепали прямо по громадной луже, так что я насквозь промочил ноги, и вышли на улицу где-то в самом центре следующего квартала.

Через три или четыре квартала и много минут мы поднимались по лестнице дома, в котором устроил свою штаб-квартиру Мерими. Из-за сырости на лестнице довольно противно пахло, а ступени у нас под ногами пронзительно скрипели. Уже снизу я услышал слабые звуки музыки, смешанной с голосами и смехом.

Мы пошли на эти звуки и вскоре оказались возле двери. Мерими представил меня некоторым из своих гостей. Я же довольно быстро нашел стакан, лед и какую-то выпивку, взял все это с собой и уселся в удобное кресло, чтобы поговорить и понаблюдать за происходящим, тайно надеясь, что веселье — вещь заразная и мне удастся допиться до такого состояния, что я окажусь в пустом темном месте, которое непременно где-то меня ждет.

Я, естественно, туда добрался, но только после того, как вечеринка докатилась до полного отпада. Поскольку все присутствующие усиленно стремились попасть туда же, куда и я, у меня не было ощущения, что я очень сильно от них отличаюсь. В дымке, винных парах и оглушительном шуме все казалось совершенно естественным, достойным и невероятно ярким, даже появление Мерими, одетого лишь в гирлянду из листьев и

сидевшего на маленьком сером ослике, который, казалось, жил где-то в одной из задних комнат. За ними следовал ухмыляющийся карлик с парой цимбал.

Впрочем, на странную процессию никто не обратил внимания, кроме меня.

— Фред?

— Да?

— Пока не забыл… если ты проснешься утром, когда я уже уйду, запомни: бекон лежит в нижнем правом ящике холодильника, а хлеб — в шкафу слева. Яйца сам увидишь. Угощайся.

— Спасибо. Я запомню.

— И еще…

Он наклонился ко мне и тихо произнес:

— Я много думал.

— Да?

— О твоих неприятностях.

— И что?

— Не знаю, как лучше это сказать… Но, как ты думаешь, тебя могут убить?

— Вполне возможно.

— Тогда — имей в виду, это только на случай крайней необходимости — у меня есть знакомые определенного типа. Если… Если возникнет необходимость, ради твоей безопасности, чтобы

какая-нибудь личность умерла раньше тебя, я бы хотел, чтобы ты запомнил номер моего телефона. Позвони, если возникнет нужда, назови имя и место, где этого человека можно найти. Попробую помочь. У меня есть парочка должников.

— Я… даже не знаю, что и сказать. Я вам благодарен. Надеюсь, мне не придется воспользоваться вашим предложением. Я не ожидал…

— Это самое малое, что я могу сделать, чтобы защитить капиталовложение твоего дяди Альберта.

— Вы знали о моем дяде Альберте? О его завещании? Вы никогда не упоминали…

— Знал о нем!.. Ал и я, мы учились вместе в Сорбонне. Потом мы продавали оружие в Африку и занимались всякими разными делами. Я профукал денежки, а он сберег свои и умножил их. Немного поэт, немного мерзавец. Такое впечатление, что это ваша семейная черта. Классические безумные ирландцы — все вы. О да, конечно, я знал Ала.

— А почему вы ничего мне не говорили тогда?

— Ты мог подумать, что таким образом я пытаюсь заставить тебя закончить университет. Это было бы нечестно, это означало бы вмешательство в право свободной личности на выбор.

Однако теперь у тебя возникли такие проблемы, что я вынужден сказать тебе правду.

— Но…

— Достаточно! — воскликнул Мерими. — Да здравствует веселье!

Карлик изо всех сил ударил в цимбалы, а Мерими вытянул вперед руку. Кто-то протянул ему бутылку вина. Он откинул назад голову и сделал большой смачный глоток.

Ослик начал приплясывать.

Девушка с сонными глазами, сидевшая возле завешенной бусами двери, неожиданно вскочила на ноги, начала рвать на себе волосы, отдирать пуговицы от блузки, непрерывно выкрикивая при этом:

— Эвоэ! Эвоэ!

— Пока, Фред.

— Пока.

По крайней мере, я помню все именно так. Почти сразу после этого я погрузился в забвение, которое, как мне казалось, я мог потрогать рукавами.

Сон, который срывает с нас покровы забот, нашел меня позже в этом усыпанном пеплом и мусором месте, откуда все постепенно ушли. Я добрался до матраса в углу, устроился на нем

поудобнее и пожелал потолку спокойной ночи.

А затем…

В раковину бежала вода, мыльная пена у меня на лице, в руке бритва Мерими и сам я в зеркале, туман медленно расходится, и появляется вулкан Фуджи.

И оттуда, расположившись в самой сердцевине недавней тьмы, возникло то, что я искал, освобожденное некой магической силой.

ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ФРЕД?

ДА.

ХОРОШО.

МАШИНА ЗАПРОГРАММИРОВАНА ПРАВИЛЬНО. НАШИ ЦЕЛИ БУДУТ РЕАЛИЗОВАНЫ

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ НАШИ ЦЕЛИ?

ЕДИНСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕПЕРЬ БУДЕТ ДОСТАТОЧНО.

КАКОГО РОДА ТРАНСФОРМАЦИИ?

ПРОХОЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ МОБИЛЯТОР N-МЕРНОГО ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ.

ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ МАШИНЫ РЕННИУСА?

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.

ЧТО Я ДОЛЖЕН ПРОПУСТИТЬ ЧЕРЕЗ

НЕГО?

СЕБЯ САМОГО.

СЕБЯ?

ДА!

ПОЧЕМУ?

ЖИЗНЕННО
ВАЖНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ.

КАКОГО ВИДА?

ИНВЕРСИЯ, ЕСТЕСТВЕННО.

ЗАЧЕМ ИНВЕРТИРОВАТЬСЯ?

НЕОБХОДИМО. ВСЕ ТОГДА ВЕРНЕТСЯ К ПРАВИЛЬНОМУ ПОРЯДКУ.

ИНВЕРТИРОВАВ МЕНЯ?

ИМЕННО ТАК.

ЭТО МОЖЕТ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ МОЕГО ЗДОРОВЬЯ?

НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МНОГИЕ ДРУГИЕ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ ТЫ ДЕЛАЕШЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

КАКИЕ У МЕНЯ ЕСТЬ ГАРАНТИИ В ЭТОМ?

Я – ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ

Я – ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ

Я
– ХХСПЕЙКУСПЕЙКУССПЕЙКУСПЕЙКУС

ХХХХХХХХХХХХХПЕЙКХХХУСПЕЙХХХХХ

НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ

ХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ

ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ФРЕД?

ДА, Я ЗДЕСЬ.

ТЫ ЭТО СДЕЛАЕШЬ?

ОДИН РАЗ СКВОЗЬ ЭТУ ШТУКУ И ВСЕ?

ПРАВИЛЬНО. ТОЛЬКО И ВСЕ.

ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?

А ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ, ЕСЛИ Я ПРОДЕЛАЮ ЭТО ДВАЖДЫ?

МНЕ МЕШАЕТ НЕВОЗМОЖНОСТЬ РЕШЕНИЯ В ОБЩЕМ ВИДЕ УРАВНЕНИЯ ПЯТОЙ СТЕПЕНИ.

ДАВАЙ КАК-НИБУДЬ ПОПРОЩЕ.

ЭТО БУДЕТ ОПАСНО ДЛЯ ТВОЕГО ЗДОРОВЬЯ.

НАСКОЛЬКО ОПАСНО?

СМЕРТЕЛЬНО.

Я НЕ УВЕРЕН, ЧТО МНЕ НРАВИТСЯ ЭТА ИДЕЯ.

НЕОБХОДИМО. ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЭТОГО ВСЕ ПРИДЕТ В НОРМУ.

А ТЫ УВЕРЕН, ЧТО ПОСЛЕ ЭТОГО ЧТО-НИБУДЬ ПРОЯСНИТСЯ И ПРИНЕСЕТ ПОРЯДОК В НАСТОЯЩЕЕ И БЕЗ ТОГО

ЗАПУТАННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ?
ТОГДА
ВСЕОООООООООООООООООООО
ОООО
ОООООООООООООООООООООО
ОООО
ОООООООООООООООООООООО
ОООО

Вот так оно и было, во всей полноте. Мгновенное воспроизведение — только оно заняло куда меньше времени, чем требуется на то, чтобы поднять руку с бритвой к щеке и проделать дорожку посреди мыльной пены. Мой безымянный собеседник вновь связался со мной и на этот раз обещал мне вполне определенный результат. Я начал напевать себе под нос. Даже не слишком надежные обещания все-таки лучше, чем полная неясность.

Закончив бриться, я сразу направился на кухню. Там было довольно тесно, в мойке лежала гора немытой посуды и сильно пахло карри. Я занялся приготовлением завтрака.

На нижней полке холодильника, поверх пачки с беконом, лежала записка: «Вспомни номер и то, когда по нему нужно звонить».

Поэтому я поджаривал себе яичницу и тосты, одновременно повторяя в уме цифры. Неожиданно, как раз в тот момент, когда я собрался позавтракать, на кухню вошел осел и уставился на меня.

— Кофе? — предложил я.

— Прекрати сейчас же!

— Что?

— Повторять цифры. Это ужасно раздражает.

— Какие еще цифры?

— Те, о которых ты думаешь. Они роятся, словно насекомые.

Я намазал джемом тост и откусил кусочек.

— Иди к дьяволу, — предложил я. — Моя терпимость к ослам-телепатам весьма ограничена, а то, о чем я думаю, касается только меня.

— Человеческий разум, мистер Кассиди, вообще мало привлекательное место. Могу тебя заверить, что я не вызывался добровольно заниматься прослушиванием твоего разума. Теперь уже очевидно, что тебе незнакомы самые элементарные нормы вежливости. Так что мне только остается извиниться.

— Жду не дождусь.

— Иди к дьяволу.

Я посмотрел на яичницу с беконом. Прошла

минута или даже две.

— Меня зовут Сибла, — представился осел.

Я решил, что меня это мало интересует, и продолжал есть.

— Я друг Рагмы и Чарва.

— Понятно, — отозвался я. — И они послали тебя, чтобы ты поковырялся в моем мозгу.

— Не совсем так. Мне было поручено охранять тебя до тех пор, пока ты не получишь сообщение и не начнешь действовать в соответствии с ним.

— И как ты собирался защищать меня?

— Ты должен оставаться незаметным и не привлекать ничьего внимания…

— Рядом с ослом, который следует за мной по пятам! Интересно, кто тебе давал задание?

— Мне известно, что в моем данном виде я привлекаю внимание. Я не успел объяснить: в мою задачу входит обеспечение твоего мысленного молчания. Как телепат я в состоянии заглушить твои мысли. На самом деле в этом не было особой необходимости — алкоголь притупил их в достаточной степени. Однако я нахожусь здесь, чтобы ты не выдал себя другому телепату раньше времени.

— Какому еще другому телепату?

— Будучи более откровенным чем того требует

ситуация, скажу, что и сам не знаю. На более высоком уровне было решено, что в этом деле может участвовать некий телепат. Меня послали сюда, чтобы блокировать твои мысли и не дать возможности враждебному телепату войти с тобой в контакт. Кроме того, в мою задачу входит определить личность и местонахождение этого индивида.

— Ну? Что произошло?

— Ничего. Ты напился и никто не пытался войти с тобой в контакт.

— Значит, предположение было неверным.

— Может быть. А может быть и нет.

Я снова принялся за еду. Между глотками я спросил:

— А каков твой уровень, или звание, или как там у вас это называется? Такое же, как у Рагмы и Чарва? Или выше?

— Ни то и ни другое, — ответил осел. — Я работаю фининспектором, с полной оплатой издержек. Меня привлекли к работе как единственного телепата, способного выполнить данную роль.

— Тебе запрещено сообщать мне какую-нибудь информацию?

— Мне предоставлено самому решать этот вопрос, руководствуясь соображениями здравого

смысла.

— Странно. Все в этом деле кажется мне каким-то иррациональным, начисто лишенным здравого смысла. Похоже, у них не было времени, чтобы полностью ввести тебя в курс дела.

— Верно. Была ужасная спешка. Приходилось учитывать, что потребуется время на путешествие и замену.

— Какую замену?

— Настоящего осла пришлось убирать.

— Угу.

— Я читаю твои мысли и не собираюсь отвечать на вопросы, на которые тебе не ответил Рагма.

— Ладно. Если твой здравый смысл и разум подсказывают тебе, что от меня следует скрыть информацию, жизненно важную для моей безопасности, тогда хотя бы прояви элементарную сообразительность, — я засунул последний кусок яичницы себе в рот. — Что это за поручение, о котором ты упоминал?

Осел отвел взгляд.

— Ты вроде бы упоминал о том, что собираешься сотрудничать со мной, не так ли?

— Да, но это было раньше, — ответил я.

— Однако ты отказался отправиться в другой мир, чтобы с тобой поработал телепат-аналитик.

— Ага.

— Мы подумали, что в таком случае ты можешь согласиться на подобную процедуру здесь.

Я отпил кофе.

— У тебя есть достаточная подготовка для подобных экспериментов?

— Практически любой телепат немного знает теорию, а кроме того, у меня колоссальный жизненный опыт по части телепатии…

— Но ты же фининспектор, — заметил я. — Не пытайся произвести впечатление на аборигенов — мы здесь не такие дураки, как ты думаешь.

— Ладно. У меня действительно нет необходимой подготовки. Однако, мне кажется, что я все равно смогу справиться с поставленной передо мной задачей. Да и другие разделяют мое мнение, иначе они бы ко мне не обратились.

— Кто «другие»?

— Ну… А, черт с ним! Чарв и Рагма.

— У меня такое чувство, что они начали действовать не по инструкции. Правильно?

— Агенты при выполнении подобных заданий обладают большой долей самостоятельности. Иначе и быть не может.

Я вздохнул и закурил сигарету.

— Сколько лет уже существует организация, на

которую ты работаешь? — спросил я. Заметив, что он колеблется, я добавил: — Ну какой может быть вред, если ты ответишь на этот вопрос?

— Пожалуй, никакого. Несколько тысяч… лет, по твоим меркам.

— Понятно. Другими словами, это одна из крупнейших и старейших бюрократических организаций.

— Я вижу, на что ты намекаешь, но…

— Все равно, дай мне закончить. В университете я изучал науку об управлении и знаю, что существует закон эволюции любых организаций — такой же обязательный и неизбежный, как и все остальное в жизни. Чем дольше существует такая организация, тем больше она рождает запрещений, которые замедляют ее нормальное функционирование. Она достигает энтропии в состоянии полного нарциссизма. Только люди, непосредственно занимающиеся конкретной работой, могут довести что-нибудь до конца — и всякий раз, когда им это удается, в процессе они нарушают с полдюжины дурацких правил.

— Не могу не согласиться с тем, что в твоей мысли есть много разумного, однако, в нашем случае…

— Твое появление здесь нарушает некое прави-

ло. Я это знаю. И мне не требуется читать в твоем разуме, чтобы понять: ты чувствуешь себя весьма неуверенно из-за этого. Разве не так?

— Мне не разрешается обсуждать политику и внутренние законы нашей организации.

— Естественно, — сказал я, — но я не мог не обратить на это твоего внимания. А теперь расскажи мне об аналитическом методе. Как он работает?

— Он напоминает простой ассоциативный словарный тест, с которым ты наверняка знаком. Разница заключается в том, что я это буду делать *изнутри*. Мне не потребуется гадать о твоих реакциях — я буду знать о них непосредственно.

— Из твоих слов следует, что ты не способен заглянуть прямо в мое подсознание.

— Это верно. Я не так хорош. Обычно я могу читать только поверхностные мысли. Однако, когда мне удается что-нибудь воспринять таким образом, я в силах уцепиться за мысль и проследить ее до самых корней.

— Ясно. Значит, с моей стороны потребуются ответные усилия?

— О да. Только настоящий профессионал смог бы сделать это против твоей воли.

— Мне повезло, что таких профессионалов не

оказалось в наличии.

— А вот я об этом жалею. Похоже, процедура не доставит мне никакого удовольствия.

Я допил свой кофе и налил новую чашку.

— Ты не возражаешь, если мы попробуем сделать это сегодня днем? — спросил Сибла.

— А почему не сейчас?

— Я бы хотел дождаться того момента, когда твоя нервная система придет в норму. Вторичные эффекты воздействия алкоголя еще сохранились, слишком много ты его поглотил вчера. Из-за этого сканирование в данный момент весьма затруднено.

— Алкоголь всегда оказывает такое воздействие?

— Как правило.

Я снова приложился к своей чашке с кофе.

— Опять ты этим занялся!

— Что такое?

— Цифры, снова и снова.

— Извини. Трудно от них избавиться.

— Нет, тут дело совсем в другом!

Я встал. Потянулся.

— Прошу меня извинить. Мне еще раз нужно воспользоваться туалетом.

Сибла попытался преградить мне дорогу, но я

оказался проворнее.

— Ты ведь не собираешься сбежать? Именно эти мысли ты пытаешься замаскировать?

— Я этого не говорил.

— И не нужно. Я почувствовал. Если ты сбежишь от меня, то совершишь большую ошибку.

Я продолжал двигаться к двери, и Сибла быстро повернулся, чтобы последовать за мной.

— Я не позволю тебе уйти — в особенности после тех унижений, которые я претерпел, чтобы добраться до этого отвратительного сгустка нервных окончаний!

— Очень приятно слышать! — возмутился я. — Особенно если учесть, что ты хочешь получить от меня услугу.

Я выскочил в коридор и юркнул в туалет. Сибла, стуча копытами, последовал за мной.

— Одолжение тебе делаем мы! Только вот ты слишком глуп, чтобы это понять!

— Правильнее было бы сказать «недостаточно информирован» — а это уж твоя вина!

Я захлопнул за собой дверь и закрыл ее на задвижку.

— Подожди! Послушай! Если ты сейчас отсюда уйдешь, у тебя могут быть серьезные неприятности!

Я рассмеялся:

— Извини. Уж очень сильно ты ко мне приставал.

Повернувшись к окну, я широко распахнул его.

— Ну и убирайся, темная ты обезьяна! Ты теряешь свой последний шанс стать цивилизованным человеком!

— Это что значит?

Тишина.

Немного погодя:

— Ничего. Извини. Ты должен понимать, что это важно.

— А я понимаю. Сейчас меня интересует почему.

— Я не могу тебе сказать.

— Тогда иди к дьяволу, — пожелал ему я.

— Я знал, что ты того не стоишь, — отозвался Сибла. — Я уже достаточно долго наблюдаю за твоей расой и давно понял, что вы из себя представляете настоящую банду варваров и дегенератов.

Я забрался на подоконник и на мгновение остановился, прикидывая расстояние.

— Умников тоже никто не любит, — сказал я Сибле на прощание и прыгнул.

7

Денис Векрот молчал. Иначе я убил бы его на месте. Он стоял, прижав ладони к стене у себя за спиной, а вокруг его правого глаза расползалось пунцовое пятно — через некоторое время глаз распухнет и станет малиновым. Я вырвал телефон из розетки и зашвырнул его в мусорную корзину, и теперь трубка беспомощно выглядывала наружу.

В руке я держал довольно любопытный листок бумаги, который сообщал мне, что «идиссаК мэгниннаК киредерФ» получил «молпиД ароткоД ииголопортнА».

Стараясь взять себя в руки, я засунул бумажку в конверт и приостановил рвущийся из самой глубины моей души поток непристойностей.

— Как? — вопил я. — Как вам удалось это сделать? Это… Это незаконно!

— Это совершенно законно, — тихо ответил Векрот. — Поверьте, все было сделано после консультации с адвокатом.

— Посмотрим, как будет выглядеть ваш адвокат в суде! — заявил я. — Я не начинал изучения

ни одного основного курса, не написал ни одной дипломной работы, я не сдавал никаких устных экзаменов, а также экзаменов по языку, и не получил никаких уведомлений. Ну-ка объясните мне, на каком основании я получил диплом.

— Во-первых, вас приняли в университет, — начал Векрот. — А это означает, что вы можете получить диплом.

— Могу. Но не обязан. Тут есть разница.

— Верно, но администрация решает кто должен получить диплом, а кто нет.

— Как вы это сделали? Собирали специальное заседание?

— По правде говоря, вы угадали. На том заседании было решено, что зачисление в университет в качестве студента дневного отделения включает в себя обязательность получения степени. Следовательно если все остальные факторы налицо.

— Я не закончил ни одного основного курса, — напомнил я Векроту.

— Когда речь идет о продвинутой степени, формальные требования становятся не такими жесткими.

— Но я ведь даже не получил звание бакалавра!

Векрот улыбнулся, подумал немного и стер улыбку с лица.

— Прочтите правила внимательно. Там нигде не говорится, что для получения звания доктора необходимо иметь степень бакалавра. «Соответствующего эквивалента» достаточно, чтобы выявить «достойного кандидата». Это все, конечно, слова, Фред, но администрация интерпретирует их по собственному усмотрению.

— Даже если это и так, в правилах записано, что для получения диплома необходима дипломная работа. Я сам читал.

— Да. Но ведь существует «Священная Земля: изучение ритуальных территорий», книга, которую вы выпустили в университете. Она вполне может быть засчитана за дипломную работу по антропологии.

— Я не представлял ее на факультет для оценки.

— Не представляли, однако редактор поинтересовался мнением доктора Лоренца. Среди прочего тот сказал, что ее вполне можно рассматривать в качестве дипломной работы.

— Когда вас вызовут в суд, мы с вами непременно обсудим этот вопрос, — пообещал я Векроту. — Продолжайте. Вы меня заинтересовали.

Ну-ка расскажите, как я сдал устные экзамены.

— Ну, — промолвил Векрот, не глядя мне в глаза, — преподаватели, которые вошли в экзаменационную комиссию, единогласно решили, что в вашем случае можно обойтись без устных экзаменов. Вы пробыли в университете так долго, а они все знают вас так хорошо, что это была бы пустая формальность. Кроме того, двое из них учились вместе с вами и чувствовали бы себя несколько неловко.

— Вот уж это точно. Давайте-ка я закончу сам. Главы языковых факультетов решили, что я изучал достаточное количество самых разнообразных курсов, и это дало им возможность подтвердить тот факт, что я умею читать. Верно?

— Ну, в общих чертах.

— Легче было вручить мне диплом доктора, чем бакалавра?

— Легче.

Мне ужасно захотелось снова как следует ему врезать, но это вряд ли что-нибудь изменило бы. И тогда я несколько раз с силой ударил кулаком по своей ладони.

— Почему? Теперь мне известно, как вы это сделали, однако главным является вопрос «почему». — Я начал расхаживать по комнате. — Я

платил этому университету деньги за образование в течение тринадцати лет — если все сложить, получится довольно кругленькая сумма — и ни разу не задержал платежей. У меня со всеми хорошие отношения: с преподавателями, администрацией, с другими студентами, ни разу не было никаких серьезных неприятностей, если не считать моей любви к крышам. Иными словами, я не поставил нашему университету ни одного синяка… Ой, извините. Я только хочу сказать, что был достойным покупателем вашего товара. И вдруг… Я на минутку отворачиваюсь, уезжаю ненадолго из города, а вы в этот момент принимаете решение выдать мне диплом!.. Неужели я заслуживаю подобного обращения после стольких лет, проведенных в стенах этого заведения? Я считаю, что с вашей стороны это просто отвратительно, и требую объяснений. Ну, давайте мне объяснения. Немедленно! Вы что, и вправду так сильно меня ненавидите?

— Чувства тут ни при чем, — ответил Векслер и медленно поднял руку, чтобы пощупать лицо. — Я говорил, что хочу убрать вас отсюда, потому что не одобряю вашего отношения к жизни и мне не нравится ваше поведение. Так оно и есть. Но в данном случае я тут ни при чем. Если по правде,

я даже был против. Однако на нас… ну… оказали давление.

— Какого рода давление?

— Не думаю, что мне следует об этом говорить..

Векслрот отвернулся.

— Очень даже следует, — прорычал я. — Правда. Расскажите.

— Ну, университет получает приличные деньги от правительства. Стипендии, исследовательские контракты…

— Знаю. И что?

— Как правило, государственные органы не вмешиваются в наши дела.

— Так и должно быть.

— Тем не менее иногда они используют свой вес. Когда это происходит, мы обычно прислушиваемся к их совету.

— Вы что, хотите сказать, что я получил диплом по просьбе правительства?

— В некотором смысле да.

— Не верю. Они просто не делают подобных вещей.

Векслрот пожал плечами, а потом повернулся и посмотрел на меня.

— Были времена, когда и я так бы сказал, — про-

говорил он, — теперь я знаю, что это не так.

— А зачем им это надо было?

— Не имею ни малейшего представления. Мне сказали, что просьба правительства имеет под собой секретные основания. Кроме того, мне сообщили, что дело очень срочное, нам несколько раз повторили слово «безопасность». Больше нам ничего не известно.

Я перестал ходить. Засунул руки в карманы. Вытащил их снова. Нашел сигарету и закурил, у нее был какой-то забавный вкус. Впрочем, последнее время такой вкус у всего.

— Человек по имени Надлер, — продолжал Векслрот, — Теодор Надлер. Он работает в государственном департаменте. Именно он связался с нами и предложил… устроить это дело.

— Понятно, — сказал я. — Это ему вы собирались звонить, когда я уничтожил предмет, по которому вы могли это сделать?

— Да.

Векслрот посмотрел на свой стол, подошел к нему, взял трубку и кисет.

— Да, — повторил он, набивая трубку табаком. — Надлер просил меня позвонить, если я вас увижу. Поскольку вы позаботились о том, что я не могу этого сделать прямо сейчас, я бы

посоветовал вам связаться с ним, если вы хотите получить подробные разъяснения.

Он засунул трубку в рот, наклонился вперед и написал номер в блокноте. Вырвал листок и отдал его мне.

Я взял листок, посмотрел на перевернутые цифры и засунул бумажку в карман.

Векрот поднес спичку к своей трубке.

— И вам не известно, чего ему от меня надо? — спросил я.

Векрот поставил стул на место и уселся.

— Не имею ни малейшего понятия.

— Ладно, после того как я врезал вам, мне немного полегчало. Увидимся в суде.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь когда-нибудь подавал в суд на университет за то, что ему выдали диплом, — сказал Векрот. — Любопытный будет процесс. А пока должен заметить: меня радует тот факт, что вашему безделью пришел конец.

— Поберегите свой восторг для другого случая, — сказал я. — Я еще с вами не закончил.

— Вы и Летучий Голландец, — пробормотал он, как раз перед тем как я захлопнул дверь.

Я спустился в аллею, прошел квартал и завер-

нул за угол недалеко от дома Мерими. Несколько минут спустя я уже сидел в такси и направлялся в противоположную от центра города сторону. Вышел возле магазина одежды и купил себе пальто. Было холодно, а я оставил свою куртку у Мерими.

Я решил посетить выставочный зал. У меня было полно свободного времени, и я хотел проверить, следит за мной кто-нибудь или нет.

Я провел около часа в большой комнате, где находилась машина Ренниуса. Интересно, сообщалось ли о моем предыдущем визите в утренних новостях?.. Впрочем, какая разница. Я постарался запомнить, в каком направлении двигаются посетители, где находятся охранники — сегодня их было четверо, а раньше только двое. Прикинул расстояния до входов, короче говоря, мне кажется, я ничего, не упустил. Не знаю, поставили ли они снова решетку с внешней стороны верхних окон, но, по правде говоря, это не имело существенного значения. Я не собирался повторять свой трюк. Теперь мне нужно было придумать что-то новенькое.

Размышляя, я направился на поиски бутерброда с пивом; последнее предназначалось для телепатов, если бы они появились по соседству.

Разыскивая пиво, я все время смотрел по сторонам и решил, что в данный момент за мной никто не следит. Нашел подходящий бар, зашел туда, сделал заказ, уселся поудобнее и принялся за еду.

Идея пришла мне в голову одновременно с порывом холодного ветра, который впустил в бар очередной посетитель. Я немедленно отбросил ее и продолжал есть. Однако ничего лучшего мне в голову не приходило.

Поэтому я оживил ту идею, почистил немного и рассмотрел со всех сторон. Нельзя сказать, что это была такая уж находка, хотя не исключено, что что-нибудь и получится. Я еще раз все обдумал, а потом сообразил, что дело может сорваться из-за какого-нибудь побочного эффекта в самом процессе. С трудом справившись с охватившим меня раздражением, я вернулся к началу и стал все обдумывать снова. Моя идея балансировала на грани абсурда, приходилось думать о таких дурацких мелочах…

Я направился на автобусную станцию, купил билет до дома и спрятал его в кармане пальто. Потом приобрел журнал и жевательную резинку, попросил сложить их в сумку, выбросил журнал, резинку засунул в рот, а сумку оставил себе. Потом вошел в банк и разменял все свои деньги

на однодолларовые купюры, которые запихнул в сумку — всего их получилось сто пятнадцать штук.

Добравшись до района, в котором располагался выставочный зал, я нашел ресторан, где пальто принимали в гардероб, оставил его там и снова выскользнул на улицу. Кусочком жевательной резинки приклеил номерок от пальто к внутренней стороне скамейки, на которой посидел некоторое время. Затем выкурил последнюю сигарету и направился в выставочный зал, держа в одной руке сумку с деньгами, а в другой одну купюру.

Оказавшись внутри зала, я замедлил шаги, дожидаясь момента, когда толпа достигнет подходящей плотности и распределится так, как мне было необходимо, припоминая, что я чувствовал, когда открывались и закрывались входные двери. Потом выбрал для себя место и стал пробиваться в нужную сторону. К этому времени я уже порвал сумку с одного бока и крепко держал ее в руках.

Прошло примерно минут пять, и я понял, что ситуация как нельзя лучше подходит для моих целей: толпа была достаточно большой, а охранники находились на приличном от меня

расстоянии. Я прислушивался к обычным разговорам типа: «А что же она все-таки делает?» и «Никто не знает», иногда доносился голос: «Это что-то вроде преобразователя. Его сейчас изучают». Вдруг я почувствовал сильный сквозняк, а рядом со мной возник громадный детина.

Я пихнул его в бок локтем и немного подтолкнул вперед. Он же, в свою очередь, одарил меня несколькими примерами средне-английского диалекта — принято считать, что эти слова англо-саксонского происхождения — и сильным пинком.

Я несколько преувеличил свою реакцию, отшатнулся, налетел еще на какого-то человека, приняв меры к тому, чтобы сумка взлетела у меня над головой. Она, естественно, разорвалась.

— Мои деньги! — завопил я, бросившись прямо к охранникам. — Мои деньги!

Я проигнорировал шум, крики и волнение, поднявшиеся у меня за спиной. Мне удалось запустить сигнализацию, но в тот момент это не имело никакого значения. Я уже был на платформе и мчался в ту сторону, где резиновая лента входила в центральный прибор. Я очень рассчитывал на то, что она выдержит мой вес.

Услышав вопли: «Спускайтесь оттуда!», я про-

кричал несколько раз: «Мои деньги!» и бросился животом на ленту, старательно делая вид, что пытаюсь схватить купюру. Меня затянуло в мобилятор.

По мере продвижения через прибор я почувствовал слабое покалывание по всему телу и на короткое время словно ослеп. Правда, это не помешало мне развернуть долларовую купюру, которую я держал в руке. Так что я появился с другой стороны прибора, высоко держа ее над головой, немедленно скатился с ленты и, несмотря на легкое головокружение, соскочил с платформы и метнулся к толпе, изображая при этом, что я пытаюсь догнать разбежавшиеся от меня в разные стороны деньги. Впрочем, никаких денег особенно видно не было.

— Мои деньги… — пробормотал я, перелез через ограждение и опустился на четвереньки.

— Вот, возьмите, — проговорил какой-то честный гражданин и сунул мне в лицо несколько скомканных купюр.

НИДО, еще НИДО, несколько бумажек вернулись ко мне. К счастью, обдумывая предприятие, я заранее подготовил себя к этому эффекту, так что мое измененное зеркально лицо не выказало никакого удивления, когда я поднялся на ноги и

начал благодарить добропорядочных посетителей выставочного зала. Единственная купюра, которая казалась мне совершенно нормальной, была та, что составила мне компанию в машине Ренниуса.

— Вы прошли сквозь эту штуку? — спросил меня какой-то мужчина.

— Нет. Я обошел ее сзади.

— А мне показалось, что вы проехали прямо сквозь нее.

— Ничего подобного.

Принимая деньги и делая вид, что пытаюсь отыскать остальные, я внимательно осмотрел зал. Менее честные граждане с моими купюрами в карманах направлялись в сторону выхода, который теперь находился с противоположной стороны по сравнению с тем, где он был раньше. К этому я тоже постарался подготовить себя заранее — во всяком случае интеллектуально. Однако теперь меня посетили сомнения. Было очень трудно сосредоточиться: весь зал развернуло наоборот. Тем, кто хотел уйти, никто не мешал, потому что все охранники были заняты: два застряли в толпе, а двое других собирали купюры. Возможно, мне следовало воспользоваться поднявшейся суматохой и сбежать отсюда?

Сначала я планировал провернуть дело прямо на глазах у охраны и посетителей, решив, что лучше всего будет держаться с властями и любопытными зеваками как можно нахальнее, вопить что есть мочи про свои украденные денежки и продолжать настаивать на том, что на самом деле я обошел вокруг машины, а не влезал в нее. Я знал, что сумею настоять на своем — меня не должны были задержать. В конце концов, я не совершил никаких криминальных действий, а кроме того, теперь никто не мог отнять назад мое превращение.

Впрочем, мне не пришлось особенно буянить. Один из охранников выключил сигнал тревоги, а другой начал кричать, чтобы никто не уносил с собой деньги, найденные в зале. Потом двое снова вернулись к дверям, а тот, что надрывался насчет моих денег, отыскал меня глазами и прокричал:

— С вами все в порядке?

— Да, — ответил я, — со мной все в порядке. Но мои деньги…

— Мы их сейчас соберем! Сейчас соберем!

Он пробрался ко мне через толпу и положил руку мне на плечо. Я поспешно засунул в карман ту купюру, которая казалась нормальной.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Конечно. Но у меня не…

— Мы постараемся собрать все ваши деньги, — сказал он. — Вы прошли сквозь центральную часть машины?

— Нет, — заверил я охранника. — Мимо пролетала купюра, и я за ней погнался.

— А мне показалось, что вы прошли через центральный прибор.

— Он обошел вокруг машины, — сообщил тот человек, с которым я несколько секунд назад поделился этими сведениями. Он выручил, да благословит его Бог, в самый нужный момент, словно все это время сидел у меня на колене с моноклем в одном глазу.

— Да, — сказал я.

— А, понятно. Вы не перенесли шока или чего-нибудь подобного?

— Нет, и я сумел поймать свой доллар.

— Хорошо, — охранник вздохнул. — Рад, что нам не придется составлять рапорт об этом инциденте. Что все-таки произошло?

— Меня толкнул какой-то парень, и моя сумка порвалась. Там была утренняя выручка. Мой босс вычтет ее у меня из зарплаты, если…

— Давайте посмотрим, сколько удалось собрать.

Так мы и сделали, и я получил обратно девяносто семь долларов — вполне достаточно, чтобы помянуть добрым словом своих сограждан и сказать «спасибо» судьбе, которая помогла мне провести свой корабль через опасные рифы. Оставив фальшивое имя и фальшивый адрес на случай, если кто-нибудь захочет вернуть мне деньги, я поблагодарил всех несколько раз, извинился за причиненное беспокойство и был таков.

Движение, как я немедленно заметил, шло в противоположных направлениях. Что ж, это я как-нибудь переживу. Рекламные надписи на окнах были написаны задом наперед. Ничего, с этим я тоже справлюсь.

Я направился к скамейке, где был спрятан номерок от моего пальто. Пройдя с десяток шагов, я остановился как вкопанный.

Наверное, я пошел не туда, поскольку был уверен, что иду в нужном направлении.

Мне пришлось постоять некоторое время на месте, пытаясь представить себе весь город в зеркальном отображении. Это оказалось гораздо труднее, чем я думал. Мой бутерброд с мясом и пиво поменялись в животе местами и начали бурно протестовать — мне захотелось ухватиться

за что-нибудь и просто постоять, не шевелясь. Я постарался расставить все по местам, точнее, так, как я считал правильным, и повернулся. Да. Стало немного лучше. Хитрость состояла в том, чтобы двигаться от одной приметной точки к другой, делая вид, что бреешься. Представлять себе, что смотришь в зеркало. «Интересно, — подумал я, — дантист, оказавшись на моем месте, лучше бы справился с задачей, или его способности распространяются только на полость рта?» Ладно, не имеет значения. Я сообразил, где находилась скамейка.

Присел на скамейку, запаниковал было, когда не обнаружил номерка на месте, но потом вспомнил, что он должен находиться на противоположной стороне. Да. Все в порядке…

Конечно, я оставил номерок здесь для того, чтобы он не отобразился и у меня не возникло бы трудностей при получении пальто. А пальто я сдал для того, чтобы не отобразился билет в кармане.

Я мысленно наметил маршрут и направился к ресторану. К тому, что он находится на противоположной стороне улицы, я сумел подготовиться, но у дверей завозился в поисках ручки, которая, естественно, оказалась не с той стороны.

Девушка быстро принесла пальто, однако когда я собрался уходить, она заявила:

— Сегодня, кажется, не первое апреля.

— Что?

Она помахала у меня перед носом купюрой. Так как у меня не было мелочи, я решил оставить ей доллар на чай. И сообразил, что отдал ей тот единственный доллар, который мне казался нормальным — тот самый, что прошел вместе со мной через мобилятор.

— Ой, — воскликнул я, улыбнувшись, — этот я приберегал для вечеринки. Вот, давайте поменяемся.

Я отдал ей купюру, на которой было написано «НИДО», и она решила, что ей тоже стоит улыбнуться.

— Он был так похож на настоящий. Я даже не сразу поняла, в чем тут дело.

— Да, отличная шутка.

Я остановился, чтобы купить пачку сигарет, а потом отправился на поиски автобусной остановки. Учитывая, что до отхода автобуса оставалось еще довольно много времени, я решил, что надо принять лекарство против телепатов, — зайдя в скромный бар, заказал себе кружку пива.

Вкус у него был какой-то странный. Не то чтобы

плохой. Просто совсем другой. Я прочитал название марки справа налево и на всякий случай уточнил, что именно я пью у бармена. Он подтвердил правильность моего обратного чтения. Тогда я пожал плечами и принялся пить. Постепенно мне начал нравиться этот новый вкус.

Когда немного позже я закурил сигарету, у нее тоже оказался незнакомый мне вкус. Сначала я отнес это к непривычному привкусу пива. Затем у меня появилась смутная догадка, и я, подозвав бармена, попросил налить мне виски.

У него оказался богатый, дымный вкус, не имеющий ничего общего с тем, что мне доводилось пробовать ранее из бутылок с такими же этикетками. Или с любыми другими, если быть до конца честным.

Потом у меня в голове вдруг возникли воспоминания о двухлетнем курсе органической химии. Все аминокислоты, за исключением глицина, были левосторонними, в соответствии с направлением спиралей протеинов. То же самое и с нуклеидами — в соответствии с направлением витков спирали нуклеиновой кислоты. Но так было до моего превращения. Я принялся отчаянно размышлять о пространственных изомерах и питании. Кажется, организм иногда воспринима-

ет некоторые вещества только левосторонними и отвергает те же вещества с противоположным направлением спирали. Однако в других случаях организм воспринимает и то, и другое, хотя в одном случае пищеварение может занять больше времени, чем в другом. Я постарался вспомнить что-нибудь определенное. Мое пиво и виски содержали этиловый спирт… Ладно. Молекула симметрична, два атома водорода отходят от центрального атома углерода. Значит, отображенный или не отображенный, я все равно смогу напиться. Тогда почему так изменился вкус? Ответ: сложные несимметричные эфиры, которые по-разному воздействуют на вкусовые рецепторы. Мое обоняние, наверное, тоже играло в обратные игры с сигаретным дымом. Я решил, что, вернувшись домой, должен буду как можно быстрее разобраться во многих вещах. Поскольку я не знал, как долго мне суждено оставаться Spiegelmensch[7], следовало позаботиться о том, чтобы не помереть с голоду, если такая опасность существовала.

Я допил свое пиво. Во время длинной автобусной поездки у меня будет возможность более

---

7 Примечания: 7
Зеркальный человек (нем.)

подробно поразмыслить над этим явлением. Пока же я посчитал, что разумно побродить немного по городу и проверить, не следят ли за мной какие-нибудь подозрительные личности.

Я вышел из бара и болтался по улицам минут пятнадцать или двадцать, но так и не сумел заметить никого, кто проявлял бы повышенный интерес к моей персоне. Тогда я направился на остановку, чтобы успеть на стереоизомерный автобус.

Когда мы медленно и сонно проезжали через пригородную зону, я позволил всем возникшим у меня неприятностям пройти торжественным маршем по улицам моего сознания, пытаясь вызволить мечущиеся в отчаянном танце мысли из-за прутьев бесконечных решеток и не слыша ничего, кроме громоподобного грохота клоунских барабанов у себя в висках. Я выполнил порученное мне дело. Порученное кем? Ну, он сказал, что является записью, однако, кроме того, он еще снабдил меня в самый нужный момент Статьей 7224, Раздел С — а всякий, кто приходит ко мне на помощь, автоматически оказывается на стороне ангелов, до тех пор, пока ситуация не изменится.

Может, стоит напиться еще раз для получения дополнительных инструкций? Или он собирает-

ся войти со мной в контакт каким-нибудь иным способом? Такой способ обязательно должен существовать. Еще он сказал, что моя помощь в этой истории обязательно приведет к тому, что все исправится. Ладно, принимаю. Поверив ему, я согласился на зеркальное отображение. Все остальные хотели получить от меня то, чем я не располагал, и не предлагали ничего взамен.

Может быть, если я засну, он обратится ко мне с новым сообщением? Или у меня в крови содержится недостаточно алкоголя? Да и какая тут вообще связь с алкоголем? Если верить тому, что говорил Сибла, алкоголь действует скорее как демпфер, а не усилитель телепатической связи. Почему же тогда мой собеседник выходил на связь в те моменты, когда интоксикация моего организма алкоголем была наиболее высокой? Тут мне пришло в голову, что, если бы не очевидное влияние на все дальнейшие события Статьи 7224, Раздел С, я бы никогда не узнал наверняка, что наша связь с ним не обычные пьяные галлюцинации; возможно, я вообще посчитал бы все эти штучки изощренным стремлением к самоубийству. Нет, тут должно крыться какое-то другое объяснение. Даже Чарв и Рагма заподозрили, что у меня есть сообщник, обладающий

телепатическими способностями.

Меня преследовало некое нетерпение, мне казалось, что нужно действовать как можно быстрее, пока инопланетяне не поняли, что происходит — в чем бы это ни заключалось. Я был уверен, что они не одобрят мои действия и, скорее всего, попытаются помешать.

Сколько же их всего — тех, кто преследует меня или просто за мной наблюдает? Где Зимейстер и Баклер? Что собираются делать Чарв и Рагма? Кто тот человек в темном пальто, которого заметил Мерими? Что хотел от меня представитель госдепа?

Так как ответов на все эти вопросы у меня не было, я посвятил свое время планированию дальнейших действий в расчете на то, что события будут развиваться наихудшим для меня образом. По очевидным причинам домой возвращаться не следует. К Халу идти тоже слишком рискованно, учитывая все, что он мне рассказывал. А вот Ральф Уарп вполне может приютить меня на время, сохранив это в секрете от всех. В конце концов, я владел половиной антикварного магазина «Вуф и Уарп» и не раз ночевал там в задней комнате. Да, именно туда я и отправлюсь.

Похожие на «Стейнвей», призрачные воспоми-

нания рухнули с огромной высоты и погребли меня под своими обломками. Надеясь вспомнить еще что-нибудь, я даже не сопротивлялся. Однако когда я задремал на своем сиденье, награды в виде нового сообщения не последовало. Более того, мне привиделся кошмар.

Мне снилось, что я снова лежу под ослепительным солнцем, а мое вспотевшее обожженное тело мучительно болит, постепенно превращаясь в изюмину. Страдания достигли пика, а потом медленно отдалились и исчезли. Теперь я сидел на айсберге, зубы выбивали дробь, конечности онемели. Потом и это тоже прошло, и мое тело от макушки до самых пяток начало конвульсивно дергаться. И тут я испугался. Затем разозлился. Почувствовал восторг. Раздражение. Отчаяние. Шлепая босыми ногами, мою душу посетили все виды ощущений, одетых в причудливые одежды, сути которых я не смог понять. Это был не сон…

— Мистер, с вами все в порядке?

Мне на плечо легла чья-то рука — она протянулась ко мне из реальности или из сна?

— С вами все в порядке?

Я вздрогнул. Провел рукой по лбу. Он был мокрым.

— Да, — ответил я. — Спасибо.

Посмотрел. Пожилой мужчина. Аккуратно одет. Наверное, едет навестить внуков.

— Я сидел от вас через проход, — объяснил он. — Мне показалось, что у вас был какой-то приступ.

Я протер глаза, пригладил волосы, дотронулся до подбородка и обнаружил, что он мокрый от слюны.

— Дурной сон, — сказал я. — Теперь все в порядке. Спасибо, что разбудили.

Мужчина смущенно улыбнулся, кивнул и вернулся на свое место.

Проклятье! Похоже, это какой-то побочный эффект преобразования.

Я закурил сигарету, у которой был странный вкус, и взглянул на часы. Посмотрев на зеркально отображенный циферблат и сообразив, какое время показывают стрелки, я вспомнил, что мои часы редко идут правильно — так что, по всей вероятности, я проспал примерно полчаса.

Я стал смотреть в окно, наблюдая за пролетающими мимо милями, и вдруг понял, что мне страшно. А что, если все это чья-то отвратительная шутка, результат ошибки? После того, что произошло в автобусе, все мое существо наполнилось страхом из-за того, что, возможно, внутри

у меня произошли такие изменения, сути которых я не в состоянии понять. Машина Ренниуса могла нанести мне незаметный, непоправимый вред. Впрочем, думать сейчас об этом, пожалуй, поздновато.

Я с усилием прогнал сомнения в своем новом приятеле, который называл себя записью. Машина Ренниуса, несомненно, сможет все исправить, если возникнет необходимость. Нужно только найти кого-нибудь, кто знает, как она работает.

Я сидел довольно долго, надеясь получить ответы на все мучившие меня вопросы. Однако, так ничего и не дождавшись, задремал. На этот раз я провалился в нечто большое, темное и мирное, как и полагается, без всяких там глупостей и angst[8]; проспал до ночи и до самой своей остановки.

Почувствовав себя на удивление отдохнувшим, я ступил на знакомый тротуар и, перечертив карту окружающего меня мира, прошел мимо стоянки машин, по аллее, вдоль четырех кварталов закрытых магазинов. Убедившись в том, что за мной не следят, я вошел в открытое кафе и съел ужин, у которого был непривычный вкус.

---

8 Примечания: 8
Волнение (нем.)

Это место напомнило давно не мытую, жирную ложку, а вот еда была просто восхитительной. Я проглотил два фирменных гамбургера и огромную порцию картошки фри — не задумываясь, сумеет ли мой организм усвоить эти продукты. Вялый листик салата и несколько долек перезрелого помидора завершили трапезу. Вкуснее я ничего в жизни не ел. Если не считать молочного коктейля, который пришлось оставить — пить его было совершенно невозможно.

Я вышел из кафе и решил прогуляться. Идти было довольно далеко, но я не особенно спешил, успел отдохнуть, а моя задняя часть уже вполне насладилась средствами общественного транспорта. Почти целый час я добирался до магазина «Вуф и Уарп», слава Богу, ночь прекрасно подходила для прогулок.

Магазин был, естественно, закрыт, однако наверху, в квартире Ральфа, горел свет. Я обошел здание сзади, влез наверх по водосточной трубе и заглянул в окно. Ральф сидел с книгой в руках, и до меня донеслись тихие звуки струнного квартета. Хорошо. То, что он один, я хочу сказать. Терпеть не могу мешать людям.

Я постучал в стекло.

Ральф поднял голову, посмотрел на меня, встал

и подошел к окну.

Рама скользнула вверх.

— Привет, Фред. Заходи.

— Спасибо, Ральф. Как дела?

— Прекрасно. И в магазине все хорошо.

— Отлично.

Я забрался внутрь, закрыл окно, взял из его рук стакан с напитком, вкус которого узнать не удалось, хотя он походил на фруктовый сок — целый графин этого напитка стоял на столе. Мы сели и, должен признаться, здесь у меня не возникло никаких странных ощущений. Ральф так часто делает перестановки в своей квартире, что я никогда не могу запомнить, где у него что стоит. Мой компаньон — высокий, сухощавый человек с массой темных волос и плохой осанкой — прекрасно разбирается во всякого рода красивых вещах. Он даже преподает плетение корзин в университете.

— Ну, как тебе Австралия?

— Если не считать нескольких неприятных моментов, она могла бы мне понравиться.

— Каких неприятных моментов?

— Потом, все потом, — ответил я. — Может быть, в другой раз. Послушай, я не доставлю тебе слишком много хлопот, если попрошу устроить

меня на ночь в задней комнате?

— Если только ты не поссорился с Вуфом.

— Мы договорились, — сказал я. — Он спит, засунув нос под хвост, а я получаю одеяло.

— Когда ты ночевал здесь в прошлый раз, все получилось как раз наоборот.

— Именно поэтому мы и заключили договор.

— Ладно, посмотрим… Ты только что вернулся в город?

— Ну… да и нет.

Ральф обхватил руками колено и улыбнулся.

— Меня восхищает непосредственность твоего отношения к жизни. Ты никогда не юлишь и не врешь.

— Меня часто неправильно понимают, — посетовал я. — Этот груз приходится нести честному человеку в мире мошенников. Да, я только что вернулся в город, но не из Австралии. Из Австралии я вернулся несколько дней назад, потом уехал, а теперь снова оказался здесь. Нет, я не вернулся только что из Австралии. Ты понял?

Ральф покачал головой:

— У тебя такой простой, почти классический стиль жизни… Ну, что стряслось на сей раз? Оскорбленный муж? Безумный террорист? Кредиторы?

— Ничего подобного, — ответил я.

— Хуже? Или лучше?

— Сложнее. А что слышал ты?

— Ничего. Мне звонил твой куратор.

— Когда?

— Около недели назад. И сегодня утром.

— Чего он хотел?

— Хотел узнать, где ты находишься и нет ли у меня каких-нибудь известий. Я дважды ответил отрицательно. Он сказал, что ко мне зайдет один человек, чтобы задать несколько вопросов. И что администрация университета была бы мне очень признательна за сотрудничество. С этого все началось. Тот человек и вправду объявился некоторое время спустя, задал мне те же вопросы и получил те же ответы.

— Его звали Надлер?

— Да. Из ФБР. Государственный департамент. По крайней мере, так было написано в его удостоверении личности. Он оставил мне номер телефона и велел позвонить, если ты объявишься.

— Не звони.

Ральф поморщился.

— Тебе не следовало это говорить.

— Извини.

Я немного послушал музыку.

— С тех пор он больше не появлялся, — добавил Ральф.

— А что хотел Векслрот сегодня утром?

— Его интересовали те же вопросы, а еще у него было сообщение.

— Для меня?

Он кивнул. Сделал глоток из своего бокала.

— В чем оно заключалось? — не утерпел я.

— Если ты свяжешься со мной, я должен сказать тебе, что ты закончил университет. Диплом можешь забрать у него в кабинете.

— Что?

Я вскочил на ноги, часть жидкости из бокала выплеснулось мне на рукав.

— Именно так он и сказал: «закончил».

— Они не вправе так со мной поступить!

Ральф приподнял плечи, а потом медленно опустил их.

— Может быть, он шутил? Он не показался тебе пьяным? Объяснил, как и почему?

— «Нет» на все вопросы, — ответил Ральф. — Он казался трезвым и серьезным. И даже повторил свое сообщение.

— Проклятье! — Я начал вышагивать по комнате. — Что они о себе думают? Нельзя же вот так просто взять и навязать человеку степень!

— Некоторые люди стремятся к этим степеням.

— У них нет замороженных дядюшек. Проклятье! Что же все-таки произошло? Не понимаю, как они умудрились это сделать. Я не дал им ни единого шанса. Как, черт возьми, они сумели это сделать?

— Я не знаю. Тебе придется спросить у него.

— И спрошу! Можешь не сомневаться, спрошу! Утром я первым делом навещу его и так ему врежу!

— Ты думаешь, это что-нибудь решит?

— Нет, но месть хорошо согласуется с моим классическим образом жизни.

Я уселся на стул и осушил свой бокал. А музыка все продолжалась и продолжалась.

Позднее, напомнив ирландскому сеттеру с озорными глазами, работающему ночным сторожем на первом этаже, о нашем договоре по поводу хвостов и одеял, я устроился в кровати в задней комнате. Там мне приснился удивительно сложный, полный символов сон.

Много лет назад я читал забавную маленькую книжечку «Сферляндия», написанную математиком по фамилии Бургер. Книжка была продолжением старого классического романа Эббота, который назывался «Флатляндия». В

произведении Бургера рассказывалось о том, как в двумерный мир обитателей Флатляндии явились существа из космического пространства и начали производить с местными жителями отображения. Породистые собаки и дворняжки оказались зеркальными отображениями друг друга, они были симметричными, но не конгруэнтными. Породистые собачки были куда более редкими, и маленькой девочке ужасно хотелось иметь такую. Ее отец договорился, что она получит щенка от дворняжки и породистой собаки, он надеялся, что щенок понравится девочке. Однако, хотя щенков родилось много, все они оказались натуральными дворняжками. Позднее к ним на помощь поспешил пришелец из космоса и превратил всех дворняжек в породистых собак, перевернув их в третьем измерении.

На меня, однако, не произвела особого впечатления геометрическая мораль этой истории, хотя она и была придумана довольно мастерски. Я все время пытался понять, как могли вступить в совокупление две симметричные, но не конгруэнтные собаки в двумерной плоскости. Единственная процедура, которую я сумел придумать, представляла из себя нечто вроде canis

observa[9] — и вся эта картинка вращалась в моем двумерном воображении. Позднее я использовал этот образ в качестве мандалы[10] во время медитации, когда начал заниматься йогой. Теперь он вернулся ко мне в залах сна, и я был окружен со всех сторон парами ужасно серьезных собак, возбужденно свивающихся друг с другом. Они вращались совершенно бесшумно, покусывая время от времени шею партнера. Потом подул ледяной ветер и собаки исчезли, а я остался один, замерзший и испуганный.

Проснувшись, я обнаружил, что Вуф спер одеяла и спит на них в углу возле печи для обжига глиняной посуды. Оскалившись, я направился к нему и отнял одеяла. Этот сукин сын попытался сделать вид, что произошло недоразумение, но я знал, что он просто прикидывается. Когда я посмотрел на Вуфа через несколько минут, то увидел лишь его грустный хвост среди пыльных глиняных горшков.

---

9 Примечания: 9
Собачья позиция (лат.)

10 Примечания: 10
Мандала — символ единения в философии Юнга

8

Они поджидали меня, чтобы что-то сказать или что-то сделать. Но ни сказать, ни сделать ничего не могли. Мы умрем и все тут.

Я выглянул в окно на пляж туда, где море выбрасывало на берег груды мусора, а потом затаскивало его обратно. Мне это напомнило о последних сутках, проведенных в Австралии. Только тогда появился Рагма и указал мне путь к спасению. В честных лабиринтах всегда есть выход. Но я не видел дверей в песке и, сколько ни старался, никак не мог убедить себя в том, что нахожусь в честном лабиринте.

— Ну, Фред? У тебя есть что-нибудь для нас? Или нам продолжать? Теперь все зависит от тебя.

Я бросил взгляд на Мэри, привязанную к стулу. Я старался не смотреть на ее испуганное лицо и глаза, но у меня ничего не вышло. Я вдруг понял, что больше не слышу тяжелого дыхания Хала, словно он приготовился к прыжку. Однако Джеми Баклер тоже это заметил и слегка повел дулом пистолета. Хал не стал прыгать.

— Мистер Зимейстер, — сказал я, — если бы

у меня был камень, я бы повязал его красивой ленточкой с бантиком и вручил вам. Если бы я знал, где он находится, я бы нашел его для вас или рассказал, как его найти. Я не хочу смотреть, как будут умирать Мэри и Хал. И не хочу умирать сам. Попросите меня о чем-нибудь другом, и вы это получите.

— А мне не надо ничего другого, — сказал Зимейстер и взялся за плоскогубцы.

Если мы будем смиренно дожидаться своей очереди, то умрем — после пыток. Даже если бы нам был известен ответ на вопрос, который их так интересует, нас бы все равно убили. В любом случае…

Значит, мы не будем просто стоять и смотреть, а попытаемся напасть на этих подонков — и тогда Мэри, Хал и я окажемся среди проигравших.

«Где бы вы ни были, кем бы вы ни были, — с отчаянием подумал я, — если вы можете сделать что-нибудь, сделайте это сейчас!»

Зимейстер взял Мэри за запястье и с силой приподнял ее руку. Когда он потянулся к ее пальцу плоскогубцами, Рождественский Призрак или кто-то из его приятелей появился в комнате у него за спиной.

Выскочив из Джефферсон-холла и бормоча

проклятья сквозь сжатые зубы, я решил, что следующим типом, которому я врежу в глаз, будет Теодор Надлер из государственного департамента. Однако, обходя вокруг фонтана и направляясь в сторону студенческого Союза, я вспомнил про свое обещание позвонить Халу. И решил сначала поговорить с ним, прежде чем воспользоваться телефоном, который мне дал Векслер.

Только сперва я выпил чашку кофе с пончиками. Именно сейчас, после тринадцати лет, проведенных здесь, я понял, что для того чтобы сделать пищу, которого они подают в Союзе, удобоваримой, потребовалось реверсировать в ней каждую молекулу — или во мне. За столиком в углу я заметил Джинни, и все мои благие намерения тут же улетучились. Я остановился и начал поворачиваться в ее сторону. Тут кто-то сдвинулся в сторону, и я увидел, что она сидит с парнем, которого я знаю. Я решил поговорить с ней в другой раз и вышел в вестибюль. Однако все телефоны оказались занятыми, поэтому я начал расхаживать взад-вперед, с чашкой кофе в руке. Шаг, еще шаг. Глоток, еще глоток.

У себя за спиной я услышал чей-то голос:

— Привет, Кассиди! Иди сюда, вот парень, о котором я тебе рассказывал!

Повернувшись, я увидел Рика Лидди, который имел ответы на все вопросы, кроме одного: что делать с дипломом, который он должен был получить в июне. С ним рядом была его более высокая копия, одетая в фирменную футболку Йельского университета.

— Фред, это мой брат Пол. Приехал навестить меня, — сказал он.

— Привет, Пол.

Я поставил чашку кофе на выступ в стене и начал протягивать ему левую руку. Вовремя опомнившись, я поменял ее на правую, чувствуя себя при этом полным идиотом.

— Он у нас вроде Вечного Жида, — продолжал рекламировать меня Рик, — или Дикого Охотника. Человек, который никогда не закончит университет. Персонаж бесчисленных баллад и куплетов: Фред Кассиди — Вечный Студент.

— Ты забыл упомянуть Летучего Голландца, — сказал я. — Увы, перед тобой — доктор Кассиди, черт побери!

Рик начал смеяться.

— Это правда, что вы любите лазать по ночам? — спросил Пол.

— Иногда, — ответил я, чувствуя, что между нами уже почти разверзлась громадная пропасть.

Проклятая овечья шкура начинает взимать свою дань. — Да, это правда.

— Вот здорово! — воскликнул Пол. — В самом деле здорово. Я всегда хотел познакомиться с настоящим Фредом Кассиди — лазателем.

— Боюсь, что ваша мечта сбылась, — проворчал я.

Тут кто-то повесил трубку, и я бросился к телефону.

— Прошу меня извинить.

— Конечно. До встречи, Фред. О, пардон… док.

— Было приятно познакомиться.

Набирая номер телефона Хала в обратном порядке, я чувствовал, как меня охватывает странная депрессия. Короткие гудки. Тогда я позвонил Надлеру. Девушка на другом конце провода попросила меня оставить номер, по которому со мной можно связаться, и предложила передать Надлеру мое сообщение. Я отказал ей по обоим пунктам. Потом снова набрал номер Хала. На этот раз я дозвонился, причем, как мне показалось, мой приятель схватил трубку еще до того, как отзвенел первый сигнал.

— Да? Алло?

— Ты что, бежал издалека? — поинтересовался я. — Отчего же ты запыхался?

— Фред! Черт возьми, наконец-то!

— Извини, что не позвонил раньше. Тут столько всего произошло…

— Я должен с тобой увидеться!

— Именно это я и собирался сделать.

— Где ты сейчас находишься?

— В студенческом Союзе.

— Там и оставайся. Нет! Подожди минутку.

Я ждал десять или пятнадцать секунд.

— Я пытаюсь придумать место, о котором ты помнишь, — сказал Хал. А потом добавил: — Послушай, если поймешь, о чем я говорю, не называй это место вслух. Около двух месяцев назад ты поспорил со студентом-медиком по имени Кен. Такой худой парень, всегда ужасно серьезный. Помнишь, где это было?

— Нет, не помню, — ответил я.

— Уж не знаю точно, о чем вы спорили, но закончился ваш разговор так: ты заявил, что доктор Ричард Джордан Гэтлинг сделал больше для развития современной хирургии, чем Халстед. Он спросил у тебя, какую новую технику разработал доктор Гэтлинг, а ты ответил ему, что Гэтлинг изобрел пулемет. Он сказал, что это не смешно, и ушел. А ты обозвал его ослом, который верит, что получит Святой Грааль, когда закончит уни-

верситет, а не диплом, дающий ему возможность помогать людям… Вспомнил, где все это происходило?

— Теперь да.

— Хорошо. Пожалуйста, отправляйся туда и подожди.

— Ладно. Все понял.

Хал повесил трубку, и я последовал его примеру. Странно. Разговор начал меня беспокоить. Хал сделал очевидную попытку скрыть место нашей встречи. Почему? От кого? И сколько их?

Я быстро ушел с территории Союза, потому что упомянул о нем в нашем разговоре. Через три квартала на север от студенческого городка я свернул в боковую улицу и прошел еще два квартала. Там был маленький книжный магазин, в который я любил заглядывать примерно раз в неделю, чтобы посмотреть на новые поступления. Мы часто ходили туда вместе с Халом.

Я провел в задней части магазина примерно полчаса, разглядывая перевернутые заголовки. Время от времени пытался прочитать страничку или две — просто для того, чтобы попрактиковаться в чтении новым для меня способом: а вдруг придется оставаться «перевернутым» еще достаточно долго. Первым предложением была

одна из «йенсеП ытчеМ анэмирреБ аножД», в которой я нашел странный личный намек:

зарбо йыньлакрез йовс юяногод Я
уродирок оп ясйишвачмУ
лоп тюалитсу икчосук иоМ

Я раздумывал, купить ли эту книгу, как вдруг почувствовал, что кто-то положил мне на плечо руку.

— Фред, пошли.

— Привет, Хал. Я как раз размышлял…

— Поторопись, — сказал он. — Пожалуйста. Я припарковал машину во втором ряду.

— Ладно.

Поставив книгу на место, я последовал за Халом. Увидел его машину, подошел к ней и забрался внутрь. Хал уселся на место водителя, и мы поехали. Он просто вел машину и ничего не говорил, а так как мне было очевидно, что он чем-то обеспокоен, я решил подождать до тех пор, пока мой приятель сам будет готов рассказать, что с ним произошло.

Я закурил и посмотрел в окно.

Прошло несколько минут, прежде чем мы выехали из узкой, забитой транспортом улочки туда, где движение было более спокойным. Толь-

ко после этого Хал прервал молчание.

— В той записке, которую ты мне оставил, говорилось, что у тебя возникла одна странная идея и ты хочешь ее проверить. Насколько я понимаю, это связано с камнем?

— И с теми безобразиями, что творятся вокруг нас, — ответил я. — Не сомневаюсь, что камень каким-то образом в этом тоже участвует. Я лишь не совсем понимаю как.

— Может быть, тогда тебе стоит рассказать все с самого начала?

— А как насчет твоего срочного дела?

— Сначала я хочу услышать о твоих приключениях. Хорошо?

— Договорились. Только скажи мне, куда мы едем.

— Сейчас мы просто покатаемся. Пожалуйста, начни с того момента, как ты ушел от меня — и до сегодняшнего дня.

Так я и сделал. Я говорил и говорил, здания пробегали мимо нас одно за другим, потом на обочине появилась трава, она становилась все выше, вслед за ней возник кустарник, редкие деревья, коровы, булыжники и даже зайцы. Хал слушал, кивал, иногда задавал вопросы. И продолжал вести машину.

— Значит, в данный момент для тебя все выглядит так, как если бы я вел машину не с той стороны? — спросил он.

— Да.

— Потрясающе.

Тут я заметил, что мы приближаемся к океану, мимо многочисленных летних коттеджей, обычно пустующих в это время года. Меня так заворожил собственный рассказ, что только сейчас я заметил, что мы едем уже больше часа.

— Так ты теперь новоиспеченный доктор?

— Да, похоже на то.

— Очень странно.

— Хал, ты тянешь время. В чем дело? Что ты от меня скрываешь?

— Посмотри на заднем сиденье, — ответил он.

— Ладно. Там как всегда полно всякого барахла. Тебе следует наводить время от времени порядок…

— В углу валяется куртка. Загляни внутрь.

Я взял куртку, положил ее себе на колени и развернул.

— Камень! Значит, все это время он был у тебя!

— Нет, — сказал Хал.

— Тогда где ты его нашел? Где он был?

Хал свернул на проселочную дорогу. Мимо про-

летела пара чаек.

— Посмотри, — предложил он мне. — Посмотри на него внимательно. Это ведь он, не так ли?

— Конечно, похож. Но я ведь его никогда не разглядывал.

— Он, он, — сказал Хал. — Можешь поверить, что я нашел его на самом дне багажника, который разобрал только сейчас? Придерживайся этой версии.

— Что это значит: «Придерживайся этой версии»?

— Я забрался в лабораторию Байлера сегодня ночью и взял камень с полки. Там их было несколько. Этот ничуть не хуже того, который Байлер нам дал. Ты ведь не можешь заметить разницы?

— Не могу, но я же не эксперт. Что происходит?

— Мэри похитили, — ответил Хал.

Я посмотрел на Хала. Его лицо ничего не выражало — я знал, что именно таким оно и должно было быть, если то, что он сказал, правда.

— Когда? Как?

— Мы с ней поссорились, и она отправилась к матери — как раз той ночью, когда ты ко мне заходил…

— Да, помню.

— Я собирался позвонить ей на следующий день и извиниться. Но чем больше я об этом думал, тем больше мне начинало казаться, что было бы намного лучше, если бы первой позвонила она. Я решил, что тогда я одержу над ней маленькую моральную победу. Поэтому стал ждать. Несколько раз я уже совсем было собрался набрать номер телефона ее матери, но в конце концов уговаривал себя подождать еще немного — надеясь, что позвонит она. Однако она так и не позвонила, и было уже довольно поздно. Слишком поздно на самом деле. Поэтому я решил подождать до утра. Так я и сделал. А утром позвонил ее матери. Выяснилось, что Мэри там нет, более того, ее там вообще не было. Она даже не разговаривала со своей матерью. Тогда я пришел к выводу, что Мэри решила проявить рассудительность. Наверное, ей не хотелось ничего рассказывать матери, она передумала туда ехать и переночевала у одной из своих подружек. Я начал их обзванивать. Ничего.

— Потом, между этими звонками, — продолжал Хал, — кто-то позвонил мне. Некий мужчина спросил, знаю ли я, где находится моя жена. В первый момент я подумал, что произошел какой-

нибудь несчастный случай, но он заявил, что с ней все в порядке, более того, что я смогу поговорить с ней через минуту. Ее задержали — на целый день, чтобы я начал волноваться. А теперь они скажут мне, что я должен сделать, если хочу увидеть свою жену целой и невредимой.

— Отдать им камень, естественно.

— Да. Он не поверил, когда я заявил, что у меня камня нет. Он заявил, что они дают мне один день, за который я должен найти камень, а потом они свяжутся со мной еще раз и объяснят, что я должен буду сделать с камнем. После этого мне дали поговорить с Мэри. Она сказала, что с ней все в порядке, но голос у нее был испуганным. Я обещал, что постараюсь найти камень. И стал искать. Я перевернул все у нас в доме. Потом отправился в твою квартиру. У меня еще оставался ключ.

— Там больше никто не провозглашал тостов за королеву?

— Нет, твои гости не оставили после себя никаких следов. Я самым тщательным образом обыскал квартиру. В конце концов я был вынужден сдаться. Камень просто исчез.

Хал замолчал. Мы продолжали ехать по узкой, извилистой дороге, иногда между деревьями

мелькало далекое море.

— Ну? — спросил я. — Что было дальше?

— Он позвонил мне на следующий день и спросил, нашел ли я камень. Я ответил, что нет. Тогда он заявил, что они убьют Мэри. Я попытался договориться с ним, обещал сделать все…

— Подожди. Ты что, не звонил в полицию?

Хал покачал головой:

— Этот тип предупредил меня, чтобы я этого не делал — еще когда мы разговаривали в первый раз. Если я свяжусь с полицией, заявил он, то больше никогда не увижу Мэри. Сначала я думал о том, чтобы связаться с полицейскими, но потом испугался. Если бы я позвонил в полицию, а этот тип об этом узнал бы… Я просто не мог рисковать. А что бы сделал ты на моем месте?

— Не знаю, — ответил я. — Продолжай.

— Он спросил у меня, знаю ли я, где сейчас находишься ты, и предположил, что ты, вероятно, смог бы помочь мне найти камень…

— Ха!.. Извини. Давай дальше.

— И опять мне пришлось повторять, что я ничего не знаю, но я сказал, что ты должен мне скоро позвонить. Тогда он заявил, что они дают мне еще один день на поиски камня или хотя бы тебя. А потом повесил трубку. Позднее мне при-

шла мысль о камнях в лаборатории Пола; может быть, они все еще там? И если я смогу добыть один из них, почему бы не попытаться выдать его за настоящий? Камни были хорошими копиями. Человек, который их сделал, однажды сам их перепутал. Ближе к вечеру я сумел вскрыть замок и забрался в лабораторию. Мной овладело такое отчаяние, что я был готов на все. На полке оставалось еще четыре штуки, и я взял тот, что ты сейчас держишь в руках. Привез его домой и стал ждать. Тот тип снова позвонил мне сегодня утром — как раз перед тобой, — и я поведал ему историю о том, что нашел камень на самом дне багажника своей машины. Мне показалось, что он остался доволен. Он даже разрешил мне еще раз поговорить с Мэри, а затем дал точные указания, куда отвезти камень, обещал, что мы встретимся и произведем обмен — им камень, а мне Мэри.

— Именно туда мы сейчас и направляемся?

— Да. Я не стал бы зря тебя в это втягивать, но у меня сложилось впечатление, что они считают тебя специалистом по камням — поэтому, когда ты позвонил, мне пришло в голову, что ты сможешь подтвердить мой рассказ и они не станут сомневаться в том, что я привез им именно ори-

гинал. Я не хотел вовлекать тебя, поверь; просто это вопрос жизни и смерти.

— Угу. Убьют нас всех.

— А зачем? Они получат то, что им нужно. К чему причинять нам вред?

— Мы свидетели.

— Чего? Да кто нам поверит? Нигде нет никаких записей, никаких доказательств того, что Мэри была задержана, вообще ничего. Зачем портить себе жизнь и нарушать status quo, убивая людей и вовлекая в дело полицейских?

— От этой истории дурно пахнет. У нас нет достаточной информации, чтобы делать выводы о том, что ими движет.

— А что мне еще оставалось делать? Позвонить в полицию и рискнуть жизнью Мэри?

— Я уже говорил. Не знаю. Но ты мог бы воздержаться от того, чтобы вовлекать в эту историю меня.

— Извини, я принимал решение на ходу и мог допустить ошибку. Но я же предупредил тебя об этом заранее. Я знаю, что должен был объясниться; именно это я сейчас и делаю. Мы еще не приехали на место. Я хотел предложить тебе выбор, когда закончу рассказывать. Теперь, когда ты все знаешь, выбор за тобой. Только учти, мне

нужно торопиться.

Он посмотрел на часы.

— Когда мы должны с ними встретиться? — спросил я.

— Примерно через полчаса.

— Где?

— В восьми милях отсюда, так мне кажется. Я еду, руководствуясь приметами, которые они мне дали. Потом мы должны будем припарковаться и ждать.

— Понятно. Ты конечно не узнал голос или что-нибудь в таком роде?

— Нет.

Я посмотрел на фальшивый камень, наполовину матовый или наполовину прозрачный, в зависимости от того, как на него посмотреть, очень гладкий, с тонкими молочными и красными прожилками внутри. Он чем-то напоминал ископаемую губку или кусок коралла, отполированный, как стекло, и сверкающий в узлах и гранях. Внутри были разбросаны крошечные черные и желтые точки. В длину камень составлял около семи дюймов, а в ширину дюйма три. И он оказался тяжелее, чем я думал.

— Красивая штука, — заметил я. — Ни за что не смог бы отличить один от другого. Да, я с тобой.

— Спасибо.

Мы проехали еще примерно восемь миль. Я смотрел по сторонам и пытался представить себе, что будет дальше.

Хал свернул на старую, заросшую травой колею — ее даже трудно было назвать дорогой — совсем недалеко от пляжа. Припарковал машину на границе с болотистой почвой так, что она оказалась со всех сторон закрыта деревьями. Потом мы вышли наружу, закурили и стали ждать.

С того места, где мы стояли, я слышал шум прибоя и чувствовал соленую влагу, которой был насыщен воздух. Почва была песчаной. Я поставил ногу на пенек и посмотрел на вонючие водоросли и тину, выброшенные прибоем на берег.

Несколько сигарет спустя, Хал снова посмотрел на часы.

— Они опаздывают.

Я пожал плечами:

— Вероятно, осматривают окрестности, чтобы убедиться в том, что мы здесь одни. Во всяком случае, я бы поступил именно так. И еще поставил бы своего человека у дороги.

— Да, похоже на правду, — согласился он. — Я уже устал стоять. Пойду посижу немного в ма-

шине.

Я повернулся, чтобы последовать его примеру, и увидел Джеми Баклера, который стоял за нашей машиной и смотрел на нас. Он казался безоружным, хотя в данной ситуации оружия ему и не требовалось — он знал, что мы выполним все его требования.

— Это вы мне звонили? — спросил, подходя к нему Хал.

— Да. Ты принес его с собой?

— С ней все в порядке?

— Да. Камень у тебя с собой?

Хал остановился и развернул камень. Положил его на свою куртку.

— Вот. Видишь?

— Угу. Ладно. Пошли.

— Куда?

— Недалеко. Повернись кругом и иди в том направлении. Там есть незаметная тропинка.

Мы пошли по указанной им дорожке. Джеми замыкал шествие. Извиваясь среди кустарника, тропа постепенно подводила нас к пляжу. Наконец показалось море, сегодня оно было серым с белыми барашками. Потом тропа повернула в другую сторону, и довольно скоро я увидел то место, куда мы направлялись. Низкий, островерхий,

устроившийся на склоне холма, с сорванными ставнями — пляжный домик, который видывал куда более спокойное море еще задолго до того, как я родился.

— В домик? — спросил Хал.

— В домик, — послышалось у нас из-за спины.

Мы стали подниматься по склону холма. Джеми обогнул нас по широкой дуге, подошел к двери и постучал — похоже, условным сигналом.

— Все в порядке. Это я. Он принес камень. И заодно привел с собой Кассиди, — сказал Джеми.

— Отлично, — донеслось изнутри, дверь открылась. Джеми повернулся к нам, кивком головы предложил нам войти и последовал за нами.

Я был не слишком удивлен, увидев Мортона Зимейстера за поцарапанным кухонным столом, на котором рядом с кофейной чашкой лежал пистолет. На противоположной стороне комнаты, за пределами территории кухни, в самом удобном кресле сидела Мэри, не очень туго к нему привязанная. Одна ее рука была свободна, а на столе рядом с ней стояла чашка кофе. В столовой со стороны кухни было два окна, и еще два в гостиной. На задней стене располагались две двери: одна, наверное, вела в спальню, а другая — в туалет или кладовку, решил я. Потолка как такового не

было, так что без труда можно было рассмотреть балки и много свободного пространства, там же наверху я увидел рыболовные снасти, сети, весла и прочее барахло. В комнате стоял старый диван, пара плетеных кресел, низкий столик и две лампы. И потухший камин, перед которым лежал выцветший ковер. В маленькой кухоньке была небольшая плита, холодильник, шкафы и черная кошка, которая сидела на дальнем от Зимейстера конце стола и тщательно вылизывала лапы.

Увидев нас, Зимейстер улыбнулся, и только когда Хал попытался подбежать к Мэри, поднял пистолет.

— Ну-ка вернись сюда, — сказал он. — Она в полном порядке.

— Это действительно так? — спросил у Мэри Хал.

— Да, — ответила она. — Они меня не трогали.

Мэри была миниатюрной, немного взбалмошной, со слишком заостренными, на мой вкус, чертами лица блондинкой. Я опасался, что к моменту нашего появления она будет в истерическом состоянии. Однако, если не считать вполне естественных следов усталости, Мэри, как мне показалось, сохраняла присутствие духа, чем меня изрядно удивила. Возможно, Хал сделал не

такой уж неудачный выбор. Я искренне за него порадовался.

Хал вернулся к столу, за которым сидел Зимейстер. Услышав звук задвигаемого засова, я обернулся и увидел, что Джеми стоит, привалившись спиной к запертой двери, и смотрит на нас.

Он расстегнул куртку; из-за пояса у него торчала рукоятка пистолета.

— Ну, давай сюда, — сказал Зимейстер.

Хал развернул куртку и протянул камень Зимейстеру. Тот отодвинул в сторону чашку с кофе и пистолет и внимательно посмотрел на камень. Потом несколько раз перевернул его. Кот поднялся, потянулся и соскочил со стола на пол.

Зимейстер откинулся на спинку стула, продолжая смотреть на камень.

— Вы ребята, наверное, неплохо потрудились… — начал он.

— По правде говоря, — заявил Хал, — мы…

Зимейстер со всей силы ударил ладонью по столу. Фаянсовая посуда громко задребезжала.

— Это подделка! — рявкнул Зимейстер.

— Это тот камень, который был у нас с самого, начала, — заговорил было я, но Хал вдруг отчаянно покраснел. Он всегда был паршивым игроком в покер.

— Я не понимаю, как вы можете говорить подобные вещи! — заорал Хал. — Я принес эту проклятую штуку! Она настоящая! Отпустите сейчас же Мэри!

Джеми отошел от двери и двинулся к Халу. В этот момент Зимейстер повернул голову и поднял глаза. Он слегка покачал головой, и Джеми сразу остановился.

— Я не такой дурак, — сказал Зимейстер, — вам не удастся всучить мне копию. Я знаю, что мне нужно, и вполне могу отличить настоящий камень от дубликата. Это, — он сделал небрежное движение в сторону камня, — не то, что мне нужно. И ты это знаешь не хуже меня. Хорошая попытка — вы достали просто отличную копию. Однако больше вам не удастся водить меня за нос. Где настоящий камень?

— Если это не он, — ответил Хал, — не знаю.

— А что скажешь ты, Фред?

— Это тот камень, который был у нас с самого начала, — заявил я. — Если он подделка, значит, настоящий никогда не попадал нам в руки.

— Ладно. — Зимейстер, не торопясь, поднялся на ноги. — Перейдем в гостиную, — предложил он, беря в руки пистолет.

Джеми на это вытащил свой, и нам ничего не

оставалось, как подчиниться.

— Я не знаю, сколько вы рассчитываете получить за него, — сказал Зимейстер, — или сколько вам за него предлагали. Может, вы уже успели его продать. В любом случае, вам придется рассказать мне, где камень находится сейчас и кто еще в это замешан. Однако прежде всего я хочу напомнить вам, что вряд ли вы сможете воспользоваться камнем после смерти.

— Вы делаете ошибку, — заявил Хал.

— Нет. Это вы сделали ошибку, и теперь пострадает невинный.

— То есть? — спросил Хал.

— Ну, разве не понятно, — ответил Зимейстер. — Встаньте-ха сюда, — а потом добавил, обращаясь к Джеми: — Пристрелишь их, если они вздумают хоть пальцем пошевелить.

Мы встали туда, куда он указал, напротив Мэри у стены. Зимейстер подошел к Мэри и устроился справа от нее. Джеми остался стоять слева от нее и навел на нас свой пистолет.

— Ну а ты, Фред? — спросил Зимейстер. — Не вспомнил ничего новенького после Австралии? Может, ты не все рассказал бедняге Халу — спаси его жену от… Ну…

Он вытащил из кармана плоскогубцы и поло-

жил их на стол рядом с кофейной чашкой Мэри. Хал повернулся и посмотрел на меня. Они все ждали, что я скажу что-нибудь или сделаю. Я выглянул в окно и подумал о дверях в песке.

Видение бесшумно вошло в гостиную из комнаты, дверь в которую находилась за спиной Зимейстера и Джеми. Должно быть, их насторожило выражение лица Хала, потому что я себя контролировал. Впрочем, это не имело особого значения, потому что оно заговорило еще до того, как голова Зимейстера начала поворачиваться в его сторону.

— Нет, — сказало видение. — Замрите! Брось пистолет, Джеми! Одно движение, Мортон, и ты превратишься в статую, вроде Генри Мура! Не двигайтесь!

Это был Пол Байлер, на исхудавшем лице которого появились новые морщины. Однако его рука с пистолетом сорок пятого калибра не дрожала.

Зимейстер очень выразительно застыл в неподвижности. Джеми явно находился в сомнениях, ожидая какого-нибудь знака от босса.

Я почти облегченно вздохнул. Из честного лабиринта всегда есть выход. Похоже, мы играли именно в такую игру, если только…

Катастрофа!

Масса лесок, удочек, поплавков и сетей заскрипела у нас над головами и свалилась прямо на Пола. Его рука чуть дернулась вниз — именно в этот момент Джеми решил не бросать свой пистолет. Он повернул его в сторону Пола.

Рефлексы, о которых я обычно забываю, когда нахожусь на земле, сами приняли решение, так что я тут оказался совершенно ни при чем. Однако, если бы мысль о том, чтобы броситься на человека с пистолетом, успела пройти дальше моего спинного мозга, я не думаю, что сделал бы это.

Тем не менее все должно кончиться хорошо, не так ли? В кино, во всяком случае, именно так и бывает.

Я прыгнул на Джеми, вытянув вперед руки.

Его рука на мгновение застыла в нерешительности, а потом он повернул пистолет в мою сторону и выстрелил практически в упор.

Моя грудь взорвалась, и мир исчез.

Вот вам и хороший конец!

9

Иногда бывает очень полезно остановиться и поразмышлять о тех преимуществах, которые можно извлечь из современной системы высшего образования.

Я полагаю, что их все можно сложить к ногам моего святого патрона, президента Гарварда Элиота. Именно он, еще в 1970 году, посчитал, что следует несколько ослабить строгость академических требований. Что и сделал, а уходя, забыл запереть за собой дверь. Почти тринадцать лет я каждый месяц возносил ему мою благодарность в тот наполненный приятными эмоциями момент, когда открывал конверт, в котором лежал чек. Элиот был тем человеком, который ввел систему свободного выбора курсов, пришедшую на смену жесткому набору обязательных предметов. И, как это часто бывает в таких случаях, результаты превзошли все ожидания. Нынешняя ситуация, в частности, позволяла мне спокойно оттачивать свой интеллект, не скучать и следовать за прихотливо мерцающими звездами ускользающего знания. Иными словами: если бы не он,

у меня, скорее всего, не было бы ни времени, ни возможности изучить весьма любопытные и поучительные привычки Orphys speculum и Cryptostylos leptochila, с которыми я познакомился на ботаническом семинаре.

Давайте посмотрим правде в глаза: я был обязан этому человеку многим — и тем, что мог вести столь замечательный образ жизни, и другими приятными моментами. И меня никак нельзя было назвать неблагодарным. Что же до того, что я не в силах отплатить ему добром за добро, ну что ж, тут я не в силах ничего изменить.

Кто такой Orphys? Или это она? И почему все обожают ее? А Cryptostylos?

Я рад, что вы спросили. В Алжире живет насекомое, похожее на осу, известное под именем Scolia cilata. Оно спит всю зиму в своем гнезде, устроенном в песке, а в марте пробуждается. Самка этого насекомого, что не является таким уж редким явлением среди перепончатокрылых, продолжает спать еще месяц. Самец, естественно, начинает испытывать беспокойство и направляет свой близорукий взгляд в другие дали. И вдруг!.. Что расцветает как раз в это время здесь, неподалеку? Конечно же, грациозная орхидея Orphys speculum, чьи цветы поразительно похожи на

тело самки заинтересовавшего нас насекомого. Остальное совсем не трудно предсказать. Именно таким образом происходит опыление орхидеи — самец осы летает от цветка к цветку и дарит их своим вниманием. Оукс Эймс назвал этот процесс псевдокопуляцией, симбиотической связью двух совершенно разных репродуктивных систем. Орхидея Cryptostylos leptochila точно так же и с той же целью соблазняет самца осы наездника, правда, она при этом достигает невероятных высот в своей изощренности, поскольку испускает точно такой же запах, что и самка соблазняемого ею наездника. Коварная. Восхитительная. В строго философском смысле можно говорить о разнообразных сторонах морали. Именно для этого и нужно образование. Если бы не мой дорогой окаменевший дядюшка и если бы не президент Элиот, я, вполне возможно, никогда не получил бы возможности испытать те чудесные ощущения, что озаряют своим светом состояние моей души.

Вот например, когда я лежал там, все еще не совсем понимая, где находится это «там», я вспомнил занятия, посвященные орхидеям, и одновременно меня коснулись совсем непонятные и необъяснимые звуки, тени и цвета. Я момен-

тально пришел к следующему выводу: часто вещи не являются тем, чем кажутся, впрочем, иногда это не имеет никакого значения; человеческое существо можно обидеть множеством самых отвратительных способов, которые непосредственно задевают его спинной мозг.

К этому моменту я уже начал робко изучать среду, в которой оказался.

«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!» и снова «Ой-ой-ой!», — произносил я. Как долго это продолжалось, не мне судить. Неожиданно среда откликнулась на мои стенания, всунув термометр мне в рот и принявшись считать мой пульс.

— Пришли в себя, мистер Кассиди? — спросил голос, только вот я не понял, кому он принадлежал — женщине или какому-то бесполому существу.

— Блюм, — ответил я, силясь рассмотреть лицо медсестры, и поспешно прикрыв глаза, как только мне это удалось сделать.

— Вам очень повезло, мистер Кассиди, — сказала она, вынимая термометр. — Я пойду позову доктора. Он с нетерпением ждет возможности поговорить с вами. А вы полежите спокойно. Не напрягайтесь.

Поскольку я не испытывал особого желания

соскочить с кровати и заняться отжиманиями, мне было совсем не трудно выполнить ее распоряжение.

Я еще раз попробовал оглядеться по сторонам. На этот раз все выглядело совершенно нормально. Понятие «все» включало в себя больничную палату на одного человека и меня на кровати, которая стояла у стены возле окна. Я лежал на спине и довольно быстро сумел обнаружить, до какой степени моя грудь замотана в бинты и пластырь. Представив себе, что повязку когда-нибудь будут снимать, я невольно поморщился. Тем, кто не искалечен, не принадлежит монопольное право на предчувствия.

Несколько минут спустя мне показалось, что здоровенный молодой парень в белом халате, из кармана которого свисал стетоскоп, внес в палату улыбку и доставил ее прямо к моей постели. Переложив мою карточку из одной руки в другую, он потянулся ко мне. Я решил, что его заинтересовал мой пульс, но доктор схватил мою руку и начал ее изо всех сил трясти.

— Мистер Кассиди, я доктор Дрейд! Мы встречались с вами раньше, но вы этого не помните. Я вас оперировал. Рад, что вы можете пожать мне руку. Вы очень везучий человек.

Я откашлялся, и мне стало больно.

— Приятная новость, — сказал я.

Доктор взял мою карточку.

— Поскольку ваша рука находится в такой прекрасной форме, не могли бы вы поставить подпись вот на этих бумагах?

— Минутку, — заметил я. — Мне ведь даже неизвестно, что вы со мной делали. Так что я не собираюсь ничего подписывать.

— О, это вовсе не то, о чем вы подумали, — пояснил доктор. — Те бумаги вас попросят подписать, когда вы будете нас покидать. Я просто хотел получить разрешение воспользоваться своими заметками и фотографиями, которые мне посчастливилось сделать во время операции, для статьи, которую я хочу написать.

— Для какой такой статьи? — спросил я.

— Статьи, посвященной причине, которая позволила мне назвать вас очень везучим человеком. Вам ведь выстрелили в грудь, знаете ли.

— Ну, это я и сам понял.

— Любой другой человек на вашем месте был бы уже покойником. Только не старина Фред Кассиди. А знаете почему?

— Скажите мне.

— Сердце у вас не в том месте.

— Да?

— Вы что, до сих пор не знали об особенностях своей системы кровообращения?

— Не совсем, — сказал я. — Правда, до сих пор мне еще никто не стрелял в грудь.

— Так вот, ваше сердце является зеркальным отображением обычного сердца. Vena cavae[11] выполняет функцию аорты, а легочная артерия получает кровь из левого желудочка. Ваши легочные вены несут свежую кровь в ушко правого предсердия, а правое предсердие качает ее через дугу аорты, которая сдвинута вправо. Правые камеры вашего сердца, следовательно, имеют более плотные стенки, которые у обычных людей расположены слева. Если бы кому-нибудь выстрелили туда же, куда попали вам, было бы поражено левое предсердие или, возможно, аорта. В вашем же случае пуля прошла на безопасном расстоянии от inferior vena cava[12].

Я снова закашлялся.

— Ну, пуля, конечно, причинила вам вред, — продолжал доктор. — Дырка в груди у вас все-таки есть. Я ее довольно аккуратно заштопал. Скоро

---

11 Примечания: 11
Полые вены (лат.)

12 Примечания: 12
Нижняя полая вена (лат.)

вы встанете на ноги.

— Отлично.

— Так вот, как насчет вашей подписи…

— А? Ладно. Все для науки и прогресса.

Подписывая бумаги и раздумывая о том, под каким углом летела пуля, я спросил доктора:

— А как я сюда попал?

— Вас привезла в приемный покой полиция, — ответил доктор Дрейд. — Они не проинформировали нас о причинах возникновения ситуации, которая привела к перестрелке.

— Перестрелке? И сколько же было выстрелов?

— Хм, всего семь. Знаете, я вообще-то не имею права обсуждать других больных.

Моя рука застыла над листком бумаги.

— Хал Сидмор мой лучший друг, — сказал я и, подняв ручку, выразительно посмотрел на бумаги, — а его жену зовут Мэри.

— Они не получили никаких серьезных ранений, — быстро проговорил доктор. — У мистера Сидмора сломана рука, а у его жены несколько царапин. И все. По правде говоря, ваш приятель хочет повидаться с вами.

— Я тоже хочу, — заявил я. — Потому что чувствую себя прекрасно.

— Немедленно пошлю его к вам.

— Очень хорошо.

Доктор поправил мою постель.

— Если вам не трудно дать мне стакан воды…

Доктор налил мне воды и подождал, пока я почти все выпил.

— Хорошо, — сказал он, — я навещу вас попозже. Вы не возражаете, если я приведу с собой практикантов, чтобы они могли послушать ваше сердце?

— При условии, что вы пообещаете прислать мне экземпляр вашей статьи.

— Ладно, — согласился доктор. — Пришлю. Не напрягайтесь.

— Я постараюсь.

Он аккуратно сложил свою улыбку и унес ее с собой, а я лежал и строил рожи надписи «ьтирук еН».

Кажется, прошло совсем немного времени, когда ко мне вошел Хал. К этому моменту еще один слой пелены спал с моих глазах. На нем была обычная одежда, а его правая — минутку, прошу прощения — левая рука была в гипсе. На лбу у Хала красовался небольшой синяк.

Я ухмыльнулся, чтобы продемонстрировать, что жизнь прекрасна, а поскольку уже знал ответ, то спросил:

— Как Мэри?

— Прекрасно, — ответил Хал. — Она действительно в порядке. Расстроена и поцарапана, но ничего серьезного. Ты-то как себя чувствуешь?

— Словно кто-то хорошенько лягнул меня в грудь. Правда, доктор говорит, что могло быть хуже.

— Да, по его словам, тебе очень повезло. Знаешь, он прямо-таки влюбился в твое сердце. Если бы я оказался на твоем месте, мне наверняка было бы немного не по себе — лежишь тут, совершенно беспомощный, а он пишет разные статьи…

— Спасибо. Я рад, что ты пришел подбодрить меня. Ты сам расскажешь мне о том, что произошло, или мне надо купить газету?

— Ну, я не знал, что ты так спешишь, — сказал Хал. — Буду краток: в нас всех стреляли.

— Понятно. А теперь постарайся быть не таким кратким.

— Хорошо. Ты прыгнул на типа с пистолетом…

— Джеми.

— Да.

— Продолжай.

— Он выстрелил в тебя. Ты упал. Можешь поставить возле своего имени крестик. Потом он выстрелил в Пола.

— Крестик.

— Но, пока Джеми смотрел на тебя, Полу почти удалось выбраться из той пакости, что свалилась на него. Он выстрелил в Джеми практически тогда же, когда тот выстрелил в него. И попал в Джеми.

— Итак, они попали друг в друга. Крестик.

— Я бросился на другого типа почти сразу же после того, как ты напал на Джеми.

— Это был Зимейстер.

— Да. Он успел схватить пистолет и несколько раз выстрелил. Первый выстрел в меня не попал, и мы стали драться. Между прочим, он довольно сильный.

— Это мне известно. Кого помечаем следующим крестиком?

— Тут я не совсем уверен. Мэри поцарапало голову пулей рикошетом, а второй или третий выстрел Зимейстера — не очень уверен какой — попал мне в руку.

— Значит, надо поставить два крестика. А кто застрелил Зимейстера?

— Полицейские. Они в это время ворвались в домик.

— Как же, любопытно, они туда попали? Откуда им вообще стало известно о том, что там

происходило?

— Я слышал их разговор — позже. Они следили за Полом…

— …который, по всей вероятности, следил за нами?

— Похоже на то.

— А я думал, он умер. Про это в новостях говорили.

— Я тоже так думал. До сих пор не знаю, что там произошло. Его палату охраняют, и все молчат.

— Получается, что он по-прежнему жив?

— Ну, так я слышал. Больше мне ничего не удалось о нем узнать. Такое впечатление, что все остались живы.

— Плохо — в двух случаях. Подожди минутку. Доктор Дрейд сказал, что было семь выстрелов.

— Да. Их это всех тоже немного удивило. Один из полицейских попал себе в ногу.

— А… тогда понятно. Что еще?

— В каком смысле?

— Тебе удалось что-нибудь узнать? Ну, например, про камень?

— Нет. Ничего. Тебе известно все, что знаю я.

— К несчастью.

Я начал отчаянно зевать. Примерно в это же время в палату заглянула медсестра.

— Мне придется попросить вас уйти, — сказала она. — Мы не должны его утомлять.

— Хорошо, — согласился Хал. — Сейчас я пойду домой, Фред, и вернусь, как только они разрешат мне снова тебя навестить. Что тебе принести?

— Здесь есть какое-нибудь кислородное оборудование?

— Нет. Только в коридоре.

— Тогда принеси сигареты. И скажи им, чтобы сняли эту дурацкую вывеску. А, ладно. Я сам. Извини, никак не могу остановиться. Передай Мэри привет и все такое. Надеюсь, у нее не болит голова. Я тебе когда-нибудь рассказывал про цветы, которые спят с осами?

— Нет.

— Боюсь, вам надо идти, — напомнила медсестра.

— Хорошо.

— Скажи этой даме, что она совсем не похожа на орхидею, — попросил я, — даже несмотря на то, что благодаря ей я чувствую себя осой.

Потом вместе со своей кроватью я провалился в неподвижное мягкое средоточие всего сущего, где жизнь кажется совсем простой.

Сон. Сон. Сон.

Мерцание?

Мерцание. Яркий свет.

Я услышал, что в мою комнату кто-то вошел, и, чуть приоткрыв глаза, убедился, что день еще не кончился.

Еще?

Пора разобраться со временем. Прошел день и ночь, и еще кусочек следующего дня. Я несколько раз ел, поговорил с доктором Дрейдом и был изучен практикантами, которых он привел. Приходил Хал, показавшийся мне более веселым, оставил сигареты. Доктор Дрейд сказал, что, хотя он и против, я могу курить, что я и сделал. Потом я немного поспал. Ах да, вот…

В поле моего зрения попали две фигуры, которые двигались очень медленно. Тут кто-то начал откашливаться, и я сообразил, что это Дрейд.

— Мистер Кассиди, вы проснулись? — вслух удивился он.

Я зевнул и потянулся, и, пытаясь оценить ситуацию, сделал вид, что пришел в себя совсем недавно.

Рядом с Дрейдом стоял высокий мрачного вида тип в темном костюме и при черных очках. Я уже было собрался сострить по поводу гробовщиков, когда заметил, что в правой руке этот тип сжимает поводок лохматой собаки, изо всех

сил старавшейся сидеть смирно возле его ноги. В левой руке странный визитер держал довольно тяжелый портфель.

— Да, — сказал я и, поманипулировав рычажками кровати, устроился лицом к ним. — А в чем, собственно, дело?

— Как вы себя чувствуете?

— Вроде нормально. Да. Я отдохнул.

— Хорошо. Полиция послала этого джентльмена, чтобы он обсудил с вами то, что их интересует. Джентльмен заявил, что должен поговорить с вами наедине, так что мы повесим на дверь табличку. Его зовут Надлер, Теодор Надлер. Ну ладно, я пошел.

Доктор подвел Надлера к стулу, усадил его и удалился, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я взял стакан с водой. Посмотрел на Надлера.

— Что вам нужно?

— Вы знаете, что нам нужно.

— А вы поместите объявление, — предложил я.

Он снял очки и улыбнулся мне.

— А вы попытайтесь прочесть парочку. Вроде тех, что озаглавлены «Нужна помощь».

— Вам бы следовало служить в дипломатическом корпусе, — сказал я, и его улыбка стала немного напряженной, он покраснел.

Когда он вздохнул, я ухмыльнулся.

— Мы знаем, что у вас его нет, Кассиди, — наконец сказал Надлер, — и я его у вас не прошу.

— Тогда почему вы меня преследуете? Только потому, что это совсем не трудно? Навязав мне диплом, вы на самом деле прикончили меня самым настоящим образом. Если бы в моем распоряжении находилось то, что вам нужно, я бы прицепил к этому этикетку с ценой, которая была бы немалой.

— Сколько? — спросил Надлер практически без раздумий.

— За что?

— За ваши услуги.

— В каком качестве?

— Мы хотим предложить вам работу, которая может вас заинтересовать. Как вам понравится должность специалиста по внеземным культурам, представляющего США в ООН? Для этого как раз требуется степень доктора антропологии.

— И когда, интересно, появилась такая должность? — спросил я.

Он снова улыбнулся.

— Совсем недавно.

— Понятно. А что будет входить в мои обязанности?

— Они будут определены отдельно. Скажу только, что вам придется заняться расследованием.

— Что именно я буду расследовать?

— Исчезновение звездного камня.

— Угу. Должен признаться, вы меня заинтриговали, однако этого еще недостаточно, чтобы я согласился с вами сотрудничать.

— Ну, со мной вам особенно сотрудничать не придется.

Я вытащил сигарету и закурил.

— С кем же тогда?

— Дай мне такую же, — произнес знакомый голос, и мохнатая, нечесаная собака подошла к моей кровати.

— Лон Чейни со звезд, — заметил я. — Из тебя получилась паршивая собака, Рагма.

Он отстегнул несколько кусков своей маскировки и взял сигарету. Впрочем, я так и не сумел понять, как он выглядит на самом деле.

— Что ж, ты все-таки допрыгался — подстрелили, — сказал Рагма. — А ведь я тебя предупреждал.

— Что правда, то правда, — согласился я. — Я пошел на это с открытыми глазами.

— К тому же ты отображен, — заметил Рагма, откидывая в сторону мое одеяло. — Раньше шра-

мы от ран, которые ты получил в Австралии, были на другой ноге.

Он опустил одеяло и устроился на полу рядом с моим столиком.

— И не то чтобы это необходимо было проверять, — добавил он. — По дороге сюда мне все уши прожужжали про твое удивительное перевернутое сердце. С самого начала я подозревал, что ты — и есть тот идиот, который решил поиграть с инвертором. Может, расскажешь, зачем ты это проделал?

— Не расскажу, — отрезал я.

Рагма пожал плечами:

— Ладно. Прошло еще мало времени, и результаты недостаточного усвоения пищи не начали сказываться на твоем организме. Придется немного подождать.

Я перевел взгляд на Надлера.

— Вы так и не ответили на мой вопрос. На кого я буду работать?

На сей раз начал ухмыляться он.

— На него, — весело сказал Надлер.

— Вы что, шутите? С каких это пор госдеп начал брать на работу типов, которые исполняют роли вомбатов и собак-поводырей? Они же инопланетяне — у них даже гражданства нет!

— Он не работает на государственный департамент. Он предоставил свои услуги ООН. Если вы согласитесь сотрудничать с нами, то немедленно поступите в распоряжение специального отряда ООН, который возглавляет Рагма.

— Как библиотечная книга, — заметил я, снова поворачиваясь к Рагме. — А ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Именно за этим я и пришел сюда, — ответил он. — Как тебе, очевидно, известно, артефакт, известный как звездный камень, исчез. Нам удалось выяснить, что некоторое время камень находился в твоей квартире, вследствие чего на тебе и сфокусировался интерес нескольких групп, заинтересованных в его возвращении — по самым разным причинам.

— Камень был у Пола Байлера?

— Да. Ему поручили сделать дубликат.

— Значит, он слишком небрежно с ним обращался.

— И да, и нет. Весьма странный человек, этот профессор Байлер, к тому же все ужасно осложнилось совпадениями, которые никто не мог предвидеть заранее. Понимаешь, к нему обратились потому, что он был самым подходящим человеком для выполнения подобного задания.

Байлер — автор ряда очень интересных работ по синтезированию кристаллов. Ему удалось создать такой образец, который целая комиссия не сумела отличить от оригинала. Было ли это следствием его мастерствам? Поначалу так все и подумали. Мне представляется, что при обычном течении событий людям так и не удалось бы установить, что их обманули.

— Значит, он оставил себе оригинал, а им отдал дубликат вместе с дубликатом дубликата? — спросил я.

— Ну, все не так просто, — со вздохом ответил Рагма. — Как выяснилось, то, что они ему отдали, вовсе не было звездным камнем. На самом деле подмена произошла гораздо раньше — еще перед тем как Секретарь ООН отдал расписку в получении камня. Мы только недавно узнали, как все произошло на самом деле. Может быть, ты даже видел телевизионный репортаж об этом событии?

— Я думаю, эту передачу смотрели все. Что же тогда произошло?

— Один из охранников совершил подмену, перед тем как уложить звездный камень в сейф. Никто этого не заметил, охранник ускользнул с оригиналом, а профессор Байлер получил под-

делку.

— Тогда какое отношение Пол?..

— Совпадение, — отозвался Рагма, — то единственное совпадение, которое допустимо в любой истории. Меня удивило, что ты не спросил меня, где охранник добыл фальшивый камень.

Я даже слегка осел на подушках. «Интересно, — подумал я, — заболит ли у меня грудь от смеха?»

— Значит, Пол?.. Только не говорите мне, что он и сделал первую подделку.

— Так оно и было, — вздохнул Рагма. — Байлер сумел выполнить работу по нескольким фотографиям и словесным описаниям. Тут его талант и проявился в полной мере. Когда дело доходит до технической реализации, ему нет равных.

Я смял свою сигарету.

— Значит, он получил назад свою подделку, чтобы сделать по ней новую подделку?

— Вот именно. И оказался в весьма щекотливом положении. У него был настоящий камень и дубликат, сделанный им самим по фотографиям, а правительство, само того не ведая, обратилось к нему с заданием скопировать его собственную работу.

— Подожди! У него был настоящий камень? Мне казалось, ты сказал, что настоящий взял

охранник.

— Я как раз подхожу к этой части истории. Охранник забрал камень и отдал его профессору Байлеру. Байлер боялся, что первая подделка не выдержит тщательной проверки, особенно если ею заинтересуется какой-нибудь заезжий инопланетянин, видевший камень в другом месте и знающий секрет, связанный с его строением — признак, который может заметить только инопланетянин. Во всяком случае, теперь он намеревался сделать вторую копию, которая была бы намного лучше первой, а потом договориться с тем же охранником, чтобы тот попытался заменить первую копию второй. Байлер считал, что вторая копия сможет гораздо дольше выдерживать проверку. В этом месте у него возникла дилемма: отдать им первую модель и копию, или вернуть два камня из второй серии — он ими очень гордился. В конце концов наш профессор решил, что будет лучше, если он вернет свою первую подделку и копию, поскольку боялся, что власти к тому моменту уже детально изучили его камень, и он у них числится в качестве настоящего.

Я покачал головой:

— Зачем? Зачем вообще было устраивать всю

эту карусель?

Рагма потушил сигарету.

— Этот человек имеет сильную эмоциональную привязанность к Британской монархии…

— Драгоценности британской короны! — догадался я.

— Вот именно. Звездный камень прибыл на Землю, а драгоценности были отданы инопланетянами. Байлера потряс этот факт, он считал сделку нечестной, по его мнению, монархии было нанесено оскорбление.

— Но ведь на самом деле драгоценности по-прежнему принадлежат Британии, и их можно получить назад. Британские монархи согласились расстаться с ними на неограниченный срок на предложенных им условиях.

— Мы с тобой понимаем все это одинаково, — сказал Рагма. — А вот Байлер считает иначе. Как и те — например, охранник, — кто участвовал вместе с Байлером в этой авантюре.

— А что, собственно говоря, они собирались делать?

— Они намеревались подождать некоторое время, пока ваши отношения с другими расами не станут прочнее, а выгода от этого сотрудничества будет ясна всем и каждому. Тогда они бы

объявили, что звездный камень подделка — этот факт можно легко проверить, воспользовавшись услугами инопланетных экспертов. После этого они бы сообщили, что настоящий камень находится в их руках. И что они готовы вернуть его в обмен на драгоценности короны.

— Значит, у них была целая группа… В таком случае это объясняет некий тост, который я услышал в своей квартире. Они, вне всякого сомнения, поджидали меня с целью порасспросить, куда им следует отправиться, чтобы украсть камень снова.

— Да. Они тебя искали. А потом мы установили за ними наблюдение. Они не представляют для нас никакой угрозы, скорее их нужно рассматривать, как досадное недоразумение. Впрочем, они могут оказать нам помощь в поисках камня, если мы не станем их трогать. Ради этого можно смириться с неприятностями, которые они нам доставляют.

— А если бы все получилось так, как они планировали?

— Если бы их план удался, Земля была бы исключена из торгового оборота и, по всей вероятности, внесена в черный список с точки зрения обычных видов торговли, туризма, культурного

и научного обмена. Кроме того, это, естественно, повлияло бы на ваши шансы вступить в межзвездную конфедерацию — что-то вроде земной Организации Объединенных Наций.

— Ведь Пол разумный человек, почему же он этого не понимал? Знаешь, я начинаю сомневаться в том, что мы доросли до сотрудничества на межпланетном уровне.

— Ну, теперь Пол все понял. Именно он рассказал нам о деталях дела. Не суди его слишком строго. Как правило, интеллект не в состоянии оказать никакого влияния на чувства.

— А что вообще с ним произошло? Я слышал, его убили.

— На него напали и довольно сильно его попортили, но полиция оказалась на месте преступления как раз в тот момент, когда нападавшие сбежали. У них было специальное медицинское оборудование для оказания первой помощи. Байлера срочно доставили в учреждение, где он подвергся серии имплантаций, прошедших весьма удачно. После этого он связался с властями и все рассказал. Это произошло потому, что те, кто на него напал, прежде входили в ту же организацию, что и он.

— Зимейстер и Баклер, — сказал я, — не пока-

зались мне людьми, чьим поведением двигают чувства.

— Это так. На самом деле они бандиты. До недавнего времени они занимались добычей, продажей и тайным вывозом из страны человеческих органов. А еще раньше они обделывали самые разнообразные противозаконные делишки, но, похоже, человеческие органы приносили им немалую выгоду. Они оказались замешанными в краже звездного камня скорее из соображений материальных, чем идейных. Все остальные члены организации не имели никакого отношения к преступному миру. Именно поэтому они и наняли Зимейстера — организовать кражу. Впрочем, в его планы входило несколько иное решение этой проблемы…

— Он намеревался их надуть, — сказал я и поднес спичку к сигарете Рагмы.

— Точно. Хотел прибрать камень к рукам где-нибудь в процессе намеченной операции и предложить его властям в обмен на деньги и при условии, что ему не будет грозить преследование закона.

— Если бы все произошло именно так, каким образом это повлияло бы на наши шансы получить членство в конфедерации?

— Ну, это было бы несколько лучше, чем требование обменять камень на драгоценности короны, — ответил Рагма. — Коль скоро вы были бы в состоянии вернуть камень по первому предъявлению, все остальное считалось бы вашими внутренними делами.

— В таком случае, какую роль во всей этой истории играешь ты?

— Я считаю, что нельзя так строго и неукоснительно следовать букве закона, — ответил Рагма. — Вы только вступаете в содружество, и я собираюсь сделать все, чтобы облегчить вам эту задачу. Я бы очень хотел, чтобы камень вернулся на свое место и инцидент был исчерпан.

— Как благородно с твоей стороны! В таком случае постараюсь вести себя как разумный человек. Насколько я понял, сначала камнем владел Пол, потом он сообщил вам, что, по его мнению, камень попал к нам однажды вечером, когда мы играли в карты у него в лаборатории.

— Правильно.

— Итак, получается, что камень, по всей вероятности, некоторое время находился у нас в квартире. А затем исчез.

— Все выглядит именно так.

— Ну, тогда я не совсем понимаю, что должен

буду делать, если соглашусь на вас работать.

— Во-первых, — начал Рагма, — поскольку ты не хочешь отправляться на другие миры, чтобы там тебя мог обследовать телепат-аналитик, и, учитывая, что уровень подготовки Сиблы оказался для тебя неудовлетворительным, я бы просил тебя согласиться подвергнуться этой процедуре здесь, на Земле, если я доставлю сюда квалифицированного специалиста.

— Значит, вы по-прежнему считаете, что ключ к разгадке все-таки лежит где-то в моем подсознании?

— Мы должны принять эту версию, как одну из возможных, разве нет?

— Пожалуй, ты прав. А как насчет Хала? Может, в его подсознании тоже есть что-нибудь интересное.

— Такая вероятность не исключена, хотя я склонен думать, что он говорит правду, утверждая, что оставил камень у тебя, когда переезжал. Впрочем, он совсем недавно дал мистеру Надлеру согласие подвергнуться любым необходимым экспериментам по изучению его разума.

— В таком случае я тоже согласен. Привозите вашего аналитика. Если он разбирается в своем деле, и мне не нужно будет отправляться на дру-

гую планету — ладно, так и быть.

— Прекрасно. Будем считать, что мы договорились. Значит ли это, что ты согласен работать на нас?

— Почему бы и нет? Если мне станут платить за эту работу люди, которые лишили меня средств к существованию, меня это вполне устроит.

— Ну, в таком случае мы решили все наши проблемы. Для доставки на Землю специалиста понадобится несколько дней. Мистер Надлер принес кое-какие бумаги тебе на подпись. А пока вы этим занимаетесь, я настрою прибор.

— Какой прибор?

— Нога у тебя прекрасно зажила, не так ли?

— Да.

— Теперь я собираюсь сделать то же самое с твоей раной в груди. Ты сможешь покинуть больницу сегодня вечером.

— Это было бы просто замечательно. А что потом?

— Потом тебе нужно будет постараться не ввязываться ни в какие неприятности в течение всего нескольких дней. Этого можно добиться, если запереть тебя в тюремную камеру или организовать за тобой разумное наблюдение, заранее договорившись о том, что ты постараешься избе-

гать разного рода проблем. Насколько я понимаю, ты предпочел бы второе.

— Ты правильно понимаешь.

— В таком случае подпиши бумаги, а я включу прибор и через некоторое время усыплю тебя.

Так все и произошло.

Позже, когда они уже собирались уходить — забрав с собой все свое медицинское оборудование и официальные бумаги, Надлер снова в темных очках, а Рагма на поводке, — последний повернулся ко мне и, старательно делая вид, что это его почти не интересует, спросил:

— Кстати, теперь, когда мы достигли соглашения по всем вопросам, может, скажешь, зачем ты подверг себя зеркальному отображению?

Я и собирался. Поскольку не видел никаких причин скрывать эту сторону своего существования: сейчас ведь мы были в некотором смысле коллегами и работали над решением одной и той же проблемы. Я посчитал, что вполне могу им все рассказать.

Я открыл рот, но слова почему-то никак не хотели складываться в предложения и появляться на свет в правильном порядке. Я почувствовал, что у меня перехватило горло, язык во рту распух, а улыбка превратилась в какую-то странную

гримасу.

— Пожалуй, я расскажу вам об этом попозже, ладно? Завтра или послезавтра.

— Ладно, — ответил Рагма. — Срочности никакой нет. Мы сможем вернуть тебя в твое прежнее состоянии, когда наступит подходящий момент. Отдыхай, ешь все, что тебе дают, и прислушивайся к своим ощущениям. Мистер Надлер или я свяжемся с тобой в конце этой недели. Пока.

— Пока.

— Скоро встретимся, — пообещал Надлер.

Уходя, они неплотно прикрыли за собой дверь. Я ни секунды не сомневался в том, что они попрежнему не рассказали мне всего, что знали. Но ведь и они находились точно в таком же положении. Я *хотел* раскрыть им свой секрет — а мое тело посчитало это излишним и недвусмысленно высказалось против. Меня это в некотором смысле напугало, потому что напомнило о происшествии в автобусе, когда я возвращался домой. Я никак не мог забыть озабоченного выражения на лице старика, спросившего, все ли у меня в порядке. Может быть, сейчас со мной произошло то же самое, может быть, взбунтовалась нервная система? Следствие зеркального отображения? Но уж очень точно все совпало по времени с

намерением рассказать Рагме о причинах, заставивших меня пройти через машину Ренниуса…

Мне это совсем не понравилось. Мои знания, приобретенные во время занятий, посвященных человеку и разнообразным проявлениям его сути, оказались совершенно бесполезными в данный момент.

Президент Элиот, у нас возникли проблемы.

10

Когда похожие на провода лианы или щупальца схватили меня за плечо и бедро и подняли в воздух до положения, из которого я мог, повернув голову, увидеть массивное туловище, погруженное в лохань, до краев наполненную какой-то слизью и стоящую посередине комнаты, в тот момент, когда распахнулись громадные листья мухоловки и моим глазам предстала пурпурная пасть, я подумал, что большая часть несчастных случаев происходит вследствие беззаботности и легкомыслия жертвы и в данном случае меня нельзя считать ответственным за то, что со мной произошло. После того как я покинул больницу, я вел себя, как образцовый государственный служащий, абсолютно осмотрительный в своих мыслях и поступках.

Когда страшилище замерло на мгновение, возможно, решая, как лучше решить проблему избытка алкалоидов, которые оно получит вследствие того, что я выдыхаю углекислый газ, перед моим мысленным взором пронеслись последние несколько дней моей жизни. Не более того,

поскольку более раннюю часть своей жизни я совсем недавно уже вспоминал — когда собирался умирать в прошлый раз.

Не знаю, что заставило меня действовать — дурацкое любопытство или странная улыбка. Доктор Дрейд хотел, чтобы я оставался в больнице еще некоторое время для дальнейшего обследования, несмотря на prima facie[13] свидетельства того, что грудь у меня совершенно зажила. Тем не менее я был вынужден его разочаровать и выписался из больницы примерно часов пять спустя после ухода Надлера и Рагмы. Меня встретил Хал и отвез домой.

Я отклонил предложение Хала и Мэри пообедать с ними и рано отправился спать, позвонив сначала Джинни, которая сейчас с нетерпением ждала возможности начать жизнь сначала — именно с того места, где она как бы прервалась, когда я еще был студентом. Мы договорились встретиться на следующий день вечером, и я лег спать — предварительно, впрочем, все-таки нанес короткий визит на крыши близлежащих домов.

Был ли мой сон беспокойным? Да. Снаружи,

---

13 Примечания: 13
Очевидный (лат.)

конечно же, меня охраняли — путешествуя по крышам, я заметил двух сонных типов, похожих на полицейских, которые болтались возле моего дома. А вот внутри… Я перебирал свои неприятности, не очень успешно пытаясь навести порядок в собственной душе. Впрочем, к шести часам мне все-таки удалось добиться в этом вопросе определенного успеха.

Затем прошло еще шесть часов, прежде чем для меня наступило утро. Мой сон время от времени посещали какие-то мимолетные образы, вспомнить и распознать которые впоследствии мне не удалось, если не считать улыбки. Проснувшись, я знал, что должен сделать, и немедленно постарался придумать достаточно солидное объяснение своему поведению — мне очень не хотелось, чтобы оно было похоже на проявление очередной маниакальной идеи. Прошло некоторое время и я решил, что маниакальные идеи тут совершенно ни при чем. Любому было бы интересно посмотреть на место, где его чуть не убили.

Поэтому я позвонил Халу и попросил у него машину. Оказалось, что Мэри куда-то на ней уехала. Впрочем, машина Ральфа была на месте, и я пешком направился к его дому, чтобы ее забрать.

Ясное свежее утро обещало чудесный день. По дороге к морю я думал о своей новой работе, о Джинни и о той улыбке.

Надлер уверял меня, что моя новая должность переживет нынешние проблемы, и чем больше я о ней думал, тем более привлекательной она мне казалась. Если возникает необходимость что-то делать, считайте, что вам повезло, если вы сможете заняться чем-то интересным, тем, что доставит вам удовольствие. Где-то происходили события, о которых нам почти ничего не было известно, — я же получал возможность познать непознаваемое, попытаться понять, вникнуть в суть экзотических явлений, посмотреть на давно знакомые и понятные вещи с иной точки зрения.

Неожиданно я сообразил, что меня повергает в восторг эта перспектива. Я хотел этого. У меня не было никаких иллюзий на предмет того, почему мне предложили эту работу, но теперь, когда удалось помешать им захлопнуть перед моим носом дверь, я был исполнен самых решительных намерений победить все препятствия, которые могут встать на моем пути, и заняться настоящей работой. В тот момент я подумал, что инопланетная антропология (полагаю, правильнее было бы

назвать эту науку ксенологией) как раз и была тем делом, к которому я готовился всю жизнь, используя для этого несколько эклектические подходы.

Я тихонько рассмеялся. Я был возбужден и, представьте себе, счастлив.

Поскольку я уже немного привык делать все в зеркальном отображении, вести машину оказалось совсем не трудно. Я останавливался возле каждого знака, на котором было написано «ПОТС», за городом же движение было далеко не таким напряженным, и мне стало совсем хорошо. По правде говоря, после того как я прошел через машину Ренниуса, самой трудноразрешимой оказалась проблема бритья. Моя травмированная нервная система реагировала на воображаемое отображение моего отображаемого движения вперед-назад, останавливая руку и дожидаясь, когда я очищу от грязи электрическую бритву. После того как я проделывал все необходимые операции, у меня все равно возникали довольно странные ощущения, но, справившись со всеми случайностями и трудностями, я постепенно начал чувствовать себя гораздо увереннее и даже ухитрялся достаточно чисто выбривать лицо.

Сидя за рулем, я корчил зеркалу рожи и думал о

единственном фрагменте ночных видений, который засел в моей памяти. Улыбка. Чья? Я не знал. Просто улыбка, промелькнувшая в том месте сознания, где вещи начинают приобретать смысл. Однако она осталась со мной, то появляясь, то исчезая, словно лампа дневного света, которая собирается перегореть; когда я ехал по дороге, по которой мы совсем недавно проехали вместе с Халом, я попытался сам придумать какое-нибудь ассоциативное объяснение этой улыбке, поскольку доктора Марко под рукой не было.

Почему-то мне не приходило в голову ничего, кроме «Моны Лизы». Я не очень уверенно чувствовал себя в вопросах аналитических связей. Но ведь именно эта знаменитая картина отправилась к нашим космическим друзьям в обмен на машину Ренниуса. Должна существовать какая-то тонкая связь, по крайней мере в моем подсознании — или со мной сыграло злую шутку воображение в сочетании со случайным совпадением, и тогда логичнее будет вспомнить о картинах Дали или Эрнста.

Я покачал головой и стал следить за тем, как мимо окон автомобиля проносится утро. Через некоторое время я съехал на боковую дорогу.

Оставив машину в том месте, где мы с Халом

остановились в прошлый раз, я нашел тропинку и отправился к домику, довольно долго незаметно осматривал его, но не увидел никаких признаков жизни. Рагма настаивал на том, что я должен стараться избегать неприятностей, вряд ли этот домик можно было рассматривать как неприятность. Я осторожно приблизился к странному строению сзади и подобрался к окну, через которое, по всей вероятности, Пол залез в дом.

Да. Шпингалет на окне сломан. Заглянув внутрь, я увидел небольшую спальню, совсем пустую. Тогда я обошел домик и посмотрел в другое окно, окончательно убедившись, что внутри никого нет. Сломанную дверь забили гвоздями, так что мне пришлось вернуться назад и забраться внутрь точно так же, как это сделал мой бывший преподаватель, мастер по изготовлению камней.

Я прошел через спальню и оказался возле двери, из-за которой появился Пол. Полиция не стала убирать в гостиной, все оставалось так, словно наше сражение только что закончилось.

Судя по виду из окна, море было гораздо спокойнее, а вода зеленее, чем в прошлый раз. Она оставляла более четкие линии на берегу, но я больше не заметил никаких новых дверей в песке. Тогда я отвернулся от окна и стал рассмат-

ривать сеть, которая в тот день так ловко упала на Пола в самый нужный момент, вследствие чего было нарушено соотношение сил, а я получил дырку в груди.

Какие-то веревки и кусок сети по-прежнему висели на гвозде, прибитом к одной из потолочных балок, касаясь кучи мусора на полу. Справа от меня шла серия узких скоб, прибитых к стене, по которым можно было подняться на самый верх.

Я забрался по ним и стал медленно пробираться вдоль потолочных балок, часто останавливаясь, чтобы осветить покрытое пылью дерево. На противоположной стороне, как раз там, где раньше висела большая часть сетей, я увидел цепочку маленьких клинообразных следов, ведущих от перекрестья балок. После этого я спустился вниз и тщательно обыскал домик, но больше ничего интересного мне найти не удалось. Поэтому я выбрался наружу, выкурил сигарету и направился обратно к машине.

Улыбки. Сегодня Джинни много улыбалась, и мы провели остаток дня, избегая говорить на скользкие темы. Она ужасно удивилась, когда узнала, что я получил степень и работу. Не имеет значения. Утро выполнило свое обещание, день был ярким и прекрасным. Мы бродили по студен-

ческому городку и по улицам, много смеялись и обнимались. Позднее мы попали на концерт камерной музыки; причина, толкнувшая нас на этот не самый заурядный поступок, быстро забылась, и мы не жалели, что пришли. Потом мы отправились в соседнее кафе, а оттуда в мою квартиру, чтобы я мог показать Джинни, что там царит самый обычный беспорядок — среди прочих вещей.

Улыбки.

Следующий день был вариацией на ту же тему. Однако погода изменилась, днем прошел дождь. Оказалось, что сидеть дома очень приятно, особенно если сможешь представить себе, что в камине, весело потрескивая, горят дрова. Ну и тому подобные штуки.

Джинни не заметила, что я отобразился, а мне удалось придумать такую элегантную историю по поводу моего шрама — в ней рассказывалось о посвящении в тайное общество одного племени, которое я недавно исследовал. Оставалось только жалеть, что я ее не записал. Увы! И снова улыбки.

В девять вечера зазвонил телефон, и нашей идиллии пришел конец. Прибор, ведающий предчувствиями, выдал мне предупреждение, но, как

и знак, сообщающий о том, что в данном районе следует опасаться низко летающих самолетов, мой прибор не предложил ничего конструктивного. Не зная, что предпринять по этому поводу, я подошел к телефону и со вздохом взял трубку.

— Да?

— Фред?

— Совершенно верно.

— Это Тед Надлер. У нас возникла проблема.

— В каком смысле?

— Зимейстер и Баклер сбежали.

— Откуда? Как?

— Мы их сразу перевели в тюремный госпиталь. Нам стало известно, что несколько часов назад они оттуда убежали. Создается впечатление, что никто не знает, как им это удалось сделать. На месте побега осталось девять работников госпиталя — медицинский персонал и охрана, все без сознания. Доктора считают, что был применен нервно-паралитический газ — во всяком случае, все жертвы хорошо реагируют на атропин. Однако когда начальник госпиталя позвонил мне, никто из них еще не успел прийти в себя настолько, чтобы внятно рассказать о том, что произошло.

— Очень плохо. Надеюсь, мы их теперь не скоро

увидим.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А разве я не ясно выразился? Скорее всего, сейчас они пытаются выбраться из страны. Им предъявлено обвинение в похищении, попытке убийства — причин вполне достаточно.

— Рисковать нельзя.

— Что вы хотите этим сказать?

— Существует достаточно высокая вероятность, что эта парочка направилась к вам. Поэтому будет лучше, если вы отошлете свою подружку домой и соберете вещи. Я заеду за вами примерно через полчаса.

— Вы не можете этого сделать!

— Прошу меня извинить, но я могу, и это приказ. Вам необходимо отправиться в путешествие — ваша работа требует этого. Как, впрочем, и здоровье.

— Ладно. Куда?

— В Нью-Йорк, — ответил Надлер.

Короткие гудки. Вот так и произошло вторжение в мой рай.

Я повернулся к Джинни.

— Ну что? — спросила она.

— У меня есть две новости: хорошая и плохая.

— Скажи хорошую.

— В нашем распоряжении есть еще полчаса.

На самом деле Надлер потратил больше часа, чтобы добраться до меня, и это дало мне возможность принять отвратительное, хладнокровное решение — раньше я никогда не принимал подобных и не действовал в соответствии с ними.

Мерими взял трубку после шестого гудка и сразу узнал мой голос.

— Да, — сказал я. — Послушайте, вы помните предложение, которое сделали мне во время нашего последнего разговора?

— Да, помню.

— Я бы хотел поймать вас на слове.

— Кто?

— Их двое. Зимейстер и Баклер…

— О, Морти и Джеми! Конечно.

— Вы их знаете?

— Да. Морти раньше часто работал на твоего дядюшку. Когда наш бизнес процветал и мы были завалены заказами, нам иногда приходилось нанимать помощников. Зимейстер был маленьким толстым парнишкой, которому не терпелось поскорее включиться в дело. Мне он никогда особенно не нравился, но Морти, бесспорно, обладал неисчерпаемой энергией — да и другими определенными достоинствами. После того как Ал

уволил его, он начал свои собственные операции и в результате состряпал довольно приличный бизнес. Через пару лет он нанял Джеми, чтобы тот разбирался с конкурентами и отвечал на жалобы клиентов. Когда-то Джеми был боксером полутяжелого веса — надо сказать, неплохим — к тому же, у него большой военный опыт. Он сумел дезертировать из трех различных армий.

— Почему дядюшка Ал уволил Зимейстера?

— Морти не отличался честностью. Кому нужны ненадежные работники?

— Понятно. Ну, они дважды чуть не убили меня, а сейчас мне стало известно, что они снова на свободе.

— Насколько я понимаю, ты не знаешь, где они в данный момент находятся?

— Да, к сожалению, дело обстоит именно так.

— Хм-м-м. Это осложняет задачу. Ладно, попробуем взяться с другой стороны. Где ты собираешься быть в ближайшие несколько дней?

— В ближайший час я должен вылететь в Нью-Йорк.

— Превосходно! Остановишься в гостинице?

— Я еще сам не знаю.

— Тогда я приглашаю тебя к себе. Это и в самом деле может облегчить…

— Вы не понимаете, — перебил я Мерими. — Я завершил обучение в университете. Получил докторскую степень. Теперь у меня есть работа. Сегодня вечером мой босс отвезет меня в Нью-Йорк. Я не знаю, куда он собирается меня поселить. Как только я буду на месте, постараюсь сразу позвонить вам.

— Договорились. Поздравляю со степенью и с работой. Когда ты, наконец, принимаешь решения, то времени даром не теряешь — в точности, как твой дядюшка. Я с нетерпением буду ждать окончания твоей истории. А пока постараюсь прозондировать почву. Кроме того, я думаю, что в самое ближайшее время тебя ждет приятный сюрприз.

— Какого рода?

— Ну, какой же это будет сюрприз, если я все расскажу тебе заранее, мой дорогой мальчик? Верь мне.

— Ладно, верю, — сказал я. — Спасибо.

— До встречи.

— Пока.

Вот так, хладнокровно все обдумав, и тому подобное. Никаких тебе извинений. Мне уже надоело, что в меня все время стреляют, к тому же стыдно не пользоваться такими замечатель-

ными подарками.

Как ни странно, гостиница находилась почти напротив того недостроенного здания, которое я использовал, чтобы добраться до крыши строения, расположенного по диагонали через дорогу, — а точнее, того самого выставочного зала, где нашла приют машина Ренниуса.

Почему-то я был уверен в том, что это не простое совпадение. Однако, когда я что-то сказал по этому поводу, Надлер промолчал. Время уже перевалило за полночь, мы только-только зарегистрировались, а уж не расставались с того самого момента, как Надлер заехал за мной. Когда мы подходили к конторке портье, я посмотрел по сторонам и убедился, что поблизости не видно автоматов, в которых можно купить сигареты в любое время суток. Тогда я сказал:

— У меня практически кончились сигареты.

— Вот и отлично, — ответил мой босс. — Отвратительная привычка.

Девушка за столиком проявила куда больше сострадания и подсказала, где можно разжиться сигаретами. Я поблагодарил ее, узнал номер своей комнаты, обещал Надлеру, что поднимусь туда через минуту, и быстро вышел на улицу.

Естественно, первым делом я направился к

ближайшему телефону, позвонил Мерими и рассказал ему, где нахожусь.

— Отлично, считай, что наблюдение уже выставлено, — заверил он. — Кстати, похоже, наши приятели в городе. Один из моих людей думает, что видел их.

— Вы, я смотрю, времени даром не теряли.

— Ну, это получилось случайно. И все же… держись. Хороших тебе снов. Adieu.

— Спокойной ночи.

Я поспешил обратно к лифту, поднялся на свой этаж и подошел к нашей комнате. Поскольку у меня не было ключа, я постучал.

Некоторое время никто не отвечал. А потом, как раз в тот момент, когда я собрался постучать снова, донесся голос Надлера:

— Кто там?

— Я, Кассиди.

— Заходи. Дверь не заперта.

Ничего не подозревая, уставший, занятый своими мыслями, я нажал на ручку, толкнул дверь и вошел. Такую ошибку мог совершить каждый.

— Тед! Какого черта… — Как раз в этот момент одна лиана схватила меня за ногу, а другая обвилась вокруг плеча — …тут происходит — поинтересовался я, взлетев вверх.

Естественно, я сражался изо всех сил. На моем месте так поступил бы каждый. Но мерзкая тварь подняла меня на пять футов в воздух, и я оказался в горизонтальном положении прямо над этой, мягко говоря, непривлекательной штукой. Потом она принялась переворачивать меня вверх ногами, так что теперь я видел только ее серо-зеленое туловище, лохань со слизью и шевелящиеся осьминожьи щупальца. У меня было предчувствие, что тварь намеревается сделать мне какую-то пакость, еще до того как мясистые листья раскрылись, словно складной нож, и продемонстрировали мне влажные, покрытые колючими иглами и отвратительно кроваво-красные внутренности.

Я взвыл и начал отрывать от себя щупальца. А потом что-то вроде раскаленной кочерги воткнулось мне в голову, прямо между глаз. Все мое существо окутал невыносимый ужас, и я начал конвульсивно извиваться в прочной живой паутине.

Потом раздался резкий свистящий звук, все неприятные ощущения в моем черепе разом исчезли, лианы поникли, отпустили меня, и я, корчась, упал на ковер, чудом не угодив в лохань со слизью. Впрочем, большая клякса плюхнулась

мне на рукав, а неподвижные щупальца повисли, словно праздничные флаги. Я застонал и потянулся, чтобы растереть плечо.

— Ему больно! — узнал я голос Рагмы.

Я повернул голову, чтобы с достоинством принять сострадание, потому что услышал, как ко мне приближаются чьи-то маленькие лохматые ножки, сопровождаемые массивными копытами.

Однако Рагма в своем собачьем костюме и Надлер с Полом Байлером в обычных костюмах промчались мимо меня, столпились возле лохани и начали утешать воинственно настроенный овощ. Я отполз в угол, где с трудом поднялся на ноги, и все же мне никак не удавалось окончательно успокоиться. Тогда я принялся непристойно ругаться; на меня все равно никто не обращал внимания. В конце концов я пожал плечами, стер грязь с рукава, нашел стул, закурил и начал наблюдать за представлением.

Мои дорогие коллеги подняли безжизненное туловище с многочисленными конечностями и принялись что-то с ним делать. Рагма сбегал в соседнюю комнату и вернулся с предметом, отдаленно напоминавшим лампу, воткнул ее в розетку и навел на гнусное растение. Затем,

достав пульверизатор, стал опрыскивать кровожадные листья. После этого Рагма занялся помешиванием слизи, добавив туда каких-то химикатов.

— Что случилось? — спросил Надлер.

— Понятия не имею, — ответил Рагма. — Вот! Мне кажется, он приходит в себя!

Щупальца начали дергаться, точно раненые змеи, потом медленно открылись и снова закрылись листья. Существо несколько раз вздрогнуло. Наконец оно снова выпрямилось, вытянуло вперед все свои конечности, опустило их, вытянуло снова и опять расслабилось.

— Вот так-то лучше, — вздохнул Рагма.

— А кого-нибудь интересует, как себя чувствую я? — Мне не удалось скрыть легкого сарказма в голосе.

Рагма повернулся и сердито на меня посмотрел.

— Ты! — воскликнул он. — Может, скажешь, что ты сделал с несчастным доктором М'мрм'млрром?

— Ну-ка повтори!.. По-моему, у меня что-то со слухом.

— Что ты сделал с доктором М'мрм'млрром?

— Благодарю тебя. Так я и думал. Понятия не

имею. А кто такой доктор Мымр?

— М'мрм'млрр, — поправил меня Рагма. — Доктор М'мрм'млрр — это телепат-аналитик, которого я доставил сюда, чтобы он тебя обследовал. Нам повезло, и доктор прибыл на место раньше, чем мы предполагали. Однако когда он попытался тебя обследовать, ты грубо набросился на него и вывел из строя.

— Вот эта штука, — спросил я, махнув рукой в сторону лохани и ее обитателя, — оказывается, телепат?

— Не все являются членами животного царства в том смысле, в каком ты это понимаешь, — ответил Рагма, — доктор М'мрм'млрр — представитель абсолютно отличной от вашей линии развития жизни. У тебя есть по этому поводу возражения? Может быть, ты имеешь что-нибудь против растений?

— Я определенным образом настроен против того, чтобы меня хватали, сжимали и размахивали мною в воздухе.

— Доктор предпочитает активную терапевтическую стратегию.

— Ну, в таком случае он должен быть готов к тому, что рано или поздно ему попадется пациент, который не является пацифистом. Не знаю,

что я сделал, но, честно говоря, рад, что мне это удалось.

Рагма отвернулся, наклонил голову набок, словно изучал трубу граммофона, а потом объявил:

— Он чувствует себя лучше. И желает предаться медитации. Мы должны оставить свет включенным. Это займет немного времени.

Лианы или щупальца шевельнулись и обвились вокруг странной лампы, которую принес Рагма. Доктор М'мрм'млрр замер.

— А зачем ему нападать на обследуемых? — спросил я. — По моим представлениям это не слишком способствует возникновению хорошего контакта врача с пациентом.

Рагма вздохнул и снова повернулся ко мне.

— Он делает это вовсе не затем, чтобы разозлить своих пациентов. Он стремится помочь. Насколько я понимаю, бесполезно требовать от тебя понимания того, что эта практика родилась в результате многовековых сложнейших философских размышлений, которым предавался его народ, чтобы решить эту проблему.

— Угу, — ответил я.

— Их теория заключается в том, что любое примитивное чувство может быть использовано в качестве мнемомолекулярного ключа. Искус-

ное пользование этим ключом дает телепату подобного типа доступ ко всем переживаниям индивидуума, расположенным в данной области. Они обнаружили, что страх является важной составляющей проблем, с которыми к ним обращается большинство пациентов. Поэтому, индуцируя страх и желание сбежать, врачу удается зафиксировать эмоции пациента, с тем чтобы применить терапевтическое воздействие. Таким образом, он может обозреть все мотивационное поле за один сеанс.

— Интересно, съедает ли доктор свои ошибки? — спросил я.

— Он не может контролировать свою наследственность, — ответил Рагма. — А ты прыгаешь по деревьям, хватаясь за ветки? Впрочем, — Рагма махнул лапой, — ты-то как раз прыгаешь. Я забыл.

Я повернулся к Надлеру, который подошел ко мне и Полу — он тоже стоял неподалеку и ухмылялся.

— Как я посмотрю, вам все это понравилось, — угрюмо заметил я, обращаясь к ним обоим.

Пол пожал плечами, а Надлер сказал:

— Если таким образом задача будет решена.

Я вздохнул.

— Наверное, вы правы… Пол, что ты здесь делаешь?

— Мы с тобой коллеги, — ответил он. — Меня рекрутировали практически одновременно с тобой. Кстати, прошу простить мое поведение у тебя на квартире. Ты ведь понимаешь, это было вопросом жизни и смерти. Моей.

— Ладно, забыли, — щедро кивнул я. — В каком качестве тебя взяли на службу?

— Профессор Байлер наш эксперт по звездному камню, — ответил Надлер. — Он знает о нем больше, чем любой другой человек.

— Значит, ты расстался с мыслью вернуть драгоценности британской короны? — спросил я.

Пол поморщился и кивнул:

— А, так ты все знаешь… Да, это был запоздалый юношеский жест, из-за которого все пошло кувырком. Меа culpa[14]. Мы не ожидали, что в дело будут вовлечены такие страшные преступники. Когда я пришел в себя после их нападения, мне стало ясно, что мы совершили ошибку, и я решил попытаться ее исправить. Я рассказал людям из ООН все, что мне было известно, и в конце концов, с превеликим трудом, сумел их убедить.

---

14 Примечания: 14
Моя вина (лат.)

Они обошлись со мной достаточно благородно и не стали сажать под замок. Более того, они рассказали о тех трудностях, которые испытываешь ты. Однако я считал, что одного признания еще недостаточно, чтобы загладить вину, очень хотелось помочь вернуть камень. Ты как раз приехал из Австралии в Штаты, и я сообразил, что Зимейстер и Баклер собираются снова на тебя напасть. Поэтому я решил незаметно следить за тобой, с тем чтобы, когда они предпримут эту попытку, оказаться рядом. Я выследил тебя у Хала, некоторое время держался поблизости, но в баре тебя упустил. И только когда ты вернулся домой, я снова тебя нашел. Остальное ты знаешь.

— Да. Еще одна маленькая тайна раскрыта. Значит, они и тебя взяли на работу, когда ты лежал в госпитале?

— Точно. Тед сказал, что, если меня так беспокоит вся эта история, я могу поступить к ним на службу — тогда мне хотя бы будут платить за это деньги. Однако считается, что я работаю специалистом по инопланетной минералогии.

— Как мне кажется, — сказал я, обращаясь ко всем сразу, — меня привезли сюда не только для того, чтобы избежать очередной встречи с двумя бандитами. У вас были на меня другие планы,

которые лишь начинались с телепатического исследования.

— Да, ты не ошибся, — заверил меня Рагма. — Однако учитывая, что все зависит от результатов нашего эксперимента, бессмысленно рассматривать различные гипотезы, которые в противном случае могли бы быть отброшены.

— Иными словами, вы не собираетесь ничего мне говорить?

— Совершенно верно.

Я не успел ни согласиться с ним, ни что-нибудь ему возразить, потому что меня отвлекло движение в противоположном углу комнаты. Доктор М'мрм'млрр снова пошевелился.

Мы молча наблюдали за тем, как он поднял свои змееподобные конечности и принялся делать странные упражнения. Напряжение, расслабление… Напряжение, расслабление…

Так продолжалось две или три минуты — в этом было что-то гипнотическое, — и я сообразил, что он снова пытается поймать меня в свои сети, только на сей раз внеземной специалист действовал куда более деликатно.

Я ощутил прикосновение к своему разуму, какое-то непривычное жжение в районе мыслительных центров. На этот раз я не испытал

никакой боли. У меня возникло смутное ощущение, сходное с тем, которое охватывает человека, подвергающегося операции под местным наркозом. Судя по всему, остальные каким-то образом поняли, что здесь происходит, и хранили молчание.

Ладно. Если М'мрм'млрр собирается вести себя прилично, я не буду ему мешать.

Поэтому я просто сидел, позволив ему делать то что он считал нужным.

Затем, совершенно неожиданно, он добрался до какого-то большого рубильника и дернул за него, потому что я мгновенно и безо всякой боли вырубился. Блюм.

И снова блюм.

Я был измучен, ужасно хотел пить, чувствовал себя так, будто меня разобрали, а потом неправильно собрали. Поднял руку, чтобы потереть глаза, и невольно посмотрел на часы. Потом поднес их к уху — решил проверить, идут они или нет. Как я и подозревал, часы тикали. Ergo…

— Да, прошло около трех часов, — сказал Рагма.

Я услышал, как храпит Пол, потом он замолчал, откашлялся и вздохнул. Он заснул прямо в своем кресле. Рагма курил, удобно устроившись на по-

лу. М'мрм'млрр все еще шевелил конечностями, вытянувшись во весь рост. Надлера нигде не было видно.

Я потянулся, разминая мышцы, и услышал, как, словно старые половицы, заскрипели мои суставы.

— Ну, надеюсь, вам удалось узнать что-нибудь полезное, — сказал я.

— Да, пожалуй, — ответил Рагма. — Как ты себя чувствуешь?

— Словно меня вывернули наизнанку.

— Это понятно. Вполне. Некоторое время ты представлял из себя нечто вроде поля боя.

— Давай, рассказывай.

— Во-первых, — начал он, — мы нашли звездный камень.

— Значит, ты был прав? Все были правы? Я обладал спрятанным где-то глубоко знанием?

— Да. Твои воспоминания и сейчас вполне доступны. Хочешь сам попробовать? Вечеринка. Разбитый бокал. Письменный стол…

— Подожди минутку. Дай подумать.

Я стал думать. И все вспомнил. Последний раз, когда я видел звездный камень…

Вечеринка была посвящена женитьбе Хала, я устроил ее за неделю до этого торжественного

события. В квартире было полно наших друзей, спиртное лилось рекой, и мы все ужасно шумели. Веселье продолжалось часов до двух или трех ночи. В общем, можно сказать, что вечеринка удалась на славу. По крайней мере, наши гости разошлись по домам, весело смеясь, и никто не получил увечий.

Если не считать одного крошечного несчастного случая, происшедшего со мной.

Да. Кто-то нечаянно скинул бокал, который стоял на столике в углу, бокал разбился. Он был пустым. Так что вытирать ничего не пришлось. Случилось это уже ближе к концу вечеринки. Гости расходились, надо было прощаться. Так что я оставил осколки там, где они лежали. Позже. Manana[15], может быть.

Впрочем, я знал, что выпил слишком много, и прекрасно понимал, как буду чувствовать себя завтра утром и что стану предпринимать по этому поводу.

Я начну ворчать и ругаться, и гнать от себя день. А когда он не захочет уходить, я выползу из кровати и потащусь на кухню, чтобы поставить кофе — первое мое действие по утру, — а потом,

---

15 Примечания: 15
Завтра (исп.)

пока вода закипает, оправлюсь в ванну для совершения обычных процедур. Естественно, я буду ходить босиком и, естественно, забуду о том, что пол усыпан осколками. Впрочем, мне придется вспомнить об этом довольно быстро.

Так что я вытащил из-под письменного стола корзину для мусора, присел на корточки и начал обследовать территорию.

Ясное дело, я порезался: в какой-то момент, слишком сильно потянувшись вперед, потерял равновесие, взмахнул рукой, чтобы не упасть, и наткнулся ладонью на один из осколков.

Потекла кровь, я замотал руку платком и продолжил уборку. Я знал, что, если прекращу это делать сейчас и займусь рукой, у меня возникнет соблазн оставить все как есть. Спать хотелось ужасно.

Я собрал все осколки, что сумел найти, и вытер пол влажными салфетками. Потом поставил корзину на место и уселся в кресло, поскольку оно оказалось рядом, а я дико устал. Размотав платок, я увидел, что кровотечение продолжается. Бессмысленно что-либо делать, пока тромбин не завершит свою работу. Поэтому я откинулся в кресле и стал ждать. На мгновение мой взгляд остановился на модели звездного камня, которую

мы использовали в качестве пресс-папье. На самом деле я его даже взял и медленно поворачивал, получая необычайное удовольствие от игры света на гранях.

Моя собственная голова показалась мне ужасно тяжелой, и я подумал, что неплохо было бы использовать бицепсы в качестве подушки. Устроившись поудобнее и по-прежнему не закрывая глаз, я продолжал играть с камнем; меня сначала немного огорчило, что на него попала кровь, но потом я решил, что благодаря этому возникали потрясающие контрасты. Прощай, белый свет.

Я проснулся через несколько часов — ужасно хотелось пить, а мышцы затекли из-за того, что я спал в таком неудобном положении. Я встал и отправился на кухню, где выпил стакан воды, а потом прошел по квартире, выключая свет. Отправился в спальню, уселся на краю кровати и медленно разделся, оставив одежду там, где она упала, потом забрался под одеяло и проспал остаток ночи, как положено.

Именно тогда я и видел звездный камень в последний раз. Да.

— Я вспомнил. Благодаря доктору. Теперь я все вспомнил. Я забыл, потому что мое сознание было

затуманено алкоголем и усталостью, но сейчас я все отлично помню.

— Тут дело не только в алкоголе и усталости, — поправил Рагма.

— А в чем же еще?

— Я сказал, что мы нашли камень.

— Ты сказал, однако что-то у меня нет никаких воспоминаний на этот счет. Я только помню, когда видел его в последний раз, и понятия не имею, куда он делся.

Пол откашлялся, а Рагма посмотрел на него.

— Давай, — сказал он.

— Когда я работал с этой штукой, — начал Пол, — мне пришлось обращаться с ней не совсем так, как хотелось. Понимаешь, я же не мог отколоть кусочек от бесценного артефакта для того, чтобы исследовать его. Даже если позабыть на время об эстетических причинах, это могло бы быть легко обнаружено. Я же не знал, насколько подробно инопланетяне изучили и проанализировали поверхность камня. Практически любое мое действие, в результате которого изменился бы внешний вид драгоценного экспоната, могло привести к неприятностям. К счастью, камень пропускал свет. Поэтому я сосредоточил все свои усилия на оптических эффектах. Я сделал неверо-

ятно подробную топологическую световую карту всей поверхности. В соответствии с этой картой и массой камня я смог составить себе представление о его строении. Так вот, хотя меня в тот момент не интересовало ничего, кроме создания копии, мне показалось странным, что эта штука напоминает скопление необычным образом выкристаллизовавшегося протеина…

— Черт подери, — выдохнул я. — Но…

Я посмотрел на Рагму.

— Конечно, камень имеет органическое происхождение, — сказал он. — Пол не сделал никакого открытия — этот факт был известен уже довольно давно. Однако никто и помыслить не мог, что камень все еще живой. Он просто впал в спячку.

— Живой? Кристаллизовавшийся? Что это, какой-то вирус?

— Вероятно, так оно и есть. Но вирусы не обладают разумом, а эта штука в своем роде разумна.

— Я, конечно, понимаю, к чему ты клонишь, — сказал я. — И что мне теперь делать? Попытаться убедить его в чем-нибудь? Или принять две таблетки аспирина и лечь спать?

— Ни то ни другое. Я должен говорить за доктора М'мрм'млрра, поскольку он сейчас занят, а ты заслужил немедленные разъяснения по поводу

того, что нам удалось обнаружить. Когда он в первый раз попытался проникнуть в твои воспоминания, доктор М'мрм'млрр был повергнут в шок, столкнувшись с совершенно неожиданной формой сознания, оказавшейся внутри твоего разума. В процессе своей долгой практики он лечил представителей почти всех известных разумных рас Галактики, но ему никогда не приходилось сталкиваться с чем-нибудь подобным. Он сказал, что это нечто неестественное.

— Неестественное? В каком смысле?

— В чисто техническом. Доктор считает, что это искусственный разум, синтетическое существо. Подобные существа производились многими нашими современниками, но все они, по сравнению с этим, примитивные игрушки.

— Какие функции исполняет мое существо?

— Мы не знаем. Когда М'мрм'млрр второй раз вошел в твой мозг, он подготовился к встрече. Видишь ли, это существо до некоторой степени обладает телепатическими способностями. Вполне достаточными, чтобы в идеальных условиях нашего корабля оно смогло переводить тебе мой разговор с Чарвом. Мне сказали, что это может привести к дополнительным осложнениям — судя по всему, так и произошло. Тем

не менее, доктор М'мрм'млрр сумел справиться с этим существом, многое узнав о нем в процессе, и теперь мы имеем представление о том, как с ним бороться. Затем доктор занялся анализом твоих воспоминаний, которые касались этого явления, благодаря чему мы сумели выбрать оптимальную стратегию борьбы. Доктор М'мрм'млрр будет удерживать существо в некоем ментальном стасисе, пока мы не подготовимся к общению с ним.

— Подготовитесь? Как? О чем ты говоришь?

— Скоро узнаешь. Все это связано, однако, с природой самого существа. В свете открытий М'мрм'млрра Пол сумел выработать ряд идей, которые объясняют происшедшее и предлагают способы решения нашей проблемы.

Пол воспользовался последовавшей паузой и заявил:

— Да. Представь себе следующую картину: у тебя или в тебе имеется синтетическая форма жизни, которая, как мне представляется, может включаться и выключаться посредством изометрических отображений. Случай «включения» характеризуется левонаправленными жизненными функциями. Это, как ты знаешь, есть нормальная форма аминокислот здесь, на Земле; их называют Л-аминокислоты. Преврати их в

их стереоизомер — получится Д-аминокислоты — и в случае звездного камня это соответствует позиции «выключения».

Когда я изучал камень, оптические эксперименты показали, что имеет место правосторонняя ситуация. «Выключено». Ладно. Тогда я не обратил на это особого внимания, но теперь-то мы знаем намного больше. Нам известно, что ты сильно выпил в ту ночь, когда твоя кровь попала на камень. Кроме того, мы знаем, что алкоголь, полученный из зерна, имеет симметричную молекулу и что если он сможет вступить в реакцию с неким веществом, находящимся в одном изометрическом состоянии, то возможна реакция и с другим изомером. Недостаток ли это конструкции или сознательно запрограммированная способность, пока нам неизвестно. М'мрм'млрр выяснил, что звездный камень лучше вступает с тобой в контакт при наличии молекулы спирта — она как бы стимулирует разговор. Как бы там ни было, тебе удалось в достаточной степени возбудить камень, чтобы он смог частично себя активировать и внедриться в твою кровеносную систему, когда ты порезал руку. После таких усилий существо надолго впало в спячку — ведь ты пьешь не слишком часто. Однако время от

времени оно получало некоторую стимуляцию и пыталось тем или иным способом войти с тобой в контакт. В состав лекарства, которое Рагма использовал, чтобы привести тебя в норму после Австралии, входил этиловый спирт. Той ночью, когда ты пил вместе с Халом, произошел решительный прорыв. Камень знал, что, убедив тебя реверсироваться в машине Ренниуса, он сможет включиться, хотя с тобой при этом произойдет ряд неприятных изменений. Так оно и случилось. Теперь необычное существо, находясь внутри тебя, функционирует вполне нормально, однако, если верить Рагме, твое здоровье находится в опасности. Нам следует отобразить тебя обратно.

— А вы можете?

— Мы думаем, да.

— Но вы до сих пор не знаете, что из себя представляет звездный камень?

— Это сложная живая машина неизвестного назначения, которая обманом заманила тебя в очень опасную ситуацию. Кроме того, у нее есть явное предрасположение к математике.

— Значит, это что-то вроде компьютера?

— М'мрм'млрр так не думает. Он считает, что это лишь вторичная функция.

— Интересно, почему после того, как я его

включил, камень больше не входил со мной в контакт?

— По-видимому, барьер между вами по-прежнему существует.

— Какой барьер?

— Тут все дело в стереоизомерах. Только на этот раз реверсирован ты. А кроме того, звездный камень получил то, что хотел.

— Надо все-таки отдать ему должное, — вмешался Рагма. — Одну вещь камень для Фреда сделал.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— В госпитале мне не пришлось пускать свою машину в ход, — сказал Рагма. — Когда я снял бинты, оказалось, что ты совершенно выздоровел. Очевидно, твой паразит об этом позаботился.

— Тогда мне представляется, что он пытается быть скромным парнишкой.

— Ну, если с тобой что-нибудь случится…

— Это уж точно. А что ты имел в виду, когда сказал о вторичных эффектах реверсирования?

— Я совсем не уверен, что твой «парнишка» понимает, к чему это тебя может привести.

— Мне кажется странным, что, когда он и М'мрм'млрр вошли в контакт, мой приятель не попытался объясниться с доктором.

— Ну, на это у него могло не хватить времени, — заметил Рагма. — М'мрм'млрр вынужден был действовать очень быстро, чтобы его заморозить.

— Очередное проявление философии неожиданной атаки? Мне это не кажется особенно честным.

Зазвонил телефон. Трубку взял Пол, и все его ответы были односложными. Разговор продолжался не более минуты. Потом он повесил трубку и повернулся к Рагме.

— Готово.

— Вот и хорошо, — ответил Рагма.

— Что готово? — спросил я.

— Это был Тед, — пояснил Пол. — Он на противоположной стороне улицы. У него есть разрешение — и ключи, — чтобы открыть выставочный зал. Мы все отправляемся туда.

— Меня реверсировать?

— Верно, — сказал Рагма.

— А вы знаете, как это делать? — спросил я. — У этой машины есть несколько режимов работы. Я однажды уже проводил с ней эксперименты. Должен сказать, что количество вариантов вызвало у меня удивление.

— Чарв встретит нас там, — ответил мне Раг-

ма, — у него с собой будет экземпляр руководства по пользованию машиной Ренниуса.

Пол сходил в спальню и вернулся оттуда, толкая перед собой что-то вроде тележки.

— Поможешь мне засунуть сюда этого типа с листьями, Фред? — попросил он.

— Конечно.

Честно говоря, я приблизился к доктору М'мрм'млрру с весьма смешанными чувствами; кроме того, я изо всех сил старался избежать попадания мерзкой слизи на мою одежду.

Когда мы везли доктора через вестибюль, а потом по улице, отражение неоновой вывески, казалось, моргая, спрашивало меня: «ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ МОЙ ЗАПАХ, ДЕД»?

— Да, — задыхаясь, пробормотал я. — Скажи, что мне делать.

— Наш Снарк — Буджум, — донесся до меня чей-то шепот, когда мы переходили улицу[16].

Оглядевшись по сторонам, я, естественно, никого не заметил.

---

16 Примечания: 16

«…Снарки, в общем, безвредны, но есть среди них… (Тут оратор немного смутился) …есть и Буджумы». — Льюис Кэррол «Охота на Снарка», пер. Г. Кружкова.

11

Я не почувствовал ничего, хотя Рагма сказал мне, что происходит процесс освобождения. Чарв кружил возле машины Ренниуса, временами поглядывая в руководство, которое он держал у себя в сумке, и нажимая на какие-то кнопки. Дело было совсем не в том, что я нервничал. А с другой стороны, вполне возможно, что как раз этим все и объяснялось.

Надрез на моей левой руке немного болел, хотя совсем не сильно. Рагма хотел избежать введения дополнительных химических препаратов, поскольку никто не знал, какое воздействие они могут оказать в данном случае, что было в достаточной степени разумно, мне даже частично удалось установить контроль за физиологическим состоянием своего организма. Сейчас моя левая рука лежала на гостиничном полотенце, которое совсем недавно еще было белоснежным, но довольно быстро теряло свое первоначальное состояние, особенно в том месте, где Рагма, предварительно обработав кожу спиртом, сделал надрез и ввел туда еще немного алкоголя. Я си-

дел на вращающемся кресле, принадлежавшем одному из охранников, которого мы отпустили, и старался не думать об извлечении звездного камня из своего тела. Дело идет. Взглянув на лица Пола и Надлера, я убедился в этом окончательно.

Устроившись рядом с машиной Ренниуса, доктор М'мрм'млрр раскачивался и пытался сосредоточиться — чем еще он мог там заниматься? — ведь от него зависело очень многое. С неба к нам в окна заглядывала луна. В зале было холодно, как в склепе, и даже самый незначительный звук превращался эхом в оглушительный грохот.

Я не был до конца уверен в том, что мы поступали правильно. Однако, с другой стороны, уверенности в обратном у меня тоже не было. Тут и речи не могло быть об обмане друга, или предательстве, или о чем-нибудь вроде этого, поскольку мой гость был незваным. Впрочем, он ведь получил то, что хотел, — иными словами, я же сам его включил.

И тем не менее меня не оставляла мысль о том, что именно он сообщил мне о законе, в котором я нуждался в тот момент, когда нужно было помешать Рагме и Чарву увести меня на другую планету. А еще он меня вылечил. И обещал мне все объяснить.

Однако мой метаболизм поневоле имел для меня большое значение, а то, что со мной произошло в автобусе и в больнице, когда камень помешал рассказать о нем Рагме, совсем мне не нравилось. Впрочем, теперь думать об этом было поздно, да и бессмысленно. Я ждал.

Наш Снарк — Буджум!

И вот, опять, на этот раз с отчаянием — на дальней стене появились огромные зубы в обрамлении изогнутых кроваво-красных губ. Изображение начало расплываться, расплылось… исчезло.

— Он у нас! — воскликнул Рагма и наложил мне на руку кусок бинта. — Придержи его немножко.

— Хорошо.

Только теперь я осмелился повернуть голову.

Звездный камень лежал на полотенце. Он выглядел не совсем так, как я его запомнил, форма немного изменилась, а цвета показались мне более яркими — они почти пульсировали.

Наш Снарк — Буджум. Это могло быть чем угодно: начиная от искаженной мольбы о понимании до скрытого предупреждения осе, которая должна опасаться цветов определенного вида. Я бы многое отдал, чтобы разгадать нашептанную шараду.

— Ну и что вы теперь с ним будете делать? — спросил я.

— Отправим в надежное место, — ответил Рагма, — только сначала немножко исправим тебя. А уж что с ним делать, решать вашей Организации Объединенных Наций, поскольку в данный момент камень находится на хранении у землян. Тем не менее отчет о нашем открытии будет распространен среди других миров, которые являются членами содружества, и, полагаю, ваши власти станут действовать в соответствии с их рекомендациями в том, что касается наблюдения и изучения камня.

— Думаю, ты прав, — сказал я и потянулся за камнем.

— Вот, вот, молодец, — услышал я знакомый голос с другого конца зала. — Осторожно, осторожно! Заверни его, пожалуйста, в полотенце. Я буду очень сильно огорчен, если камень поцарапается.

Зимейстер и Баклер вошли в зал и наставили на нас пистолеты. Ухмыляющийся Джеми остался охранять входную дверь, а Мортон, который выглядел ужасно довольным собой, приближался к нам.

— Оказывается, вот где ты его спрятал, Фред, —

проговорил он. — Хитроумный трюк.

Я ничего не ответил, только медленно поднялся на ноги, при этом в голове у меня была только одна мысль — из этого положения я смогу двигаться быстрее.

Зимейстер покачал головой:

— Не беспокойся. На этот раз ты в полной безопасности, Фред. Здесь никому ничто не угрожает. Если я, конечно, получу камень.

Я с надеждой подумал, не сможет ли М'мрм'млрр добраться телепатическим образом до мозга Зимейстера и уничтожить его — это было бы достойным вкладом в обеспечение спокойствия в наших краях.

Похоже, мое предложение было принято как раз в тот момент, когда Зимейстер подошел ко мне и взял камень в руку. Потому что он взвыл и начал конвульсивно дергаться.

Я же схватил его пистолет. Джеми находился достаточно далеко, чтобы мне помешать.

Прежде чем я вырвал пистолет из рук Зимейстера, он успел дважды выстрелить. Мне не удалось его удержать, потому что бандит нанес мне удар в живот, а потом апперкотом сбил с ног. Оружие отлетело куда-то под платформу, на которой стояла машина Ренниуса.

Зимейстер лягнул Рагму, выбравшего именно этот момент, чтобы напасть на него. По-прежнему сжимая камень в руке, он вытащил длинный сверкающий нож откуда-то из рукава, а потом открыл рот, чтобы крикнуть что-то Джеми, но замолк на полуслове.

Я посмотрел в ту же сторону, чтобы разобраться в происходящем, и решил, что меня посетила очередная галлюцинация.

Оружие Джеми лежало в полудюжине шагов у него за спиной, а сам он стоял, потирая запястье, удивленно разглядывая человека с аккуратной бородкой и улыбкой на лице, человека, который держал одну руку в кармане, а другой вращал ирландскую дубинку.

— Я тебя убью, — угрюмо сказал Джеми.

— Нет, Джеми! Нет! — крикнул Зимейстер. — Не приближайся к нему, Джеми! Беги!

Сам Зимейстер начал отступать, остановившись только чтобы полоснуть по одному из щупальцев М'мрм'млрра, словно понимая, что именно тот был источником его страданий.

— Да он ничего из себя не представляет! — презрительно бросил Джеми.

— Это же капитан Ал! — крикнул Зимейстер. — Беги, кретин!

Но Джеми решил попробовать хук.

Зрелище получилось поучительное и почти наглядное. Я сказал: «почти», потому что дубинка двигалась так быстро, что ее невозможно было разглядеть. Поэтому я не могу с уверенностью сказать, сколько раз и в каких местах она коснулась Баклера. Казалось, прошло всего лишь одно мгновение после того, как Джеми попытался нанести свой удар, и вот он уже лежит на полу.

Затем, продолжая вращать дубинкой, небрежно, я бы даже сказал, весело, галлюцинация прошла мимо распростертого тела Джеми и двинулась к Зимейстеру.

Не сводя глаз с приближающейся фигуры, Зимейстер отступал все дальше, низко держа перед собой нож.

— Я думал, ты давно умер, — наконец проговорил Морти.

— Очевидно, ты ошибся, — последовал ответ.

— А какой у тебя интерес к этому делу?

— Ты попытался убить Фреда Кассиди, — заявила галлюцинация, — а я вложил немало денег в образование этого парня.

— Я не связал его имя с твоим, — пробормотал Зимейстер. — И, кстати, не собирался причинить ему никакого вреда.

— Ну, у меня по этому поводу имеется другая информация.

Зимейстер тем временем пятился, прошел сквозь воротики в ограждении и остановился только, когда вращающаяся платформа машины Ренниуса коснулась его икр. Тогда он резко повернулся и ударил ножом Чарва, который приближался к нему, размахивая гаечным ключом. Чарв заблеял и соскочил с платформы на пол рядом с М'мрм'млрром и Надлером.

— Что ты собираешься делать, Ал? — осведомился Зимейстер, поворачиваясь к своему противнику.

Ответа не последовало, галлюцинация продолжала наступать, вращать дубинкой и улыбаться.

В самый последний момент, до того как оказаться в пределах досягаемости ирландской дубинки, Зимейстер бросился назад. Поставив одну ногу на платформу, он подпрыгнул, повернулся и сделал два быстрых шага по платформе. Однако он не учел скорости вращения и столкнулся с центральной частью машины, которая отдаленно напоминала широкую ладонь великана, собравшегося хорошенько почесаться.

По инерции он проскочил вперед, споткнулся и упал на ленту. Нож и завернутый в полотенце

звездный камень, выпали из его рук на пол, а сам Зимейстер проскользнул в туннель. Его вопль прервался на середине так неожиданно, что я поспешил отвернуться — и все равно не успел.

Очевидно, машина Ренниуса вывернула его наизнанку. Вследствие чего все они оказались на полу. Кроме того, органы были реверсированы.

Содержимое моего желудка решительно попросилось на свободу; звуки, которые начали раздаваться вокруг меня, лишь способствовали тому, что я пошел навстречу своему несчастному организму. Как я уже говорил, мне удалось отвести взгляд. Но я немного опоздал. Кажется, Чарв первым пришел в себя и набросил чье-то пальто на останки Зимейстера в том месте, где они свалились с ленты мобилятора. Только после этого к Рагме вернулась его обычная практичность, и он истерически закричал:

— Камень! Где камень?

Сквозь навернувшиеся на глаза слезы я начал искать камень, но тут заметил бегущего Пола Байлера, который прижимал к груди окровавленное полотенце.

— Дурак с писаной торбой, — радостно взвыл он, — навсегда останется веселым дураком! — И выскочил из двери.

Началась ужасающая неразбериха.

Моя галлюцинация в последний раз крутанула своей дубинкой, повернулась, кивнула мне и направилась в нашу сторону. Я поднялся на ноги, кивнул в ответ и с некоторым трудом выдавил из себя улыбку.

— Фред, мой мальчик, ты подрос, — заявил мой дядя Ал. — Я слышал, ты получил диплом и солидную должность. Мои поздравления!

— Спасибо, — сказал я.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Оказывается, я совсем не искушенный в делах простофиля, потому что и представить себе не мог, в чем заключался твой бизнес по импорту-экспорту.

Дядя Ал захихикал и обнял меня.

— Ну, приятель. Ну, ну, — сказал он и снова отодвинул меня на длину вытянутой руки. — Дай-ка я на тебя погляжу. Значит, вон каким ты стал? Могло быть гораздо хуже, гораздо хуже.

— Байлер забрал камень! — визжал Чарв.

— Человек, который только что отсюда выбежал… — начал я.

— …не уйдет далеко, дружок. Снаружи находится Френчи, он остановит каждого, кто попытается покинуть это помещение с неприличной поспеш-

ностью. По правде говоря, если ты хорошенько прислушаешься, ты услышишь стук копыт по мрамору.

Я прислушался и услышал. А еще до моих ушей донесся поток непристойной брани и шум борьбы.

— Кто вы такой, сэр? — поинтересовался Рагма, поднимаясь на задние ноги и подходя поближе.

— Это мой дядя Альберт, — ответил я ему, — человек, благодаря которому я получил образование. Альберт Кассиди.

Дядя Альберт внимательно смотрел на Рагму и слушал мои объяснения.

— Это Рагма. Он переодетый инопланетный полицейский. Его партнера зовут Чарв. Он кенгуру.

Дядя Ал кивнул.

— Искусство переодевания достигло необычайных высот, — заметил он. — Как вам это удается?

— Мы же инопланетяне, — пояснил Рагма.

— Понятно. Вам придется извинить меня за то, что я несколько невежественен в этих вопросах. В течение многих лет, по определенным причинам, моя кровь походила на ледяной бульон, а я был лишен возможности двигаться и чувствовать. Вы друг Фреда?

— Пытаюсь им стать, — ответил Рагма.

— Рад это слышать, — улыбаясь, ответил дядя Ал, — потому что, если бы вы прибыли сюда, чтобы причинить моему мальчику вред, я не посмотрел бы, что вы инопланетянин, и тогда никакой в мире чеширский сыр не помог бы вам спасти свою шкуру. Фред, а как насчет всех остальных?

Однако я ничего ему не ответил, потому что как раз в этот момент посмотрел вверх и кое-что там увидел — и тогда в моем сознании зазвучала увертюра «1812 год», появились дымовые сигналы, замигали семафоры и одновременно вспыхнули разноцветные фейерверки.

— Улыбка! — закричал я и помчался к двери в задней части зала.

Я еще ни разу не проходил через эту дверь, зато лазал по крыше выставочного зала — правда, до того, как отобразился в машине Ренниуса. Этого было вполне достаточно, чтобы разобраться в происходящем.

Я проскочил в дверь и помчался по узкому коридору. Как только появилась возможность, свернул налево. Десять быстрых шагов, еще один поворот, и справа я увидел лестницу. Перепрыгивая через две ступеньки, я бросился наверх.

Как все сложилось в единую картину, не знаю.

Но я был уверен, что не ошибся.

Выскочив на площадку, я повернулся и помчался дальше. Я уже видел конец.

Последний лестничный пролет с дверью наверху, на площадке с маленькими зарешеченными окошками. Я надеялся, что дверь открывается изнутри, без ключа — повернешь ручку, и все, — потому что мне понадобилось бы немало времени, чтобы выбить стекла и выломать решетки, если я вообще был в состоянии это сделать. Поднимаясь вверх, я оглядывался по сторонам в надежде найти какие-нибудь подходящие инструменты.

И действительно нашел какие-то железки, которые вполне могли бы подойти для этих целей, — никому, похоже, не пришло в голову, что кто-нибудь захочет взламывать дверь, чтобы выбраться отсюда. Впрочем, оказалось, что инструменты мне не понадобятся, потому что стоило мне нажать на ручку и с силой надавить, дверь сразу подалась.

Это была тяжелая, медленно открывающаяся дверь, но когда мне наконец удалось ее распахнуть, я понял, что напал на след чего-то очень важного. Оказавшись в полной темноте, я попытался расположить трубы, кучи мусора, крышки

люков и тени так, как я их помнил по своему предыдущему посещению этих мест. Где-то среди всего этого хлама, под звездами, луной и небом Манхэттена было одно местечко, которое очень меня интересовало. Ситуация могла обернуться против меня, но я не терял времени. Если моя догадка верна, есть шанс…

Сделав глубокий вдох, я огляделся по сторонам. Медленно обошел маленькую будочку на крыше, стараясь держаться к ней спиной, внимательно вглядываясь в темноту, в каждое пятно и углубление на крыше и на карнизах. Почти как в поговорке — только я находился не в угольном сарае и полночь уже давно миновала.

Похоже, тот, кого я искал, имел передо мной некоторые преимущества. Тем не менее во мне росла уверенность в собственной правоте, а вместе с этой уверенностью росло и упрямое желание: *догнать*. Я окажусь терпеливее его, если он сидит где-то в тени и ждет, когда я уйду. А если он бросится бежать, я последую за ним.

— Мне известно, что ты здесь, — произнес я вслух, — и что ты меня слышишь. Пора подвести итоги, поскольку мы зашли слишком далеко. Готов ты сдаться и ответить на наши вопросы? Или намереваешься усложнить и без того непростую

ситуацию?

Ответа не было. Я так и не сумел увидеть того, что рассчитывал увидеть.

— Ну? Я жду. И буду ждать столько, сколько нужно. Не сомневаюсь, что ты нарушаешь закон — твой закон. Я совершенно в этом уверен. Наверняка должен существовать закон, запрещающий подобную деятельность. Мне неизвестно, что заставляет тебя вести себя именно так, а не иначе, но сейчас это не имеет особого значения. Наверное, я должен был раньше обо всем догадаться, но я еще не слишком хорошо разбираюсь в разнообразии форм инопланетной жизни. Поэтому ты довольно много успел сделать. Там, в летнем домике? Да, именно там я и должен был сообразить, когда приехал в домик во второй раз. Мы, вероятно, встречались раньше, и даже не один раз, но я думаю, меня можно простить за то, что я не придал значения этим встречам. А в ту ночь, когда я проверял, как работает машина… Ты готов выйти из своего угла? Нет? Ну хорошо. Думаю, ты обладаешь телепатическими способностями и в словах нет никакой необходимости, потому что я не видел, чтобы ты говорил что-нибудь Зимейстеру. Впрочем, я хочу быть абсолютно уверен в том, что ты меня слышишь, поэтому продолжу.

Я подозреваю, что у тебя есть зеркало или что-то вроде того, как у твоей модели, потому что я видел снизу свет. Тебе придется сидеть с закрытыми глазами или отворачивать от меня голову, иначе я замечу отблески. Впрочем, возможно, ты обладаешь телепатическими способностями? Интересно. Может быть, М'мрм'млрр услышит тебя, если ты ими воспользуешься. Он ведь находится совсем недалеко отсюда. Похоже, ты оказался в невыгодном положении. Ну, что скажешь? Может, проявишь благородство? Или предпочтешь долгую осаду?

По-прежнему тишина. Я не мог позволить сомнениям закрасться в мою душу.

— Ты упрям, не так ли? — продолжал я. — В таком случае получается, что ты немало потеряешь, если мы тебя поймаем. Рагма и Чарв, надо сказать, проиграли, оказавшись так далеко от эпицентра событий. Возможно, им известен какой-нибудь способ облегчить твою участь. Не знаю. Я просто рассуждаю вслух. Впрочем, об этом можно подумать. У меня такое впечатление, что за мной никто не последовал, потому что М'мрм'млрр читает мои мысли и докладывает там, внизу, что у нас с тобой здесь происходит. Они уже, наверное, знают то, о чем я догадался. И что, по правде

говоря, ты сам-то ни в чем не виноват. Я уверен, что до настоящего момента ты не догадывался о разумности звездного камня, в определенном смысле, конечно, и что, когда я его включил, он начал записывать, обрабатывать и сводить в таблицы полученные данные. Ему было нелегко это делать из-за того, что по-прежнему существовал барьер: процесс, включивший его, практически выключил меня, и связь между нами устанавливалась с трудом. Так что он не мог просто взять и доложить мне о своих выводах на твой счет. Впрочем, он все же подсказал мне строчку из Льюиса Кэррола — может быть, заметил ее, когда я был в книжном магазине. Не знаю. Он ведь мог опираться на мои перевернутые воспоминания. Так или иначе, строчка, к сожалению, ничего мне не сказала. Даже когда он предпринял попытку помочь мне во второй раз. Сначала была улыбка. И опять я не понял. Пока дядя Ал не произнес слово «чеширский» — только тогда я поднял голову и увидел силуэт кота на фоне желтой луны. Это ведь ты сбросил сети на Пола Байлера. Зимейстер был твоим человеком. Ты нуждался в помощи местных жителей, а заполучив Морти, ты сделал прекрасный выбор: человек с преступными наклонностями и опытом, продажный и отлично

знакомый с ситуацией. Ты купил его и послал охотиться за камнем. Только у камня на этот счет были свои собственные представления, и мне в самый последний момент удалось понять их. Ты принял обличье черного кота, который не один раз переходил мне дорогу… Знаешь, любопытная мысль: если тут можно зажечь свет, кому-нибудь там, внизу, следует отправиться на поиски щитка. Может быть, они сейчас именно этим и занимаются. Ну как, пойдем вниз или тут подождем? Ведь если загорится свет, я мгновенно тебя найду.

Я был абсолютно уверен в том, что приготовился ко всему, но меня ждал сюрприз. Когда он прыгнул, я вскрикнул и попытался защитить глаза.

Ну и дурак же я! Посмотрел везде, кроме крыши будочки.

Когти вонзились мне в голову, расцарапали лицо. Я попытался оторвать его от себя, но не мог ни за что уцепиться. И тогда, движимый отчаянием, я с силой ударился головой о стену будочки.

Естественно, он предвидел это движение и успел вовремя соскочить, а я чуть не размозжил себе башку.

Я едва стоял на ногах, отчаянно ругался и

крепко держал руками свою бедную голову — некоторое время я был не в состоянии даже думать о преследовании врага. Довольно долгое время…

Наконец, выпрямившись, я стер кровь со лба и щек и снова огляделся по сторонам. На этот раз мне удалось заметить едва уловимое движение.

Он мчался к краю крыши, собираясь перебраться на низкую стенку… Остановился. Оглянулся… Дразнит меня?

Я заметил, как блеснули его глаза.

— Ну тогда получай! — воскликнул я и бросился вперед.

Он повернулся и помчался вдоль стены. Мне показалось, что он двигается слишком быстро, чтобы суметь остановиться возле угла.

Так и получилось.

Я был уверен, что он не справится, но недооценил его способностей.

Свет зажегся как раз в тот момент, когда он взлетел в воздух, и я смог, наконец, его рассмотреть — черный кот с вытянутыми передними лапами. Потом он пропал из виду, видимо, где-то приземлился — я был совершенно уверен в том, что этот кот не обладает девятью жизнями, — заскрежетали когти по крыше.

Бросившись вперед, я увидел, что моему противнику удалось перепрыгнуть на соседнее с выставочным залом строящееся здание — он уже убегал по балке.

Я не остановился.

В прошлое свое посещение этой крыши я выбрал более легкий путь, но сейчас у меня не было времени, и я не мог себе позволить подобную роскошь — по крайней мере, так я сам себе объяснял свои действия потом. Думаю, благодарить за это решение следует мой нахальный спинкой мозг. Или винить.

Я автоматически оценил расстояние, максимально собрался и, толкнувшись в оптимальной точке, прыгнул — мне даже удалось перелететь через невысокое ограждение у края крыши.

Исполняя такие прыжки, я всегда старался беречь голени. Если удар окажется слишком сильным, боль может помешать совершать дальнейшие действия в необходимом порядке. Здесь требовалась очень четкая координация движений — еще одна существенная трудность. В идеале, в момент подъема требуется производить не более одного действия одновременно. В крайнем случае — двух. Если же координировать приходится большее количество движений,

опасность свалиться становится достаточно реальной.

В любой другой ситуации я не стал бы рисковать. Я вообще очень редко прыгаю в случаях, когда надо успеть зацепиться руками. Конечно, совершить такой прыжок можно, но только если есть страховка. И никак иначе. Я никогда раньше не делал таких ставок: все или ничего. Однако…

Я с такой силой оттолкнулся от ограждения, что отдача отозвалась в зубе мудрости. Левой рукой мне удалось поймать вертикальную балку, возле которой я приземлился — Торквемада, окажись он поблизости, одобрил бы все мои действия. Я потерял равновесие и упал вперед, но одновременно меня стало разворачивать влево, ноги соскользнули в сторону, и только выбросив вперед правую руку, я смог удержаться. Подтянувшись на руках, я забрался на балку и выпрямился, стараясь разглядеть своего противника.

Он направлялся к той части платформы, где строительные рабочие хранили свои вещи в бочках и накрытых парусиной кучах. Я стремительно бросился ему наперерез вдоль балок, всякий раз выбирая кратчайший путь, наклоняясь и отпрыгивая в сторону, когда в этом возникала необходимость.

Он заметил мое приближение и, взобравшись на кучу мусора, перескочил на ящик, с которого сумел перебраться на следующий этаж. Я ухватился за горизонтальную перекладину, раскачался, закинул ноги и оказался наверху.

Поднимаясь, я заметил, что мой враг исчез у края платформы, выходящей на следующий этаж. Мне пришлось повторить свои действия.

На следующем этаже я понял, что черного кота не видно. Оставалось только сделать вывод, что он продолжал подниматься все выше и выше. Я последовал за ним.

Через три этажа я заметил его вновь. Он остановился, чтобы посмотреть вниз, стоя на узкой планке, которая служила ступенькой для рабочих, когда лифт поднимался на этот этаж. Свет, идущий снизу, опять попал ему в глаза.

Резкое движение!

Я уцепился за стропила одной рукой, а другую поднял вверх, чтобы защитить голову. Однако моя предосторожность оказалась излишней.

Грохот, скрежет и звон: целое ведро болтов или гаек, сброшенное сверху, пролетело мимо меня, звонкое эхо прокатилось по этажам, пока не смолкло, смолкло, смолкло окончательно.

Я решил поберечь дыхание и воздержался от

ругани — ведь мне еще предстояло продолжить восхождение.

Холодный ветер начал хватать меня за одежду, когда я снова полез вверх. Бросив взгляд назад и вниз, я разглядел на освещенной крыше соседнего дома несколько фигур с поднятыми головами. Мне трудно было представить, какую картину они лицезрели.

К тому времени, когда я добрался до места, откуда свалилось ведро с железками, объект моего преследования находился двумя этажами выше, остановившись, видимо, для того, чтобы перевести дух. Теперь я все прекрасно видел, потому что на этих платформах почти ничего не лежало, мы попали в царство жестких прямых линий и холодных четких углов, таких же классических и лаконичных, как теоремы Евклида.

По мере того как я поднимался выше, ветер набирал силу, теперь его порывы сменились постоянным, ровным давлением. Кончиками пальцев, а потом и всем телом я начал ощущать, как ритмично раскачиваются строительные леса. Звуки спящего города слились в один неразличимый шум. Сначала они превратились в храп, затем в легкий гул и, наконец, ветер поглотил их и переварил. Звездный и лунный свет четко

обозначили геометрические конструкции, по которым мы поднимались все выше и выше; поверхности были абсолютно сухими, любой любитель ночных прогулок по крышам может только мечтать о таком везении.

Я упорно продолжал лезть вверх. Нас разделяло два этажа. Потом один.

Он стоял этажом выше меня и смотрел вниз. Дальше лезть было некуда — рабочие не успели больше ничего построить. Поэтому он ждал.

Я остановился и сам посмотрел на него.

— Ну, может быть, хватит? Или будем играть до конца?

Ответа не последовало. Он просто неподвижно стоял и наблюдал за мной.

Я провел рукой по балке, которая находилась рядом со мной и поднималась вверх.

Мой противник стал меньше. Он присел, сжался, напрягся. Словно собирался прыгнуть…

Проклятье! Поднимаясь на последний уровень, в течение нескольких секунд я окажусь полностью в его власти — руки у меня будут заняты, когда я начну подтягиваться.

Однако моему врагу придется сильно рискнуть, если он решится прыгнуть на меня — ведь тогда он окажется в пределах моей досягаемости.

— Думаю, ты блефуешь, — сказал я. — Сейчас я к тебе поднимусь.

Я крепче ухватился за горизонтальную перекладину.

И в этот момент мне в голову пришла неожиданная мысль — такие туда не часто забредали: «А что, если ты упадешь?»

Я заколебался — настолько необычной показалась мне эта идея. Подобные возможности в нашей среде просто не принято принимать в расчет. Конечно, я знал, что это может произойти. Более того, несколько раз так и было — с разными результатами. Однако такого рода размышлениями не следует забивать себе голову.

А до низа так далеко.

«Тебя никогда не интересовало, о чем ты подумаешь в последний раз… перед тем как свет навсегда померкнет?»

Я полагаю, что об этом так или иначе задумывался каждый. Тем не менее задерживаться на этой мысли не стоит, ее вообще можно рассматривать как некий симптом, который необходимо положить на алтарь вменяемости. Но…

«Посмотри вниз. Далеко? Насколько далеко? Интересно, что ты почувствуешь, если упадешь? У тебя не возникло щекочущего ощущения в

запястьях, ладонях, ногах, щиколотках?»

Конечно. Но ведь…

Головокружение! Меня окатывало с ног до головы. Снова и снова. До сих пор я ничего подобного не испытывал.

Впрочем, я быстро понял, что было источником моего неприятного состояния. Только полный идиот не сообразил бы. Мой мохнатый маленький враг посылал мне это ощущение, пытаясь — и небезуспешно — создать во мне боязнь высоты.

Некоторые вещи должны выходить за грань физических явлений — по крайней мере, мистицизм, являющийся единственной известной мне религией, который настоятельно убеждает меня в том, что не так просто превратить ненависть в любовь, страсть в страх, победить волю к жизни мгновенным иррациональным воздействием.

Я с силой ударил кулаком по перекладине и прикусил губу. Я был напуган. Я, Фред Кассиди, боялся залезть наверх!

«Падение, падение… Совсем не как листок или клочок бумаги на ветру, а головокружительное падение тяжелого тела… Помешают, может быть, только прутья нашей клетки… Кровавый отпечаток здесь, там… Лишь эта мысль будет доступна тебе на пути вниз… Ты будешь похож на своих не

столь далеких предков, которые с ужасом цеплялись за деревья, и все равно падали…»

Именно тогда я его и увидел. В этот момент он дал мне то, что я искал, стараясь не поддаться на его уловки: предмет, на котором я мог бы сосредоточить все свое внимание.

Мой враг начал свысока рассуждать о человеческой расе. Сибла вызвал у меня раздражение, когда мы с ним встретились в квартире Мерими, потому что высказывал похожие мысли. Это было как раз то, что надо.

И тогда я позволил себе как следует разозлиться. Я даже поощрял в себе это состояние.

— Ну хорошо, — сказал я. — Те же самые предки просто обожали поднимать в воздух типов вроде тебя, держа их за лапы — так, смеха ради — чтобы проверить, всегда ли вы удачно приземляетесь, если подкинуть вас в воздух. Это очень старая игра. Правда, в нее уже давно как следует никто не играл. Я намереваюсь ее возродить, в память о моих прародителях. Смотри на веселого антропоида, опасайся его кривых неловких пальцев!

Я ухватился за перекладину и подтянулся.

Черный кот отпрянул, остановился, сделал шаг вперед, снова остановился.

Я почувствовал, как меня охватывает радост-

ное возбуждение, когда увидел, что мой враг в нерешительности, я ликовал, что сумел заставить его прекратить воздействие на мой мозг. Когда я добрался до платформы, на которой он стоял, я опустил голову пониже, а руки расставил на перекладине как можно шире, так, что даже, если бы в одну из них вонзились острые когти, другой было бы достаточно для того, чтобы удержать меня.

Мой враг сделал вид, что собирается напасть, потом явно передумал, отвернулся и побежал.

А я подтянулся и выпрямился.

Я наблюдал за тем, как он удирал от меня и вскоре оказался на противоположной стороне стальной площадки, на которой мы находились. Я пододвинулся к ближайшему ко мне углу, а он отбежал к самому дальнему.

Тогда я двинулся по одному краю площадки, он — по другому.

Я остановился. И он остановился. Мы не сводили друг с друга глаз.

— Отлично, — проговорил я, доставая сигарету и прикуривая. — Ты тянешь время, и проигрываешь — тебе должно быть это известно. Ребята там, внизу, не сидят сложа руки. Они вызвали подмогу. Все пути вниз будут очень скоро перекрыты.

Могу побиться об заклад, что через несколько минут к нам сюда прилетит вертолет с оружием, которое снабжено приборами ночного видения. Я всегда считал, что лучше сдаться, чем оказывать сопротивление при аресте, в случае, если у тебя неприятности. Я являюсь официальным представителем государственного департамента моей страны и Организации Объединенных Наций. Выбирай, что тебе больше нравится…

«Хорошо, — промелькнуло у меня в голове. — Я сдамся тебе, как представителю государственного департамента».

Он двинулся к ближайшему углу, повернул и ровным шагом начал приближаться ко мне. Я отвернулся и направился к тому углу, от которого только что отошел. Он добрался туда раньше меня, завернул за угол и продолжал двигаться в мою сторону.

— Остановись, — приказал я. — Ты арестован.

Однако он не только не остановился, он бросился ко мне, наполнив мое сознание образами, которые, облаченные в слова, звучали бы примерно так:

| пристало | | зубами |
Более | | умереть с | |

| благородно | | когтями |

| в | | глотке | | гнезда |
| | | | врага | тотема | !
| у | | сердца | | цивилизации |

Умри же, разоритель гнезд!

Я выбросил руку вперед в тот момент, когда кот прыгнул, и, поскольку у меня не было никакого другого оружия, сунул ему в морду свою сигарету.

Он извернулся и попытался ударить по ней лапой еще до того, как взлетел в воздух. А я отшатнулся и одновременно присел, подняв руки вверх, чтобы сохранить равновесие и прикрыть лицо и голову.

Он ударил меня, но даже не сумел вцепиться в глотку, а, коснувшись моего левого плеча, разодрал когтями мне руку и бок. А потом упал.

У меня пронеслась естественная мысль: надо восстановить равновесие, спасти эту мерзкую тварь — ради того, чтобы получить какую-нибудь информацию — развернулся направо, перенес вес на левую ногу, выбросил вперед руку, схватил — не слишком сильно! — остановка — дернул, потянул…

Ага, поймал! Я держал его за хвост! Но…

Короткое сопротивление, звук разрываемой ткани, новое движение…

Я держал в руках жесткий, черный, искусственный хвост с остатками какой-то, напоминавшей резину, ткани. А еще я успел заметить, как в том месте, где освещение было более ярким, промелькнула маленькая темная тень. Вряд ли ему удалось приземлиться на лапы.

12

Время.

Фрагменты, обрывки, кусочки… Время.

Богоявление во Тьме и Сиянии. Сценарий в зеленых, золотых, пурпурных и серых тонах…

Сумерки. Какой-то человек. Взбирается на высокую Башню Чезлерей в местечке Ардель, на берегу моря, название которого он пока еще не может произнести. Темное, словно виноградный сок, море, искрящееся кьянти, игра светотени, рожденная сиянием далеких звезд и лучами Канис Вибеспер — светила, которое вот-вот спрячется за горизонтом и на другом континенте настанет утро, а легкий бриз с полей овевает соединенные между собой балконы, башенки, стены и тротуары города, он дарит теплый аромат земли своему старому, холодному приятелю…

Цепляясь за уступы зеленого камня, карабкаясь по обращенной к морю стороне башни, человек решил поспорить со спешащим на покой днем, уносящимся все выше и выше. Вот он наклонился, приготовился к прыжку. Прежде чем покинуть эти края, солнце касается своими призрачными

лучами Башни Чезлерей, и тогда на ее вершину опускается золотое покрывало уходящего дня. Как только солнце собралось на покой, человек пустился в путь, начав его от самого подножия башни, стремясь не опоздать к тому моменту, когда ночь опустится на город.

Он соревнуется с тенями — его собственная, словно чернильно-черный плащ, окутывает тело, руки мечутся в темноте, точно напуганные рыбки. Где-то в хрустальной вышине, над головой человека, ночь без устали чеканит ослепительные звезды. Он начал задыхаться, а золотое пятнышко света на шпиле Башни стало совсем крошечным.

Но крошечный осколок золотого света медлит, замер на зеленом камне, и наш человек спешит вперед, обгоняя свою тень… Сияние на мгновение померкло и снова вспыхнуло.

Человек ухватился за парапет, подтянулся — так пловец выходит из воды на сушу.

Он поднимается на ноги и смотрит в сторону моря, в сторону света. Да…

Он успевает ухватить последний луч светила, спешащего на покой. И смотрит на него всего одно короткое мгновение.

А потом устраивается поудобнее на камне и

принимается любоваться многообразием оттенков ночи, словно видит все это впервые. Он сидит так очень долго, сидит и смотрит…

Конечно же, я его знаю.

Портрет мальчишки с собакой на берегу. Тик-так и прошлые невзгоды. Фрагменты…

— Давай, неси, сюда! Ну, неси же!

— Проклятье, Рагма! Учись, как следует бросать тарелку, если хочешь играть! Мне надоело за ней бегать!

Он захихикал. А я отыскал тарелку и бросил, но он снова отправил ее в прибрежные кусты.

— Ну, все! — заявил я. — Конец. Это бесполезно. Ты прекрасно ловишь, а вот бросать совсем не тянешь.

Я повернулся и направился к воде. Через несколько мгновений я услышал пыхтение — Рагма уже был рядом.

— У нас есть похожая игра, — сказал он. — В нее у меня тоже не очень получалось.

Мы смотрели, как пенятся у наших ног зелено-серые волны, набегают, а потом с шипением откатывают прочь.

— Дай сигарету, — попросил Рагма.

Я дал ему сигарету и прикурил сам.

— Если я расскажу тебе то, что тебя интересует,

я нарушу секретность, — сообщил он мне.

Я промолчал, потому что уже давно это понял.

— Но я все равно тебе расскажу. Без подробностей. В общих чертах. Я собираюсь проверить степень собственного благоразумия. По правде говоря, это не такой уж и секрет, а теперь, когда вы, земляне, начинаете путешествовать на другие миры, вы рано или поздно все узнаете. Предпочитаю, чтобы ты услышал это от друга. Ибо, надеюсь, тогда тебе будет легче принять решение по поводу того предложения, которое тебе было сделано. Мне кажется, ты имеешь на это полное право.

— Мой чеширский котик… — начал я.

— Был виллоухимом, — проговорил Рагма, — представителем одной из самых могущественных культур Галактики. Конкуренция между различными расами, составляющими цивилизации, всегда была особенно острой в вопросах торговли и эксплуатации новых миров. Существуют сильные культуры, и мощные блоки, и — скажем, развивающиеся миры? — вроде вашего, совсем недавно подошедшие к порогу большой Вселенной. Возможно, наступит день, когда Земля станет членом нашего Совета и получит в нем право голоса. Как ты считаешь, вы будете сильны?

— Ни капельки, — ответил я.

— А как принято поступать в подобных случаях?

— Заключать сделки, искать союзников и тех, у кого такие же проблемы и схожие интересы.

— Вы сможете заключить соглашение о сотрудничестве с одним из могущественных блоков. Они сделают для вас много хорошего в обмен на вашу поддержку.

— И возникнет опасность стать марионеткой в чужих руках. Потерять больше, чем получить взамен.

— Возможно, ты прав, а может быть, и нет. Предвидеть такие вещи невозможно. С другой стороны, не исключено, что объединитесь с какой-нибудь другой слабой группировкой, находящейся, как ты сказал, в положении, похожем на ваше. В этом тоже есть определенная опасность, естественно, но ведь все совсем не так просто и однозначно. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Может быть. А много существует… развивающихся миров… вроде нашего?

— Да, — ответил Рагма. — Целая куча. Новые миры продолжают все время появляться. Это очень хорошо — для всех. Нам просто необходимо разнообразие рас и культур — потому что это раз-

ные взгляды и совершенно уникальные подходы к решению проблем, которые без устали ставит перед нами жизнь.

— Значит ли это, что определенное количество новых миров объединяются, чтобы решить свои основные проблемы?

— Значит.

— А они обладают достаточным весом, чтобы оказывать влияние на Совет?

— Все к этому идет.

— Понятно, — проговорил я.

— Да. Некоторые более старые и влиятельные расы не имели бы ничего против ограничения этого влияния. Уменьшение числа молодых миров — один из возможных способов добиться этой цели.

— Если бы мы опозорились с одним из артефактов, нас бы исключили навсегда?

— Навсегда — нет. Вы же существуете. И находитесь на достаточном уровне развития. Вас бы признали рано или поздно, даже несмотря на промахи, совершенные вами в самом начале. И все же репутация землян оказалась бы запятнанной, так что ваше вступление в Совет было бы отложено на неопределенный срок. Я думаю, на довольно солидный срок.

— Ты с самого начала подозревал, что в нашем деле замешаны виллоухимы?..

— Я подозревал одну из могущественных рас. Это не единственный случай подобного рода — именно поэтому мы присматриваем за новичками. Вы же сами облегчили им задачу — предоставили ситуацию, которой они смогли воспользоваться в своих целях. Впрочем, по правде говоря, я ошибся на предмет того, кто стоял за всем этим. Я все понял, только когда Спейкусу наконец удалось пробиться к тебе, и ты стал преследовать виллоухима. Теперь это уже не имеет принципиального значения. Если бы мы представили им улики и потребовали объяснений — а мы не будем этого делать, — виллоухимы, естественно, заявили бы, что их агент не являлся их агентом, а был всего лишь неуравновешенной личностью, действовавшей по собственному усмотрению, и принесли бы свои извинения всем заинтересованным сторонам за причиненные неудобства. Нет. Они, вне всякого сомнения, поняли, что потерпели поражение. В этом смысле мы их обезвредили. Они знают, что мы следим за порядком и что вы тоже настороже — по крайней мере, официальным лицам все известно. Сомневаюсь, что вам придется столкнуться с

чем-нибудь подобным в ближайшее время.

— Думаю, следующим их шагом будет подношение подарков.

— Вполне возможно. Впрочем, должен заметить, что теперь вас просветили на предмет подобных действий. К вам будут обращаться и другие — в надежде получить поддержку. Совсем несложно сравнить разные предложения.

— Итак, все возвращается к наполненной дымом комнате…

— Или метаном. Или много чем еще, — ответил Рагма. — Только я не совсем понимаю…

— Политика. Она ведь напоминает дымовую завесу.

— А, да. Один из основных законов жизни.

— Рагма, я хотел бы задать тебе личный вопрос.

— Имеешь право. Если он окажется слишком для меня неприятным, я просто на него не отвечу.

— В таком случае скажи, пожалуйста, а как ты охарактеризуешь свою собственную культуру, расу, народ — ну, как там ученые твоей планеты называют вашу социальную группу, ты же понимаешь, что и имею в виду — с точки зрения галактических цивилизаций.

— Ну, мы сами назвали бы себя достаточно практичными, деловыми, спокойнокровными…

— Хладнокровными, — поправил я.

— Вот именно. А еще мы — идеалисты, творческие личности, обладающие развитой культурой…

Я кашлянул.

— …и огромным потенциалом, — заявил Рагма. — Мы, словно юноши, жизнелюбивы и умеем мечтать.

— Спасибо.

Мы повернули и пошли вдоль полосы прибоя, все время стараясь оставаться вне пределов досягаемости волн.

— Ты обдумал предложение, которое тебе было сделано? — наконец спросил меня Рагма.

— Да, — ответил я.

— Принял решение?

— Еще нет. Я хочу ненадолго уехать, чтобы хорошенько раскинуть мозгами.

— Тебе известно, сколько тебе на это понадобится времени?

— Нет.

— Так, так. Ты, естественно, немедленно сообщишь нам о своем решении…

— Конечно.

Мы прошли мимо выгоревшей надписи «КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО», и я пустился в размышления на тему о том, что совсем недавно эта надпись выглядела бы для меня вот так: «ОНЕЩЕРПАЗ ЯСЬТАПУК». Все мои шрамы вернулись на прежние места, а сигареты вновь имели привычный вкус, но я решил, что мне будет не хватать отображенной версии картошки фри, отвратительных гамбургеров, несвежих салатов и кофе, что подают в студенческом Союзе. Но больше всего меня будет преследовать вкус вывернутого наизнанку спиртного, из которого получался такой специфический, ни на что не похожий, таинственный и волшебный напиток — мне каждый раз казалось, что легкий ветерок переносит меня в сказочную страну…

— Наверное, пора возвращаться в город, — произнес Рагма. — Скоро начнется вечеринка у Мерими.

— Точно, — ответил я. — Слушай, скажи мне вот еще что: я сейчас думал об инверсиях, происходящих на молекулярном уровне, но не затрагивающих атомы и субатомы…

— Ты хочешь знать, почему машина Ренниуса не может обеспечивать вас аккуратными порциями антиматерии?

— Ну да.

Рагма пожал плечами:

— Это осуществимо, но в результате теряется много самых разных машин, кроме всего прочего. Да и вообще, ваш экземпляр — довольно старая версия. Мы хотим его сохранить. Это вторая машина подобного рода, построенная во Вселенной.

— А что случилось с первой?

Рагма усмехнулся:

— В ней не было программы выделения частиц.

— А как она работает?

Он покачал головой:

— Есть вещи, которые человеку не полагается знать.

— Сейчас самое подходящее время для подобного заявления.

— Если честно, я сам не понимаю.

— Ясно.

— Пойдем приложимся к выпивке Мерими и к его сигаретам, — повторил Рагма. — Мне ужасно хочется поговорить еще немного с твоим дядей. Знаешь, он ведь предложил мне работу.

— Ну да? Какую?

— У него есть несколько интересных идей по

поводу галактической торговли. Он говорит, что хочет организовать скромный бизнес по импорту-экспорту. Видишь ли, я как раз собирался уйти в отставку, а твоему дяде нужен специалист с моими знаниями. Мы сможем создать что-нибудь просто замечательное.

— Это мой любимый дядя, — заявил я, — и я многим ему обязан. Но кроме того, я являюсь и твоим должником тоже, поэтому считаю необходимым поставить тебя в известность, что у моего дяди, мягко говоря, не совсем безупречная репутация.

Рагма пожал плечами:

— В Галактике достаточно места. Существуют законы и возможности для самых разнообразных занятий. Именно на этот предмет я и должен буду консультировать твоего дядю.

Я медленно кивнул.

Апокалипсические обрывки семейного фольклора совсем недавно заняли свои законные места, когда завесу тайны сначала чуть приоткрыл Мерими, а потом и сам дядя Альберт, который с удовольствием предавался воспоминаниям во время нашего с ним торжественного семейного обеда, организованного вчера вечером.

— Кстати, доктор Мерими тоже примет участие

в нашем предприятии, — сообщил мне Рагма.

Я продолжал кивать.

— Как бы там ни было, — пообещал я Рагме, — не сомневаюсь, что это приключение будет волнующим и поучительным.

Мы подошли к машине, забрались в нее и отправились в город.

У меня за спиной в песке неожиданно раскрылось множество дверей, и я стал думать о женщинах, тиграх, башмаках, кораблях, сургуче и всякой подобной ерунде, стоящей у порога.

Скоро, скоро, скоро…

— Вариации на Тему Третьей Горгульи от Конца Звезды и Мечты о Времени…

Я наконец разыскал его в маленьком городке, примостившемся в тени Альп; он сидел на крыше местной церквушки, внимательно и задумчиво разглядывали гигантские часы на городской ратуше, что стояла на противоположной стороне улицы.

— Добрый вечер, профессор Добсон.

— А? Фред? Господи Боже мой! Осторожно, вон тот камень качается… Вот так. Отлично. Не ожидал увидеть тебя сегодня вечером. Впрочем, я очень рад, что ты пробегал мимо. Я собирался послать тебе утром открытку, в которой хотел

рассказать об этом чудном городке. Дело ведь не только в возможности забраться наверх. Посмотри, какая здесь перспектива! Посмотри внимательно на большие часы, ну как?

— Хорошо, — сказал я, устраиваясь рядом с ним и упираясь ногой в какую-то каменную виньетку. — У меня для вас есть кое-что, — добавил я и передал профессору сверток.

— Ой, спасибо. Какая приятная неожиданность. Сюрприз… О, да он булькает, Фред.

— Ага.

Профессор развернул бумагу.

— Вот это да! Что-то я не могу понять надпись на этикетке, так что я, пожалуй, лучше попробую содержимое.

Я не сводил глаз с больших часов на башне.

Через некоторое время:

— Фред! — воскликнул профессор. — Я в жизни не пробовал ничего подобного! Что это такое?

— Стереоизомер обычного бурбона, — объяснил я. — На днях мне разрешили пропустить несколько бутылок через машину Ренниуса — специальный комитет ООН, занимающийся инопланетными артефактами, последнее время ведет себя со мной крайне доброжелательно. Так что в некотором смысле вы сейчас попробовали

очень редкий напиток.

— Понятно… А по какому случаю?

— Звезды прошли свой огненный путь и оказались в нужных местах, они расположились с изысканной изобретательностью, и я смог расшифровать их древнее предзнаменование.

Профессор кивнул.

— Красиво сказано, — похвалил он меня. — Только не понятно, что это значит.

— Ну, если начать сначала — я получил диплом.

— Весьма огорчительно. Я уже почти поверил, что с тобой этого никогда не случится.

— Я тоже. Но они меня перехитрили. Теперь я работаю на государственный департамент или на ООН; все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

— А чем ты занимаешься?

— Вот как раз об этом я сейчас и раздумываю. Понимаете, мне предоставили право выбора.

Профессор сделал еще один глоток и передал бутылку мне.

— Нет ничего хуже необходимости выбирать, — заявил он. — На, выпей.

Я кивнул и сделал глоток.

— Именно поэтому я и хотел поговорить с вами

— прежде чем принять окончательное решение.

— Такая серьезная ответственность, — проговорил профессор, забирая у меня бутылку. — А почему со мной?

— Некоторое время назад, когда меня пытали в пустыне, я вспомнил всех своих многочисленных наставников и кураторов. Только совсем недавно я понял, почему одни из них были хорошими, а другие никуда не годились. Самые лучшие из них не пытались заставить меня выбрать какую-нибудь из проторенных дорог. Впрочем, таких кураторов всегда было трудно убедить подписать мою карточку с набором предметов. Они всегда довольно долго со мной беседовали. И это были совсем не обычные разговоры. В явном виде ни один из них не дал мне прямого совета. Я даже вряд ли смог бы воспроизвести то, о чем мы с ними разговаривали. Мне кажется, они считали, что, если что-то достается человеку с трудом, он начинает ценить свое приобретение гораздо больше, чем если бы оно просто свалилось на него с голубых небес. Мы, как правило, обсуждали не научные вопросы. Именно этим преподавателям и удалось научить меня чему-либо, и я думаю, что в определенном смысле они руководили моей деятельностью. Они не хотели, чтобы я

делал что-то, по их мнению, нужное, они хотели, чтобы я сумел увидеть то, что видели они. Что-то вроде их взгляда на жизнь, без прикрас. Так вот, поскольку вам, одному из немногих, в течение нескольких лет удавалось избегать назначения на пост моего куратора, я считаю вас своим настоящим наставником.

— Я совсем не намеренно… — проговорил профессор.

— Именно. В моем случае это было самым лучшим способом решения проблемы. Возможно, единственным. Вы многое показали мне и таким образом помогли. Вы помогали мне не раз. Сейчас я думаю о нашем последнем разговоре, там, в университетском городке, перед вашей отставкой.

— Прекрасно помню.

Я закурил.

— Ситуацию, в которой я оказался, довольно трудно объяснить. Попробую изложить просто: звездный камень, инопланетный артефакт, полученный нами на хранение на неограниченное время, обладает разумом. Его создала раса, похожая на нашу, — она погибла. Камень нашли среди руин этой цивилизации многие века спустя после ее гибели, и никто не понял, что это такое. Ничего удивительного — ничто

не указывало на то, что он является тем самым Спейкусом, о котором говорилось в сохранившихся и переведенных на другие языки записях. Было принято считать, что речь идет о каком-то исследовательском комитете или процессе, а может быть, программе, собиравшей и обрабатывавшей информацию с точки зрения социальной науки. Однако на самом деле в записях речь шла о звездном камне. Чтобы он мог действовать на полную мощность, нужно существо, похожее на нас. Он становится чем-то вроде симбиотического гостя внутри этого существа, получая и обрабатывая данные из его нервной системы, в то время как его «хозяин» занимается своей работой. Используя полученные сведения, Спейкус становится чем-то вроде социального компьютера. Взамен он до бесконечности обеспечивает своего «хозяина» безупречным и всегда здоровым организмом. Он может предоставить анализ всех явлений, с которыми встретился впрямую или косвенным путем, выдать сравнительные данные, абсолютно непредвзятые, поскольку не относится ни к одной из форм жизни, но при этом он определенным образом сориентирован благодаря своей конструкции. Он предпочитает находиться в теле подвижного существа, голова

которого наполнена разнообразными идеями.

— Потрясающе. А как тебе удалось все это узнать?

— Совершенно случайно я его частично активировал. После этого «камень» забрался внутрь моего тела и сумел уговорить меня включить его на полную мощность. Что я и сделал. Однако в процессе я практически лишил себя возможности общаться с ним — наша связь проходила на самом элементарном уровне. Потом его удалили, и я вернулся в свое нормальное состояние. Тем не менее он продолжает функционировать, и телепаты-аналитики могут с ним общаться. Сейчас Галактический Совет и ООН хотели бы, чтобы «камень» заработал снова. Было предложено оставить его одним из специальных объектов в цепочке кула, обеспечивая каждый мир, который он посетит, подробным отчетом о его социальных условиях. Путешествуя меж звезд на протяжении многих лет, он сможет существенно расширить базу своих данных. Кроме того, Спейкус обеспечит Совет сведениями о целых секторах цивилизованной Галактики. Это живой процессор, с определенными телепатическими способностями — за несколько веков своей жизни он накопил массу самой разнообразной информации, так

что он дал мне совет по поводу одной из статей Галактического Кодекса и знал, как действует машина Ренниуса. Спейкус обладает уникальной комбинацией объективности и способности к сопереживанию, благодаря этому его доклады могут представлять более чем обычный интерес.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал профессор Добсон.

— Да. Такое впечатление, что Спейкус ко мне привязался и хочет, чтобы я стал его «хозяином».

— Потрясающие возможности.

— Вот именно. Однако если я отклоню это предложение, я все равно смогу заняться изучением всех этих проблем на Земле в качестве специалиста по инопланетной культуре.

— А зачем на это соглашаться, если можно получить ту работу?

— Я подумал о мелких шажках, а потом об ускорении. Совсем недавно мы были там, и вот мы уже здесь. А все что между — немного нереально: интервал между вершинами башен, на которые нам удалось взобраться. Здесь, наверху, куда я смотрел вниз и оглянулся назад, я впервые заметил, что вершины моих башен приблизились друг к другу. Скорость течения времени заметно увеличилась. Все, что находится там, внизу и между,

впадает в отчаяние, становится абсурдным. Вы сказали, что когда мне наконец придут в голову такие мысли, я должен вспомнить бренди.

— Говорил. Вот, держи.

Я выбросил сигарету.

— Если бы расстояния не были такими большими, ты мог бы плюнуть в лицо Времени, — заметил профессор, когда я вернул ему бутылку. — Да, я все это говорил, и тогда это было правдой. Для меня.

— Ну и где мы в результате оказались? — спросил я. — На вершине шпиля, куда было особенно трудно забраться и где, как мы прекрасно знаем, уже давно сидят другие. Они считают нас развивающимся миром — примитивным, варварским. Скорее всего, они правы. Нужно смотреть правде в глаза. Не мы первые забрались на вершину. Если я соглашусь на эту работу, роль дисплея в большей степени буду играть я, а не Спейкус.

— Говоря статистически, — заметил профессор, — весьма маловероятно, что мы окажемся среди первых, так же, как и среди последних. Во все, что говорил в тот момент, я верил, кое-чему я верю и сейчас. Однако обрати внимание: когда я беседовал с тобой, моя карьера была завершена, твоя же только начинается, в тот момент

меня занимал тот факт, что мое время подошло к концу. Но с тех пор в моей голове поселились новые мысли. Например, я не раз обдумывал высказывание профессора Кюна о структуре научных революций — возникает мощная новая идея, традиционные схемы мышления рушатся, и строительство начинается с нуля. Маленькие шажки, один за другим. Проходит время, и все снова кажется аккуратным и разумным, если не считать нескольких лишних, никуда не укладывающихся кусочков. Тогда кто-то другой швыряет очередной кирпич в окно. Так было всегда, а в последние годы кирпичи стали падать чаще и чаще. Не оставляя времени на то, чтобы навести порядок. Когда же мы встретились с инопланетянами, прибыл целый грузовик таких кирпичей. Вполне естественно, наш интеллект начал спотыкаться. Однако кем бы мы ни были, между ними и нами существуют немалые различия. Естественно. Нельзя сыскать двух одинаковых людей или два неотличимых друг от друга народа. Даже если нет иных причин, кроме этой, я не сомневаюсь, что мы внесем свой вклад. Мы обязаны пережить град падающих на наши головы кирпичей — ведь остальные, теперь это становится очевидно, пережили. Если же мы

не справимся, тогда наша раса не заслуживает того, чтобы занять место рядом с ними. В моем желании быть лучшим и первым не было ничего дурного, разве что порочно само желание оставаться в одиночестве. Ученые, занимающиеся антропологией, постоянно говорят о релятивизме культуры, каждая ступень эволюции автоматически вызывает у них чувство превосходства по отношению к тому народу, степень развития которого они оценивают, — а они оценивают всех. Теперь наступил момент, когда нас, в том числе и антропологов, будет оценивать само время. Похоже, тебя это задело даже сильнее, чем ты сам готов признать, причем в самой любимой тобой сфере мышления. На это я могу сказать лишь одно: приободрись и постарайся извлечь для себя что-нибудь полезное. Смирение, например. Мы стоим на пороге возрождения, если я правильно понимаю происходящее. Обязательно наступит день, когда кирпичи перестанут валиться на нас, и Время приостановит свой бег, и тогда мы сможем, наконец, навести порядок в своем доме. И снова ощутим самодостаточность. А когда этот день придет для тебя, с кем ты будешь?

Он немного помолчал.

— Ты пришел просить у меня совета, — продол-

жил Добсон, — а я рассказал тебе даже больше, чем ты хотел. Во всем виновата хорошая компания и превосходная выпивка. Поэтому я пью сейчас за тебя и за время, которое так сильно меня изменило. Продолжай восхождение. Вот и все. Продолжай восхождение, а потом постарайся забраться еще немножко выше.

Я взял у него бутылку, сделал глоток и посмотрел на здание, расположенное на противоположной стороне улицы.

— Почему мы следим за часами? — спросил я.

— Ждем, когда пробьет полночь. Это должно произойти с минуту на минуту.

— Ответ кажется мне слишком очевидным, хотя и данным очень уж к месту.

Профессор усмехнулся.

— Не я писал этот сценарий, — сказал он. — К тому же все мои ответы давно кончились, Фред. Я просто хочу насладиться спектаклем. Есть вещи, которые интересны сами по себе.

— Верно. Извините. И спасибо вам.

— А вот и они!

Маленькие дверцы по бокам часов распахнулись. С одной стороны появился лакированный рыцарь, с другой — мрачный шут. У рыцаря в руках был меч, а у шута жезл. Они стали при-

ближаться: рыцарь прямой и величественный, шут вприскочку, или это он хромал — я не очень понял. Они, подпрыгивая, направились прямо к нам, на лице у рыцаря застыла усмешка, а у шута — хмурая тоска. Они дошли до конца колеи, повернулись на девяносто градусов и направились к колоколу, который занимал центральное положение. А потом рыцарь поднял свое оружие и нанес первый удар. Раздался низкий глубокий звон. Через несколько секунд шут поднял жезл. Звук получился чуть более резким, но таким же мощным.

Рыцарь, шут, рыцарь, шут… Удар следовал за ударом, на таком близком расстоянии я не только слышал их, но и ощущал. Шут, рыцарь, шут, рыцарь… Они крушили воздух, убивая день. Шут нанес последний удар.

Потом несколько мгновений они, казалось, смотрели друг на друга и, словно договорившись о чем-то, направились обратно к дверцам, из которых появились несколько секунд назад. Когда дверцы за ними закрылись, последние отзвуки эха успели смолкнуть.

— Люди, которые никогда не забираются на соборы, лишают себя возможности стать свидетелями потрясающего представления, — заметил я.

— Оставь свои дурацкие морали на другой раз, — проворчал Добсон. Немного погодя он добавил: — За улыбающуюся леди!

— За скалы империи! — отозвался я.

Обрывки и Кусочки, Утерянные в Пространстве Гильберта, Возникают, Дабы Описать Медленные Симфонии и Архитектуру Настойчивой Страсти…

Словно впервые в жизни, он созерцал ночь с вершины высокой Башни Чезлерей, в том месте, что зовется Ардель, возле моря с таинственным названием. Пол Байлер где-то откалывал от мира кусочки и делал с ними удивительные вещи. Предприятие «Айра Энтерпрайз» под председательством Альберта Кассиди уже готовилось открыть офисы на четырнадцати планетах. Книга под названием «Блевотина Духа», написанная неизвестным автором, который называет своими соавторами девушку, карлика и осла, только что стала бестселлером. Денису Векслеру пришлось обзавестись костылями — сломал ногу, пытаясь забраться на крышу студенческого Союза.

Он думал об этих и о множестве других вещей, оставшихся там, далеко в небе. Он вспоминал о своем уходе.

Чарв сказал тогда:

— Ты слишком много куришь. Возможно, во время этого путешествия тебе удастся уменьшить норму или бросить совсем. В любом случае, постарайся как следует развлечься. Именно это — вместе с упорной, честной работой — и заставляет мир вращаться.

Надлер крепко пожал ему руку, улыбнулся своей идеальной улыбкой и заявил:

— Я знаю, вы всегда будете гордостью нашей организации, доктор Кассиди. Если вас посетят сомнения, вспомните о традициях и импровизируйте. Не забывайте, кого вы представляете.

Мерими подмигнул и сказал:

— Мы собираемся открыть цепочку публичных домов по всей Галактике для путешествующих землян и обожающих приключения инопланетян. Не тоскуй, управимся быстро. Пока же займись философией. А если у тебя возникнут неприятности, вспомни номер моего телефона.

— Фред, мой мальчик, — прослезился дядя, отбросив в сторону свою дубинку и обнимая его за плечи, — это великий день для Кассиди! Я всегда знал, что ты найдешь свою судьбу где-то среди звезд. Второе зрение, знаешь ли. Доброго пути и экземпляр Тома Мура для компании!.. Я свяжусь с тобой через мою контору на Вибеспере, а позднее,

может быть, пришлю Рагму. Я не зря вкладывал в тебя деньги, приятель!

Он улыбнулся абсурдности, традициям, намерениям. Его переполняли чувства.

«Я сожалею о том, что вызвал тот приступ в автобусе, Фред. Мне просто было необходимо узнать, как устроено твое тело на случай, если мне пришлось бы заняться починкой. Я ведь привык к правонаправленности».

— Я догадался об этом, позднее.

«Этот мир — замечательное место, Фред. Мы находимся здесь всего один день, а я уже могу предсказать с высокой степенью надежности, что нам предстоит пережить весьма необычный опыт».

— А что от этого получаешь ты, Спейкус?

«Я — записывающее и анализирующее устройство, комбинация туриста и камеры. Полагаю, лучшего сравнения не придумаешь. В те моменты, когда они функционируют одновременно, наши ощущения, как мне кажется, становятся похожими».

— Наверное, здорово — настолько хорошо знать себя. Сомневаюсь, что когда-нибудь так будет со мной. — Он зажег сигарету и начал жестикулировать. — Ну, скажи мне, стоило совершать это

путешествие?

«Ты уже и сам знаешь ответ».

— Да, наверное, знаю. — «Люди, которые забирались вверх и украшали скалы и стены пещер, правильно все понимали, — решил он. — Да, именно так».

Почему он так решил, я и сам не понимаю. Конечно, я хорошо его знаю. Но сомневаюсь, что когда-нибудь буду знать досконально. Ведь я всего лишь запись…